

[Polaris]

НИКОЛАЙ БОРИСОВ

**ЧЕТВЕРГИ МИСТЕРА
ДРОЙДА**

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDV

Salamandra P.V.V.

**Николай
Борисов**

ЧЕТВЕРГИ МИСТЕРА ДРОЙДА

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг. Том XXXIV

Salamandra P.V.V.

Борисов Н. А.

Четверги мистера Дройда: Кино-роман (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Т. XXXIV). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2022. — 238 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDV).

Фантастическо-приключенческий роман репрессированного украинского писателя Н. А. Борисова (1889-1937) «Четверги мистера Дройда» (1929) рассказывает о вымышленной капиталистической стране, где изобретен способ тотального контроля сознания, а жизнью граждан ведает зловещий «Комитет человеческого спасения». Роман продолжает нашумевший в свое время боевик Борисова «Укразия» (1924, переиздан нашим издательством в 2013 г.), который лег в основу одноименного кинофильма. Романы Борисова, хотя и относятся к советской бульварной литературе, одновременно пародируют многочисленные образчики «революционного лубка» и не лишены явственного налета самоиронии.

КИНО-ФИЛЬМ

УЛТРА

МИСТЕРА

ДРОЙДА

НИКОЛАЙ БОРИСОВ

ЧЕТВЕРГИ МИСТЕРА ДРОЙДА

КИНО-РОМАН

Посвящается С. Е. Марголиной-Карельштейн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФАБРИКАНТЫ ИНВАЛИДОВ

Глава I

КАПСОСТАР

Капсостар*, столичный город одной из республик, возникших в эпоху грандиозных социальных потрясений, переживал большой индустриальный подъем.

Все, за исключением рабочих, видели в этом росте промышленности и торговли золотую эру капитализма. Пресса, захлебываясь, пела дифирамбы правительству.

— Золотой век, — кричали газеты.

— Золотой век, — шептали разодетые женщины, покупая все новые и новые наряды.

— Золотой век, — пели со всех эстрад раздетые певицы.

— Золотой век, — повторяли обыватели и насмешливо улыбались, проходя мимо особняка полпредства СССР.

Красный флаг, развевавшийся над куполом здания, их уже не волновал и не злил: они терпели его, уверенные, что скорое настанет час, и он упадет, уступив место старому — трехцветному. Да как же ему не упасть, когда там, в стране социализма, по словам газет, задыхались от безработицы, бестоварья и голода?

— Они падут, — надрываясь, кричали передовицы.

— Они падут.

Столица была охвачена строительством. Всюду вздымались вновь выстроенные дома. Мостовые заливались асфальтом, на крышах высоких домов устраивались площадки для аэропланов. Город рос со сказочной быстротой, выбрасывая вверх колоссальные утюги железобетонных фабрик и дворцов.

Старый город с кривыми, наивными улицами отступал, один за другим теряя свои дряхлые особняки. На месте ста-

* Капсостар — капиталистический союз старого режима.

рых, уютных, изукрашенных лепными украшениями, нелепыми кариатидами, домов город воздвигал суровые прямоугольные кубы из холодного железобетона.

Золотая горячка вызывала горячку любви и наслаждения. Спешно открывались новые кабаре, рестораны с отдельными кабинетами, всюду можно было потребовать на десерт женское тело.

Из рабочих кварталов доносился глухой рокот недовольства, изредка прорываясь вспышками забастовок и открытых выступлений.

Трусливые действия вождей Амстердаминтерна (Амстердамского интернационала профсоюзов), соглашательские речи и призывы к спокойствию все более и более отталкивали рабочую массу, которая шла и сплачивалась в железные ряды вокруг единственной рабочей партии, входящей в Коминтерн.

Несмотря на «свободу» печати, собраний и тому подобные фальшивые выдумки демократизма, партия ушла в подполье, организуя рабочих, подготавливая их к решительному выступлению.

Полиция через своих бесчисленных «крикунов» — агентов охраны — провоцировала выступления неорганизованных рабочих, еще не вошедших в партию, и жестоко подавляла их.

Слава Капсостара разнеслась по всему миру, как пример страны «классической» борьбы с коммунизмом и рабочим классом.

Газеты отвлекали внимание публики, изоощряясь в изобретении все новых и новых сенсаций.

Очередной сенсацией, долго заполнявшей страницы газет, было известие, что приехавший миллиардер, мистер Флаугольд, скупил почти все свободные земли города, на которых неизвестно для какой цели строятся странные здания. Особенно поражало одно, которое воздвигалось около Зеркального озера. Оно было без окон наружу.

Никто ничего не знал. Инженеры знали не больше других, так как здания строились по планам, на которых не было никаких надписей.

Известно было только, что Флаугольда поддерживали власти, что он держит в своих руках всю промышленность страны, что через своих агентов он скупил акции всех наиболее крупных предприятий, что он купил все газеты, от демократических до официальных, и стал единственным распорядителем общественного мнения страны.

Но он этим пользовался чрезвычайно тонко, создавая иллюзию существования общественной мысли, свободы печати. Ведь этой стране необходим был декорум, необходима иллюзия свободы, а до реальности жизни им не было никакого дела. За них думали, за них делали, предоставляя им только жизнь веселья и наслаждений.

Некоторые лидеры рабочей партии втихомолку отстраивали себе роскошные виллы, покупали поместья.

Наиболее прозорливые понимали, в чем дело, но предпочитали молчать и только иногда многозначительно бросали фразы о том, что постройка загадочного здания — часть обширного гениального плана.

Известия об этом стали проникать в иностранную прессу.

Крупнейшая английская газета «Дэйли мэйл» послала в Капсостар своего самого ловкого, пронырливого корреспондента, Виллиама Дройда, создавшего себе имя корреспонденциями с театра гражданской войны юга России.

Газеты подхватили мысль о гениальном плане и, захлебываясь, стали строить невероятные предположения. Несколько дней со столбцов газет не сходили восхваления гениального организатора, переходя всякую границу лести, но вдруг все газеты, как по сигналу, замолчали и перехватили внимание публики, открыв очередной «заговор» коммунистов и «московские деньги».

В разгар этих сенсационных разоблачений, в разгар новой вспышки ненависти к рабочим, в разгар арестов и приехал Дройд.

Заняв в лучшем отеле номер, состоявший из трех комнат с ванной и представлявший роскошно обставленную изолированную квартиру, Дройд с первым визитом отправился к сэру Барлетту. Барлетт — неофициальный предста-

витель Англии, — был на страже интересов капиталистов своей страны, чтобы в нужный момент заявить протест против чрезмерных аппетитов Капсостара в случае, если придется делить СССР на колонии.

И он всегда находился в курсе дел, и у него в столе давно лежала карта СССР с пометками, сделанными его собственной рукой.

Он не сильно изменился после своего представительства в добровольческой армии: такой же элегантный костюм, та же сигара во рту, и только на гладко зачесанных висках серебрились нити седых волос.

Как и всегда, Дройд бурно ворвался к нему в кабинет.

— Сэр Барлетт...

— Какими судьбами, Виллиам?

— По обыкновению, на охоту за строчками. Гонорар — для меня, сенсация — для газеты.

— Вот как, — улыбнулся Барлетт. — Вы неисправимы, Дройд, но ведь это не Ук-р-а-зи-я, а культурная страна, где не о чем писать, кроме достижений индустрии.

— А заговоры, сэр Барлетт?

— Заговоры! Вы наивны. Эти заговоры вы можете описать, не отходя ни на шаг от письменного стола. Это очевидной бум, не более.

— Я думаю иначе. А кстати, меня осенила прекрасная мысль, и я уверен, сэр Барлетт, что вы окажете мне свое содействие.

— Можете рассчитывать на меня... вполне, Виллиам.

— Я решил здесь организовать «четверги».

— Четверги?

— Это замечательная идея. Мы будем собираться по четвергам, и каждый из нас расскажет что-нибудь из своей жизни. А главное, сэр Барлетт, главное — это то, что я смогу познакомиться и связаться со многими людьми, нужными людьми.

Барлетт медленно выпустил густой клуб дыма.

— Вы неисправимы, Дройд, но, мне кажется, это будет интересно.

Глава II

Я ВАШ МУЖ. РАЗРЕШИТЕ УЗНАТЬ ВАШЕ ИМЯ

Несмотря на то, что в Капсостаре чувствовалась лихорадочная подготовка к войне, несмотря на стремительное вооружение и комплектование армий, несмотря на то, что через вокзалы города бесконечной вереницей проходили воинские составы поездов, несмотря на то, что улицы заполнялись бряцанием и звяканьем сабель офицеров, — во всех ресторанах гремела музыка, наполняя улицы желанием веселья и мимолетного счастья.

«Черная бабочка» пользовалась колоссальной популярностью не оттого, что там собирались самые очаровательные кокотки города, а потому, что там можно было посмотреть на мистера Флаугольда.

С сигарой во рту Барлетт невозмутимо глядел на сцену: циничными выкриками и жестами смеша публику, на ней кривлялась пара клоунов.

Дройд впитывал в себя все — каждый жест, каждую улыбку, каждое слово соседей по столикам. Ничего подобного в своей чопорной, добротной Англии он не видал и с удовольствием наблюдал за нравами граждан лимитрофа.

Барлетт окликнул проходившего стройного джентльмена в безукоризненно сшитом сером костюме:

— Сэр Арчибальд, прошу к нам.

— Благодарю, сэр Барлетт, с удовольствием, — и, подойдя к столику, он крепко стиснул руку Барлетта.

Все в нем изобличало офицера: и манера держаться, и, главное, выправка, свойственная только офицерам *pur sang**. Выразительные глаза были полны энергии, силы, а идеально выбритый подбородок и губы говорили о сильной воле и железной непреклонности. Это был мужчина, и это чувствовалось во всем.

* Чистокровным (фр.). (Прим. ред.).

— Прошу. Знакомьтесь.

— Арчибальд Клуks, его королевского величества капитан в отставке.

— Виллиам Дройд, специальный корреспондент газеты «Дэйли мэйл».

Неизбежное сода-виски не нарушило ни корректности джентльменов, ни интонации голоса.

В одной из лож в одиночестве сидел мистер Флаугольд. Он не молод и не стар, но на его лбу и лице жизнь начертила характерные линии воли и энергии. Из-под густых, чуть седоватых бровей смотрели живые, немного иронические глаза.

Он медленно тянул мазагран, со скукою наблюдая блестящих офицеров, пивших за будущие победы. Иногда, когда он слышал какой-нибудь воинственный тост, гримаса презрения пробегала по его губам.

«Идиоты, — думал он. — Они воображают, что их оружие чего-нибудь стоит».

Арчибальд Клуks, встретившись глазами с мистером Флаугольдом, корректно поклонился.

— Это замечательный человек, — обратился он к Дройду, — некоронованный император, единственная самодержавная власть в этой республике.

— Разве он президент?

— Нет, президент — чиновник на службе его величества мистера Флаугольда.

— Да, это гениальный человек, — подтвердил Барлетт.

Дройд с любопытством осмотрел Флаугольда, но не нашел в нем тех черт, которыми он наделял властителей и королей. «Человек как человек: ни самодовольства, ни надменности. Очень любопытно».

Он машинально налил в свой бокал виски и поднес его к губам.

— Виллиам, — предостерег Барлетт, — разве вы пьете одно виски?

— Разрешите, я исправлю вашу рассеянность, — и Арчибальд Клуks дополнил бокал Дройда содовой водой.

За одним из столиков сидела элегантная молодая жен-

щина, обращавшая на себя всеобщее внимание. Из-под длинных, густых ресниц смотрели яркие синие глаза, полные какой-то внутренней усталости. Высокий, крутой лоб обрамляли гладко зачесанные черные волосы с ровным пробором по-мужски, а линия стриженного затылка гармонировала с гордой шеей. Несмотря на бедное платье, она держалась непринужденно.

Ее спутник, стройный и худощавый молодой человек, также не пытался скрывать бедности, которая выглядывала из всех швов потертого смокинга.

Он возбужденно следил за ней, за ее глазами, лихорадочно обегавшими залу. Время от времени он уговаривал ее уйти из ресторана.

— Нет. Нет.

— Аннабель, я прошу тебя, идем отсюда.

— Нет, Хозе, ни за что. Здесь моя судьба. Довольно мучиться. Довольно..

— Тише, Аннабель, на нас обращают внимание.

— Ну и пусть. Я достаточно красива, чтобы нравиться.

И, поймав взгляд выпученных глаз корнета из кутящей офицерской компании, она улыбнулась ему. Хозе схватил ее за руку.

Это движение не укрылось от Флаугольда, который, перегнувшись из ложи, с любопытством посмотрел на них.

«Странная пара. А девочка — ничего», мысленно отметил он.

Аннабель вскочила, оттолкнув стул ногой, и, воспользовавшись моментом, когда на мгновение прекратилась музыка, запела чистым, звучным голосом. Она пела, обращаясь к Хозе:

Мой милый, зачем голодать нам,
В мечтах пить душистый кларет?
Ах, сколько прекрасных вещей там,
А здесь нет рубля на обед.
Зачем мне бороться с судьбою?
Устала, устала я задать.

Люблю я тебя, но с тобою
Не в силах я больше страдать...

И вдруг, повернувшись к Хозе, поцеловала его и сейчас же быстро отскочила вглубь зала.

— Браво, браво! Великолепно!

Офицерская компания начала аплодировать.

Пучеглазый корнет направился навстречу Аннабель, звякнув шпорами, представился и пригласил ее присоединиться к компании.

— Садитесь к нам. Человек, бокал! — закричал корнет, подставляя стул Аннабель. — Что вы будете пить?

С минуту невидящим взглядом смотрела на стоящего в выжидательной позе корнета, наконец, встряхнувшись, Аннабель устало села и, не оборачиваясь более к Хозе, застывшему у стола, с деланным весельем крикнула:

— Вина! Побольше. Пить, да так, чтобы все пошло к черту. Вина, корнет!

«Готова, — подумал Флаутольд. — Но, право, жаль, если она. достанется этому молокососу».

Его размышления были прерваны стуком в дверь логи, и он недовольно произнес:

— Войдите.

В ложу впорхнула баронесса Остен-Сакен.

— Сэр, я разрешила себе нарушить ваше одиночество, — игриво начала она, но Флаутольд невежливо прервал, не вставая при ее входе:

— Я не раз говорил вам, баронесса, что я не сэр, а просто мистер Флаутольд.

— Вы нелюбезны, — так же шутлива продолжала баронесса, как будто не замечая холодного тона Флаутольда, — но вы все, американцы, эксцентричны, и я вам прощаю.

— Очень благодарен, баронесса.

— Больше того, у меня есть для вас интересная новость...

И на мгновение баронесса остановилась, желая насладиться эффектом своих слов, но ничего не увидела. Флаутольд был спокоен и не выражал ни малейшей радости, ни

любопытства поскорей узнать ее новость. А новость у нее была сногсшибательная: она пришла сватать Флаугольду настоящую голубую кровь, кровь великокняжескую, кровь русского престола.

Все это она быстро прошептала на ухо Флаугольду.

— Вы понимаете, одно ваше слово — и она... — громко заключила свою речь баронесса.

Флаугольд с жесткой усмешкой смотрел на баронессу. Он не видел в ее словах ничего необычайного, но сегодня он был в дурном настроении, и ему хотелось сказать ей что-нибудь неприятное.

Вдруг у него мелькнула мысль, которая сразу привела его в хорошее настроение и заставила расхохотаться.

— Очень ценю ваши добрые намерения, баронесса, — сказал он, заставив себя принять серьезный вид, — но вы опоздали: я женат.

— Как! На ком? Когда? Ведь, приехав сюда, вы не были женаты.

— А теперь женат.

— Но где же ваша жена? Почему же она не с вами?

— Она здесь.

— Но где же? Познакомьте меня с ней.

— С удовольствием, — Флаугольд пожал плечами и посмотрел вниз.

Аннабель непринужденно сидела среди офицеров, с веселым видом поддерживая оживленный разговор.

— Я сейчас ее приглашу. — И, вызвав лакея, Флаугольд сказал ему на ухо несколько слов.

Утомленный и обилием впечатлений и жаждой работы, Дройд простился со своими собеседниками.

— Так вы, Дройд, приезжайте ко мне. Я вас познакомлю с начальником концлагеря.

— Обязательно. Я на сто процентов использую ваше приглашение.

— Вы не пожалеете, — усмехнулся Клуks, — там интересно, а главное — есть интересные экземплярики. Полковник Ферльбот вам все покажет.

— На днях буду.

И Дройд заскользил к выходу из ресторана, искусно лавируя между столиками.

Оставленный в одиночестве Хозе в полном отчаянии сидел за своим столиком и, чтобы не смотреть на Аннабель, блуждал глазами по залу.

Он заметил разговор Флаугольда с лакеем и, видя, что лакей направляется к Аннабель, бросил последнюю свою монету на стол и, бледный, как смерть, бросился к выходу.

— Хозе! — крикнула Аннабель.

Он на мгновение остановился, но сейчас же, не оборачиваясь, выбежал из зала.

Аннабель выскочила из-за стола, но ей, низко кланяясь, почтительно преградил дорогу лакей.

— Пропустите меня.

— Мадам, ваш муж просит вас на минутку к нему.

— Мой муж?

— Он ждет вас в этой ложе.

Аннабель повернулась и увидела улыбавшееся ей из ложи лицо мистера Флаугольда. Офицеры взглянули на ложу, сейчас же вскочили и, щелкая шпорами, вежливо поклонились Аннабель,

Ошеломленная Аннабель, как во сне, шла за лакеем, как во сне, переступила порог ложи и совершенно отчетливо, но как будто издалека услышала:

— Разрешите, миссис Флаугольд, представить вам баронессу Остен-Сакен.

Машинально коснулась протянутой руки баронессы и прошептала:

— Очень рада.

Обескураженная и недоумевающая баронесса с трудом заставила себя сказать несколько любезных слов и поспешила покинуть ложу.

Аннабель постепенно собиралась с мыслями и, наконец, посмотрев на Флаугольда и встретив его смеющийся взгляд, окончательно пришла в себя.

— Что это значит? — спросила она, не зная, смеяться ли ей или сердиться.

— Простите, мадам, вы моя жена.

— С каких пор? — засмеялась она, решив поддержать шутку.

— С сегодняшнего вечера, — с улыбкой ответил Флаугольд.

— У-д-и-в-и-т-е-ль-н-о, — протянула Аннабель, продолжая смеяться, — а я и не знала. Почему вы не предупредили меня о таком важном событии в моей жизни?

— Разве вы не хотите быть женой Флаугольда?

— Флаугольд! Тот самый? Миллионер?

— Именно тот самый, — засмеялся Флаугольд. — Разрешите узнать ваше имя.

— Аннабель.

— Значит, Аннабель, решено: я ваш муж, — сказал Флаугольд, протягивая ей руку.

«Ах, не все ли равно, — мелькнула у Аннабель мысль, — уж лучше этот, чем корнет».

— Решено, — сказала она упавшим голосом и положила свою маленькую ручку на квадратную ладонь Флаугольда.

Он наклонился и почтительно поцеловал ей руку.

Глава III

БЕГСТВО ТЗЕНЬ-ФУ-СИНЯ

Шум подъезжавшего мотора всколыхнул тишину концлагеря, где томились сотни рабочих.

К плавно подъехавшему мотору подскочил стоявший у ворот начальник караула, а часовой вытянулся и взял винтовку на караул.

— Все благополучно? — спросил, выходя из мотора, полковник Ферльбот.

— Так точно, — ответил начальник караула.

За полковником из автомобиля вышел мистер Дройд и торопливо догнал входившего в ворота полковника.

Мистер Дройд приехал в лагерь набрать материал для своих очередных фельетонов. «Дэйли мэйл» не скупилась

на оплату его фельетонов и статей, в особенности тогда, когда Дройд громил Советы.

Полковник Ферльбот взял мистера Дройда за руку и повел его к ближайшему барaku.

— Здесь помещаются «большевики», — сказал полковник.

— Необычайно интересно, — оживленно подхватил Дройд. — Я когда-то встречался с русскими...

— Ну, положим, разницу вы найдете.

На минуту остановились перед длинным дощатым баракom, начинавшим бесконечную шеренгу зданий, чтобы закурить сигары.

Наскоро построенные бараки, построенные частью для прикрытия строительных материалов от дождя, частью когда-то служившие для общежития рабочих, были зыбкими постройками, дрожавшими при первом порыве ветра. Они плохо были приспособлены к жилью, совсем не защищали от холода и плохо защищали от дождя; но высокий забор, окружавший площадь концлагеря, был из кирпича, а на вершине колючая проволока, присоединенная к электропроводам, являла собой чрезвычайно надежное препятствие бегству заключенных.

— Гм, однако... Бежать немислимо, но и жить в этих фанерках невозможно, — пробормотал Дройд, бегло осмотрев концлагерь.

— Вы очень гуманны, мистер Дройд, — они этого не заслуживают. — И полковник Ферльбот пропустил Дройда вперед.

В баракe не было мебели, если не считать столика и стула для дежурного. Дежурный вскочил и отrapортовал о состоянии барака полковнику.

Дройд, прищуриваясь, рассматривал заключенных, стоявших группами; от его глаз не укрылась поспешность одного молодого рабочего, спрятавшего за спину газету.

«Даже и сюда проникают “их” газеты, — пронеслась мысль у Дройда. — Любопытно бы выяснить пути».

Тзень-Фу-Синь, стоявший в группе товарищей в противоположном от входа конце барака, посмотрев своими зор-

кими глазами на вошедших, сразу узнал Дройда.

Он невольно вздрогнул, но сдержался и незаметно попытался скрыться за спины стоявших впереди товарищей.

Выслушав рапорт, полковник Ферльбот, похлопывая стеком по ботфорту, подошел к Дройд.

— Каковы экземпляры? А?

— А скажите, полковник, как к ним попадают газеты?

— Газеты! Какие газеты?.. Вы видели?

— Нет, я только спросил.

— Уф! А вы, батенька, даже напугали меня. Никакие газеты сюда попасть не могут. Это либерализм.

— Ну, конечно, раз вы не пропускаете, то какие же газеты могут здесь очутиться? — двусмысленно улыбнулся Дройд.

Медленно рассматривая арестованных, шли по бараку, перебрасываясь незначительными фразами.

Мистер Дройд обходил группы, пытливо всматриваясь в лица, и, делая заметки в записной книжке, мысленно набрасывал уже свой первый фельетон. Полковник, помахивая стеком, шел рядом с Дройдом, а дежурный сопровождал их, почтительно держась в двух шагах позади.

— Ну, вот вам один. Хорош? — спросил полковник, хватая за плечо рослого парня и выталкивая его вперед.

Но Дройд не отвечал. Широко открытыми глазами глядел на стоявшего перед ним Тзень-Фу-Синя, неожиданно появившегося из-за спины выхваченного из группы парня.

— Что, вам понравился этот? — засмеялся полковник, видя впечатление, произведенное Тзень-Фу-Синем на Дройда, и довольный, как укротитель, показавший посетителю интересного зверя.

— Кто это? — спросил, наконец, Дройд, переводя взгляд с Тзень-Фу-Синя на полковника Ферльбота.

Тзень-Фу-Синь, едва полковник и Дройд приблизились к нему, давно усвоенной гримасой придал своему лицу выражение полного идиотизма и, скосив глаза, бессмысленно смотрел на Дройда.

— Как тебя зовут? — спросил полковник.

— Дао-Ши-Чен, — сюсюкая и глупо улыбаясь, ответил Тзень-Фу-Синь.

— Нет, это не он, — сказал Дройд, — но сходство поразительное.

— А на кого же он похож? — спросил полковник, направляясь вместе с Дройдом обратно к выходу.

— Знаете, ведь я был на Украине во время гражданской войны. Так вот, он напоминает мне китайца-шпиона, который предал штаб белой армии.

— Вот как. Этим стоит заняться, — сразу насторожился Ферльбот. — Я сейчас вызову Арчибальда Клука.

— Да, вы правы, — пробормотал Дройд, — это необходимо расследовать.

— А вы помните имя того человека, мистер Дройд?

— Да. Его звали Тзень-Фу-Синь.

У столика дежурного полковник взял телефонную трубку.

— Алло! Семь-семьдесят пять-восемьдесят четыре. Вы, Арчибальд? Есть дело. Приезжайте немедленно. Не можете? Через час? Хорошо, жду.

И полковник повесил трубку.

Как только полковник и Дройд отошли, с лица Тзень-Фу-Синя сошла глупая гримаса. Несмотря на все старания, он ничего не услышал, но почти безошибочно угадал содержание разговора Ферльбота и Дройда и понял, что разговор полковника по телефону также касался его.

«Плохо, совсем плохо», — решил он, тревожными глазами провожая выходявших из барака Дройда и полковника.

Протрубил сигнал на ужин, и выстроившихся заключенных повели к походной кухне.

Походная кухня стояла на заднем дворе концлагеря, где помещался автомобильный гараж.

Пища не шла в горло Тзень-Фу-Синя; он быстрыми глазами осматривал двор и гараж, но выхода не мог найти.

Он ясно сознавал, что в его распоряжении ограниченное время, что нужно бежать, во что бы то ни стало бежать, иначе — мучения и смерть, но не за что было ухватиться. Не броситься же, в самом деле, на глазах у стражи на высокие стены, окружающие концлагерь, или на запертые железные

ворота с часовыми по обеим сторонам?

— Дежурный, дай несколько человек в гараж.

Мысль, быстрая, как молния, мелькнула в голове Тзень-Фу-Синя. Он вскочил и подошел к дежурному по кухне.

— Что, хочешь поработать? Молодец! — похвалил его дежурный и вызвал по фамилиям еще несколько человек, неохотно двинувшихся за Тзень-Фу-Синем в гараж.

В гараже было прохладно и темно. Шофер, указав им большую закрытую машину, которую надо было помыть и почистить, взял жестяную банку и направился в соседнее помещение за бензином.

Тзень-Фу-Синь со щеткой в руках принялся старательно чистить внутренность кузова машины и, выбрав удобный момент, когда остальные рабочие мыли колеса и надували шины, захлопнул дверцу и, сложившись чуть не вдвое, влез в ящик под сиденье.

Тзень-Фу-Синь чувствовал, как выкатили автомобиль из гаража, как шофер сел на свое место, браня рабочих за плохо протертые стекла фонарей, и слышал, как заработал мотор.

Наконец машина плавно тронулась к выходу из концлагеря.

Стоя перед открытой дверцей автомобиля, полковник Ферльбот пожал руку мистера Дройда.

— Очень сожалею, мистер Дройд, что принужден вас покинуть. Экстренно вызывают в штаб. Вы дождитесь Клуksа и все ему расскажете.

— Будьте покойны, полковник, я все сделаю. Мне самому интересно выяснить это дело.

Полковник вошел в автомобиль, и Тзень-Фу-Синь тотчас почувствовал, как грузное тело полковника Ферльбота опустилось на сиденье, сильно сжав ему бока и грудь.

Автомобиль помчался, и Тзень-Фу-Синь, едва дыша, радостно улыбался.

Едва автомобиль полковника отъехал от лагеря, как с другой стороны плавно подкатил автомобиль Арчибальда Клуksа.

— Где полковник? — быстро спросил Арчибальд у ка-

раульного начальника.

Дройд, подошедший к воротам, обернулся.

— Это вы, сэр Арчибальд, мне полковник поручил поговорить с вами.

— Ол-райт! — произнес Арчибальд.

Пожали друг другу руки и вместе вошли в концлагерь.

Заговорили только тогда, когда очутились в кабинете полковника Ферльбота.

— Я вас слушаю, мистер Дройд, — сказал Клуks, открывая свой небольшой изящный блокнот.

— Мне кажется, сэр Арчибальд, что в одном из пленных, содержащихся в этом концлагере, я узнал шпиона, предавшего белую армию в 1919 году.

И Дройд рассказал о сегодняшнем посещении барака.

— Его имя? — спросил Клуks.

— Видите ли, у меня нет уверенности, что это — то же самое лицо.

— Это не важно, мы уже дознаемся: у нас имеются весьма действительные способы развязать людям языки... Его имя?

— Тзень-Фу-Синь.

Арчибальд позвонил, и в дверях вытянулся ординарец.

— Привести сюда заключенного Тзень-Фу-Синя, — приказал Арчибальд.

— Но, позвольте, сэр Арчибальд, может быть, такого и совсем нет, — сказал Дройд. — Тот, с которым я разговаривал, называл себя иначе.

— Вы правы. Подожди! — сказал Арчибальд ординарцу.

Подумав с минуту, он приказал прислать дежурного по бараку, в котором Дройд видел Тзень-Фу-Синя.

— Слушаюсь, сэр, — сказал ординарец и быстро вышел из кабинета.

Через несколько минут в дверях появился дежурный по бараку и получил приказание привести заключенного, с которым разговаривал Дройд.

Клуks и Дройд ждали, покуривая сигары и разговаривая о впечатлениях Дройда в новой для него стране. Минута проходила за минутой, а заключенного все не было.

Вдруг раздалось два выстрела.

— Что это означает? — спросил Дройд.

— Тревога. Кто-то из заключенных бежал, — вскочил с места Клуks.

В комнату вошел ординарец вместе с начальником караула.

— Заключенный Дао-Ши-Чен исчез, по-видимому, бежал, — доложил бледный караульный начальник.

Клуks и Дройд переглянулись.

— Теперь я уверен, что это был он, — сказал Дройд.

На перекрестке двух шумных улиц автомобиль полковника Ферльбота принужден был остановиться в очереди застрявших экипажей и автомобилей. Полковник открыл дверцу и нетерпеливо выглянул.

— Полковник! Вот удача. Интересные для вас новости, — закричал статный и высокий генерал Хортис, только что вышедший из подъезда военной школы, и остановился у автомобиля.

— Садитесь, генерал, нам здесь никто не помешает.

Тзень-Фу-Синь, услышав слова полковника, насторожил уши.

— Какие же новости, ваше превосходительство? — спросил полковник, когда генерал уселся рядом с ним.

— Вопрос о войне с большевиками решен, — сказал Хортис, понижая голос. — Будем действовать по-японски. Помните Порт-Артур? Еще до объявления войны наши воздушные эскадрильи сделают неожиданный налет на их главные укрепленные районы, засыпят бомбами и задушат газами города, фабрики и заводы. Вы ведь знаете, что на днях мы получили две эскадрильи по пятьдесят аэропланов, управляемых посредством радиоволн. Так вот, мы их пустим в дело в первую очередь. Надо произвести потрясающий эффект и поднять патриотические чувства у населения и в армии. Тогда мы сможем быстро ликвидировать разложение, которое вносят проклятые коммунисты своей пропагандой. Страшно сказать, даже в военные школы про-

никла эта зараза!

— Не может быть, ваше превосходительство.

— Да, полковник, к сожалению, в последнее время в наших военных школах обнаружены коммунистические организации. Что же тогда делается в армии! И все-таки надо воевать, иначе — революция, иначе мы погибли.

Минутку помолчали. Первым пришел в себя полковник.

— Когда же мы начинаем, ваше превосходительство?

— Завтра Арчибальд Клуks вылетает в Союз для проверки работы наших людей, и после его возвращения будет окончательно намечен срок.

Тзень-Фу-Синь старался не пропустить ни одного слова.

Услышав о «разложении» и «пропаганде», он чуть не засмеялся от удовольствия, но вовремя сдержался.

Автомобиль неся по залитой светом из витрин, окон улице, заполненной массой гуляющей публики.

Это была «главная» улица.

По этой улице рабочие не ходили: им там нечего было делать под холодными, презрительными и даже враждебными взглядами фешенебельной публики. Они были чужими, они были врагами, которых терпели только как рабов, создающих эти громадные дома, отливающих громадные зеркальные витрины, портящих глаза на чеканке тончайших ювелирных изделий, приготавливающих деликатесы в то время, как пролетарские семьи умирают с холода.

Всюду сверкали эполеты и мундиры, бряцали шпоры, звенели сабли, мелькали сытые и довольные лица, и лишь изредка попадалась боязливо протянутая рука измученного, усталого, истомленного голодом человека, быстро исчезающего при появлении полиции. Мимо проходили десятки раскрашенных, полураздетых дам, выставивших себя напоказ щегольски одетым штатским или затянутым в мундир офицерам.

У подъезда главного военного штаба автомобиль остановился. Тзень-Фу-Синь почувствовал, как сиденье поднялось вверх, освобожденное от тяжести сидевших тел.

«Шибко шанго, приехали», — подумал Тзень-Фу-Синь и, подождав с минуту, осторожно выглянул из-под сиденья.

Никого не было. Шофер отошел и, повернувшись спиной к машине, закуривал папироску, разговаривая с дежурным у дверей штаба. Отворив противоположную дверь, Тзень-Фу-Синь выскользнул на мостовую и быстро пошел прямо вдоль улицы, а затем повернул в первую поперечную. Он не знал, куда ему идти, но твердо помнил, что на Советский Союз готовится нападение и что он должен предупредить о нем Страну Советов.

Глава IV

АЛЛО... АЛЛО...

Расставшись с Дройдом, Арчибальд Клуks примчался в главный штаб и застал там полковника Ферльбота, который получал последние инструкции от начальника штаба.

— Что случилось, сэр Арчибальд? — спросил начальник штаба.

— Черт побери, проклятый шпион убежал из лагеря.

— Бежал! — вскричал Ферльбот. — Ах, мерзавец! Значит, он был действительно шпион. Как же это Дройд...

— Размазня ваш Дройд, — сердито сказал Клуks. — Да и вы, полковник, простите, маху дали. Раз Дройд высказал подозрение насчет этого китайца, надо было немедленно заковать его и запрятать так, чтобы никакой возможности к бегству у него не оставалось.

— Из моего лагеря, — сухо ответил Ферльбот, — до сих пор не было ни одного случая бегства.

— До сих пор не было, — прервал Арчибальд Клуks, — а теперь есть.

— Господа, спокойствие, — вмешался начальник штаба. — Полковник, — обратился он к Ферльботу, — немедленно расследуйте этот случай и доложите мне. Готовы ли вы к отъезду, Клуks?

— Да хоть сейчас. Мне только досадно, что я не успел испытать пятую степень на этом китайце.

— Пустяки, — возразил начальник штаба. — До вашего возвращения мы его поймаем, и вы потом сможете доставить себе это маленькое удовольствие. Теперь главное — ваша поездка. Денег вы еще не получили? Вот, возьмите, — и, вырвав из блокнота листок, написал: «Выдать Арчибальду Клуку 50 000 рублей советскими червонцами из секретных сумм».

Арчибальд поморщился.

— Боюсь, что с этими фальшивыми червонцами далеко не уедешь.

— Будьте покойны — английская работа, ничем не отличается от настоящих советских.

— Хорошо, — сказал Арчибальд, — но все-таки я просил бы на всякий случай добавить мне долларов. Эти все-таки надежнее.

— Ладно.

Начальник штаба дописал: «Выдать дополнительно 5000 долларов» и протянул листок Арчибальду.

— Значит, я сейчас лечу, — сказал Арчибальд.

— С богом. Документы все при вас?

— Конечно. — И Клуку, вынув из кармана бумажку, громко прочитал, с иронией и насмешкой подчеркивая некоторые слова: «Предъявитель сего, гражданин Генрих Штубе, сотрудник завода имени Коминтерна, командирован по делам службы в Харьков, в правление Химугля». — А дальше, конечно, подписи и печать. В общем, все в порядке. — И с усмешкой сложил бумажку и спрятал в карман.

— Поздравляю вас с поступлением на советскую службу, — пошутил начальник штаба.

— Покорнейше благодарю, — так же шутливо ответил Клуку. — Уж я им покажу, — вдруг, озлившись, скрипнул он зубами.

— Не сомневаюсь, — засмеялся начальник штаба. — Мы знаем, как горячо вы любите советскую власть. Ну, отправляйтесь, — протянул он руку Клуку.

Арчибальд Клуку крепко стиснул ему руку, поклонился полковнику Ферльботу и вышел из кабинета.

По улице сновали газетчики, выкрикивая последние новости. На стенах домов вспыхивали световые объявления:

«Пять тысяч долларов награды тому, кто поймает или укажет местонахождение бежавшего большевистского шпиона Тзень-Фу-Синя».

Громкоговорители бешено заглушали шум улицы:

«Алло... Алло... Алло... Знаменитый журналист Дройд прочтет свои воспоминания о встречах со шпионом Тзень-Фу-Синем. Спешите в театр “Золотой бар”! Спешите!»

По улицам вооруженные отряды, под злобные выкрики толпы, конвоировали в тюрьму рабочих, имевших несчастье носить русские или украинские фамилии.

На углу яростная толпа избивала китайского фокусника.

Тзень-Фу-Синь, стараясь казаться равнодушным, быстро шел по улице.

Когда он проходил мимо гостиницы, чья-то рука внезапно схватила его за рукав и втянула в подъезд. Это был хорошо одетый молодой человек с цилиндром на голове.

Тзень-Фу-Синь вырвал свою руку и, сжав кулаки, сделал шаг назад.

Человек в цилиндре предостерегающе поднял руку и шепнул:

— Не сопротивляйтесь, я друг... — и, снова схватив Тзень-Фу-Синя за руку, потянул его к лифту.

Не успел Тзень-Фу-Синь опомниться, как лифт выплюнул его на седьмой этаж.

— Сюда. Войдите! — и, отворив дверь номера, человек в цилиндре втолкнул Тзень-Фу-Синя в номер.

— Вот, переоденьтесь... — и так же быстро человек в цилиндре выбросил из платяного шкафа простой, но приличный костюм, ботинки и шляпу.

Тзень-Фу-Синь не заставил себя просить и через пять минут, уже переодетый, подошел к человеку в цилиндре и пожал ему руку.

— Спасибо! Кого благодарить?

— Одного из многих. Идите. Ах, да, подождите. — И, вынув из кармана кожаное портмоне, передал его Тзень-Фу-

Синю.

— До свиданья, — сказал Тзень-Фу-Синь и тихо добавил, — товарищ.

— До свиданья, Тзень-Фу-Синь.

И, выпустив его из номера, человек в цилиндре захлопнул дверь.

Очутившись на улице, Тзень-Фу-Синь принял деловой вид и зашагал вперед. В новом костюме и с деньгами в кармане он чувствовал себя гораздо увереннее, но на главный вопрос, который занимал его мысли, он ответа все-таки найти не мог.

Вздрыгнул. Остановился. Направо, в боковой улице, над массивным зданием слегка трепетал красный флаг. «Полпредство!» — чуть не вскрикнул Тзень-Фу-Синь.

И машинально он пошел к зданию, полный радости, что он сейчас предупредит их о... Нью сейчас же оборвал себя, остановился и пошел обратно. «Плохо, совсем плохо думал, — прошептал он. — Не надо идти. Будут говорить — провокатор... А там шпионы следят, будут обвинять их в содействии и пропаганде... Плохо думал, плохо...»

Снова зашагал по улице и заметил, что идет обратно к гостинице.

«Судьба ведет. Человек в цилиндре хорош. Он меня свяжет с нашими».

И Тзень-Фу-Синь даже задрожал от радости, что снова попадет в подполье, в партию, к своим, к родным друзьям. Но, подойдя к гостинице, вспомнил, что он не найдет, не сможет найти номера комнаты, он забыл этаж, забыл номер, и, может быть, уже и человек в цилиндре исчез, бросив комнату.

Обескураженный Тзень-Фу-Синь снова повернул обратно. Над головой послышался могучий рокот пролетающего аэроплана, и на поднявшего голову вверх Тзень-Фу-Синя, мелькая белыми хлопьями, рея и кружась, упало несколько бумажек.

Это были объявления о награде за поимку Тзень-Фу-Синя.

Глава V

БОМБА С НЕБА

До глубокой ночи с воспаленными глазами метался по комнате Хозе, прислушиваясь к шагам на лестнице и напрасно ожидая знакомого стука в дверь.

Воображение рисовало ему картины, от которых он скрежетал зубами, бросался на диван и грыз подушку, чтобы не закричать от ужаса и тоски.

Вскакивал, бросался к окну. Но ни в одной из проходивших или проезжавших женщин он не узнавал знакомого силуэта. Иногда с надеждой всматривался в какую-нибудь фигуру, но через несколько секунд убеждался, что это не она; снова колесил по комнате, ломая пальцы и проклиная город, людей, бедность, отнявшие у него его любимую, единственную.

Как-то забылся и уснул каменным сном.

Проснулся на рассвете. Все было по-прежнему, так же, как тогда, когда они вместе собирались в ресторан в надежде найти работу на эстраде.

Тоской веяло от полураскрытого ящика, из которого торчал кусок платья, и сиротливо лежала рассыпанная пудра у зеркала.

Хозе чувствовал, что более не может оставаться в комнате. И, зная, что она не вернется, все же набросал на листке бумаги:

«Буду через час. Жди.

Твой, вечно твой Х о з е».

Придавил записку пудреницей и, оглядев комнату, вышел на улицу.

Быстрым шагом шел Хозе, обращая на себя внимание полицейских. В голове была одна мысль, что все кончено, все рухнуло, что жить больше незачем.

И, полный отчаяния, шел все дальше и дальше, прибли-

жаясь к громадным постройкам; только натолкнувшись на леса, он опомнился. Прямо перед ним по железному каркасу лифта мчались вверх и вниз площадки с кирпичом, а над головой проносились вагонетки с песком и цементом.

Не чувствуя ничего, кроме пустоты внутри, он, закрыв глаза, бросился под падающую вниз площадку, но сильный толчок выбросил его из-под лифта.

Не совсем отдавая себе отчет в том, что с ним произошло, Хозе медленно поднялся с земли, подобрал слетевший с головы картуз и увидел перед собой озлобленные лица рабочих.

— Чего шляешься здесь?

— Одна секунда — и тебя бы в кашу...

Чувствуя тошноту и слабость в ногах, Хозе молчал и неуверенными движениями дрожащих рук пытался стряхнуть песок с картуза.

— Балда ты, балда.

— Дать бы тебе до балбешке раз, так не будешь лезть под лифт.

— Брось, ребята! — раздался чей-то спокойный голос. — Не видите, человек не в себе.

Хозе увидел перед собой бородатое лицо и серые глаза с запрятанной в глубине искринкой смеха. Говоривший, по-видимому, пользовался весом, так как ругань начала смолкать, и рабочие стали расходиться.

— Погоди, приятель, — сказал бородатый, — сейчас пошабашим, тогда потолкуем.

Хозе молча кивнул головой и, едва передвигая ноги, отошел на несколько шагов и присел на кучу щебня.

Через несколько минут раздался резкий свисток. Работа прекратилась. Вся постройка наполнилась говором, смехом и шутками.

Новая смена уже подошла и стояла в ожидании сигнала к работе.

Откуда-то из центра города, задержанного еще туманной дымкой, донеслись медленные удары башенных часов. Пробыло шесть. К Хозе подошел бородач в сопровождении молодого рабочего с тонким и умным лицом.

— Пойдем, брат. Кушать хочешь? Пошамаем и поговорим... Это тот, — обратился он к молодому, — который броситься хотел.

— Это вы бросьте, — ласково сказал молодой, взяв за руку Хозе.

И словно какая-то теплота охватила Хозе. Куда-то в туман ушли мысли о смерти, и он хотя и устало, но уже без апатии пошел рядом с ними.

Невольно заинтересовался воздвигаемой постройкой. Глухие стены без окон слепо давили землю. Это было знаменитое загадочное здание. Оглядывая постройку, Хозе спросил:

— Так и работаете, без передышки?

— В две смены, по двенадцать часов.

Но эти слова прошли мимо сознания Хозе, и, зная, что у них не найдет ответа, он все же спросил рабочих:

— А что строите?

— Чертову перечницу. Не то санаторий, не то тюрьму. Черт ее разберет.

Шли длинным бульваром Капуцинов к Зеркальному озеру, на берегу которого его новые товарищи думали отдохнуть. Аллея бульвара была пряма, как стрела, и так длинна, что, уходя вдаль, обращалась в узенькую тропинку.

Пришли. Расположились на берегу, и сейчас же, сбросив платье, ребята бросились в озеро. Хозе с жадностью следил за ними, наслаждаясь их бодростью, силой и смехом, но сам не пошел за ними.

— Ну и ладно!

— Здорово это — купаться! — вскрикнули они, влезая в штаны и одевая рубашки.

Позавтракали и растянулись на берегу. Рабочие сразу заснули, а Хозе, поворочавшись немного, спокойно задремал.

Он чувствовал теперь себя хорошо, он не чувствовал тяжести города; короткое общение с рабочими, людьми другого мира, дало ему моральное облегчение. Как будто они, плескаясь в Зеркальном озере, смыли с него тяжелый слой грязи.

Вверху стрекотал аэроплан.

Тзень-Фу-Синь, притаившийся в уголку кабинки аэроплана, решился расправить окоченевшие члены. Как сон, вспомнились ему приключения дня, вечера и ночи.

Где-то внизу носились сыщики, разыскивая его, а он летит, летит в страну свободы, в страну рабочих всего мира. Как все просто... И ему сделалось весело, когда вспомнил, как он проник в ангар, как спрятался в аэроплан, который готовили к отлету.

Аппарат неся, быстро рассекая воздух, и вскоре под ним начерталась рельефная карта города постройки мистера Флаугольда, Зеркальное озеро, в котором отражался переплет лесов и густые аллеи парка.

Тзень-Фу-Синь выглянул из своего убежища и увидел спину, спокойную спину мистера Арчибальда, сидящего впереди него.

Арчибальд, открыв окно, внимательно рассматривал местность внизу, но, почувствовав некоторое беспокойство, оглянулся назад.

Прямо перед ним раскачивалась голова китайца, и в его улыбке он не видел для себя ничего хорошего.

— Что угодно, мистер? — спросил он, вынимая из кармана револьвер.

— Пустяки... Сесть рядом.

— Место для одного, — сказал Арчибальд Клуks, нанеся рукояткой револьвера сильный удар по голове Тзень-Фу-Синя.

Теряя сознание, Тзень-Фу-Синь покачнулся и выдавил стекло второго окна; ничего не понимая, он, однако, инстинктивно слабеющими руками защищался, и даже тогда, когда Клуks перекинул его тело в окно, он еще несколько мгновений держался немеющими пальцами за края разбитого окна.

Стекла резали пальцы, и тогда, когда руки разжались, Тзень-Фу-Синь мельком увидел улыбающееся лицо Клуksа, закурившего папиросу.

Это было последнее. Он камнем полетел вниз.

Холодные брызги воды окатили с ног до головы спя-

щих рабочих и Хозе, и все сразу вскочили, оглядываясь и ругаясь.

— Ты, брат, не шуги.

— Да это не я.

— Что ж, сверху, что ли, упало?

И, взглянув вверх, увидели в далекой синеве улетающий аэроплан.

— Так и есть, наверное, бомбу потерял.

Через несколько секунд из воды показалась голова Тзень-Фу-Синя, от холодной ванны сразу пришедшего в себя. Фыркая и отплеываясь, он поплыл к берегу, оставляя в воде розовый след от окровавленных пальцев.

— Это что за водолаз?

— Откуда тебя нелегкая принесла?

Вылезая на берег, Тзень-Фу-Синь, довольно улыбаясь, поднял руку вверх.

— Плохо летел... Упал...

— Да это китаец.

— Тише, Том, — сказал бородач. — Может быть, это тот, по ком расклеено объявление.

— Ты прав, Штейн.

Тзень-Фу-Синь весело отряхнулся, дождал мокрой рукой руки рабочих и Хозе, оставляя на них немного своей крови.

— Мы свои, товарищ.

— Товарищи?! — радостно сказал Тзень-Фу-Синь.

— Садись, рассказывай.

Тзень-Фу-Синь покосился на Хозе, который, потеряв интерес к нему, снова повалился на песок и, уткнув голову в руки, отдался мыслям о своей Аннабель.

Тзень-Фу-Синь быстро рассказал рабочим все, попросил табаку и жадно принялся курить.

Том и Штейн переглянулись.

— Так, — сказал Том. — Ты, Штейн, побудь здесь, а я его отведу.

— В город?

— Да, к нам.

Том встал, кивком головы предложил Тзень-Фу-Синю

следовать за собой и пошел вдоль берега. Штейн следил за ними взглядом. Скоро они скрылись за камнями.

Штейн, посмотрев на лежавшего Хозе, вскочил, взбежал на бугорок и посмотрел по сторонам.

Нигде не было ни души, и только спокойные воды Зеркального озера отражали небо и нависшие деревья парка.

«Как будто никого», — подумал Штейн и снова спокойно улегся рядом с Хозе.

Глава VI

ДЕПЕША ТЕЛЕГРАФИСТА

К вечеру аппарат Арчибальда спланировал на поле, побежал, слегка подпрыгивая, по земле, усеянной соломой, и остановился.

Местность была глухая. Полевые работы закончились, и только изредка попадались случайные люди.

Никто не видел спустившегося аэроплана, а если кто из крестьян и посмотрел вверх, то решил, что это свой, советский, так как на крыльях были предусмотрительно нарисованы красные звезды.

— Приехали, сэр, — сказал пилот. — Но вам придется довольно далеко идти до станции.

— Ничего, лейтенант. Авось, как говорят русские, доберусь, — сказал Клуks и, справившись по карте, установил направление, в котором ему надо идти к станции.

Взяв из аэроплана небольшой чемоданчик, перекинув макинтош через плечо, пожав на прощание руку пилоту, Арчибальд пошел прямо полем.

Появление Арчибальда на станции как будто не привлекло к себе ничего внимания. Один только прохаживавшийся по перрону телеграфист с минуту смотрел на него и затем с равнодушным видом продолжал свою прогулку. Клуks несколько раз быстро посмотрел, но, видя, что тот больше им не интересуется, успокоился, сел на скамейку,

закурил папиросу и стал ждать прибытия поезда. На перроне было мало народу, главным образом крестьяне и крестьянки.

Подошел поезд, и публика устремилась в вагоны. Арчибалд расположился в мягком вагоне и оказался один в купе, чем был очень доволен,

Когда поезд тронулся, Клуks выглянул в окно и снова заметил телеграфиста, отходившего от мягкого вагона.

«Странно, — подумал Клуks. — Что ему надо? Неужели?..»

Но телеграфист равнодушно смотрел на проходящие вагоны и вдруг, увидев, по-видимому, в поезде знакомую, так весело заулыбался и закланялся, прикладывая руку к козырьку, что у Клуksа все подозрения рассеялись.

«Телеграфист Ять советской формации», — презрительно подумал юн, припоминая когда-то читанного Чехова.

Поезд мчался, но еще быстрее мчалась депеша телеграфиста:

«ТООГПУ. Подозрительный человек билет Харьков мягком купе пять заграничное пальто чемодан пометка Лондон».

Мягкий вечер, уютное купе, чистота привели Клуksа в хорошее настроение, а мысль об удачной поездке вызвала желание устроиться покомфортабельнее. Проводник совсем поразил его, приготовив на ночь постель.

«Умеют устраиваться большевики», — думал он, видя, как проводник срывает пломбы с бельевого мешка и вынимает безукоризненно свежие простыни.

Арчибалд Клуks великолепно выспался; полный бодрости и энергии, он весело рассматривал пейзаж, пронесившийся за окном. Зеленые и желтые квадраты полей немного нервировали: он невольно подсчитывал возможный урожай, и грандиозные цифры рисовались неутешительными столбцами, совершенно портя впечатление от пейзажа; но мысль о предстоящем налете снова привела его в равновесие. Мелькали села, проносились однообразные станции, мелькали поля, и снова Клуks вздрогнул, увидев вздымающиеся леса колоссального здания. Немного погода

мелькнуло другое, а на горизонте вычертился силуэт громадного завода.

«Однако, большой размах, но интересно было бы узнать, что это за заводы», — думал он, заинтригованный воскрешением страны. «Это расцвет», — подвел он итог виденному.

Отвернулся от окна, полный досады, что он видел не то, что желал бы. Но все-таки и утро, и удачный перелет, и сознание, что не обратил на себя внимания, взяли свое; бросив заниматься экономикой, он удобно откинулся на мягкие подушки вагона, закурил и стал ждать остановки на очередной станции, чтобы купить газету.

Поезд замедлил ход, и в окно ворвался гул суеты плавно проплывавшего перрона.

Вышел, купил «Известия» и невольно залюбовался на посадку экскурсии. Стройными рядами проходили по перрону подростки, девочки и мальчики, одинаково одетые в физкультурную форму. Он с наслаждением смотрел на уверенный, крепкий шаг мускулистых ног. Задумчиво покачивая головой, он возвратился в вагон и столкнулся в дверях купе с элегантной женщиной, просто, но со вкусом одетой.

— Простите, вы не знаете, куда мне тут сесть? — мило произнесла она, с улыбкой протягивая Клуку билет с плацкартой.

Он взглянул в ее улыбающиеся серые глаза и был сразу подкуплен прекрасным точеным овалом лица и милыми, чуть наивными губками. Любезно сняв шляпу, он, открыв дверь своего купе, предложил войти.

— К чему поиски, мадам? Прошу, в моем купе найдется место.

— Вы очень любезны.

Клук с удовольствием рассматривал ее стройную фигуру; ее непринужденные движения вызвали сравнение с дамами, оставленными в столице любви и фокстрота. И, надо признаться, сравнение не было в пользу последних.

Он не знал, с чего начать разговор; на помощь пришла незнакомка. Усевшись, легко закинув ногу за ногу, она, чуть

прищурившись, посмотрела на Арчибальда.

— А вы, наверное, в командировку?

— Почему вы думаете?

— У меня прекрасный глаз. Я сразу отгадываю... Правда?

— Допустим, что правда. Но все-таки, как вы угадали?

— А вы не обидитесь?

— Честное слово, нет.

— Ну, смотрите. Вы... как бы сказать... Только не обижайтесь, пожалуйста, я совсем не хочу вас обидеть, тем более, что вы мне понравились с первого взгляда...

— Это хотел сказать я, но не решился...

— Ну, что вы. Этим вы еще более подтверждаете мою мысль... Мы ведь уже друзья, не правда ли? Да?..

И она посмотрела так, что привычный ко всему Арчибальд Клуks, капитан армии его королевского величества, секретный сотрудник штаба республики Капсостар, почувствовал, что у него забилося сердце.

«От такой свежести можно потерять голову», — пронеслась мысль.

— Конечно, конечно, — и, нагнувшись, поцеловал ее руку с тонкими пальчиками.

Он осмелел. Он чувствовал, что флирт с ней может отклонить всякие подозрения, и, подсев к ней, заглядывая в глаза, шептал:

— Да говорите скорее. Говорите.

— Ну, я скажу... У вас очень провинциальный вид,— выпалила она.

Арчибальд Клуks весело и неподдельно захохотал: его, великосветского денди двух материков и всех столиц, признали за провинциала! Давясь смехом, он не видел, что глаза незнакомки упорно впились в выглядывавший с верхней полки угол чемодана с пометкой «Лондон».

Глава VII

НЕЗАМЕНИМЫЕ СПЕЦЫ

Генерал Хортис начал действовать энергично и быстро. Целый день у него в приемной толпились корреспонденты зарубежных газет, которых он снабжал материалами о готовящемся нападении большевиков и о выступлениях коммунистов, «подстрекаемых Москвой».

Особое интервью он дал корреспонденту мистеру Дройду, который в восторге набрасывал строчки в своем блокноте и подсчитывал в уме сотни долларов, которые ему принесут эти заметки.

— Это замечательно, генерал. Как вы достали такие ценные документы?

Хортис улыбнулся, вспомнив захудалый подвал на одной из улиц с вывеской «Общежитие офицеров добармии» и, почти не солгав, сказал:

— Подобрал хороших работников.

— Вы скупы на похвалу, генерал. Это герои. Пробирайтесь к большевикам, каждую минуту подвергаться смертельной опасности, чтобы добыть такие документы, — тут самоотверженность и героизм. Когда-то я знал такого человека.

— Вот как. Не можете ли вы его указать?

— Нет. К сожалению, он красный, а когда я знал его, он работал в штабе белых так же самоотверженно, как ваши у них.

— Ах, вот как.

Хортис недовольно перевернул несколько бумаг.

— Это был ротмистр Энгер. Я в восторге от его силы, его воли, ловкости и бесстрашия.

Хортис встал. Он не любил, когда перед ним хвалили большевиков. Дройд понял, что аудиенция окончена, и, раскланявшись, весело вышел.

Генерал позвонил и явившемуся адъютанту приказал позвать полковника Ферльбота.

- Итак, мы начали, полковник.
- Поздравляю, ваше превосходительство.
- Теперь надо продолжать.

Хортис замолчал и вопросительно посмотрел на Ферльбота.

- Имеете вы какое-нибудь предложение, полковник?
- Собственно, предложения не имею, но сведения...
- Какие сведения? — нахмурился Хортис.
- Мне сообщили, что наши русские страшно возмущены обнаруженным заговором большевиков и ролью здешнего полпредства в нем. Возмущение настолько сильно, что грозит вылиться в форму нападения на полпредство, предупредить которое будет совершенно невозможно.

— Гм, — усмехнулся Хортис, — вы думаете, что они способны разгромить полпредство и что разгром будет трудно предотвратить?

— О, да. Это же офицеры добрармии. Действуют они молниеносно. Я уверен, что, прежде чем мы узнаем о нападении, там все будет кончено.

— Но мы, конечно, пошлем жандармов на защиту.

— Конечно, ваше превосходительство, как только узнаем, немедленно пошлем.

— А когда, вы думаете, может случиться нападение?

— На этой неделе.

— Так-так... — забарабанил пальцами по столу Хортис.

— Раз это невозможно предотвратить... Я полагаюсь на вас, полковник.

— Все будет сделано, ваше превосходительство. Нужны деньги.

— Сколько?

— Не могу назвать точную цифру. Думаю, что для начала пяти-шести тысяч долларов хватит.

— Многовато, — поморщился генерал и, вырвав из блокнота бланк, написал распоряжение о выдаче пяти тысяч долларов из секретного фонда в распоряжение полковника Ферльбота.

— Так я полагаюсь на вас, полковник, — повторил Хортис, протягивая руку Ферльботу.

Полковник откланялся и направился к дверям.

— Кстати, полковник, — остановил его Хортис, — вам, вероятно, небезынтересно будет узнать, что вы представлены к производству в генералы.

Полковник рассыпался в благодарностях и, счастливый, вышел из кабинета.

Проезжая мимо советского полпредства, Ферльбот посмотрел на развевающийся вверху красный флаг и усмехнулся.

«На днях сорвем его», — подумал он и, взглянув на подъезд, встретился с холодным взглядом Энгера, выходившего из дверей.

От этого холодного взгляда и от иронической складки решительного рта ему стало не по себе.

Через час одетый в штатское Ферльбот подходил к неприглядного вида дому, около которого стоял, засунув руки в карманы засаленных галифе, мрачный офицер.

От бывшего великолепия гусара осталось только бледное, тщательно выбритое лицо и не потерянная еще способность держаться гордо. Он покосился на Ферльбота.

— Скажите, здесь общежитие добармии?

— Здесь, — сквозь зубы, привычно-презрительным тоном ответил офицер и посторонился, пропуская полковника к лестнице подвала.

Оттуда неслись пение и выкрики. Ферльбот, спустившись на несколько ступенек вниз, нерешительно оглянулся на офицера.

— Извините, господин офицер. Не будете ли вы любезны проводить меня?

Офицер небрежно кивнул головой и молча стал спускаться вниз.

Над ветхой дверью подвала висела трехцветная вывеска, обрамленная георгиевской лентой, с надписью в церковно-славянском стиле: «Общежитіе офицеровъ добарміи».

— Это здесь. Вы, собственно, к кому?

— К графу Михаилу Строганову.

— Вы его знаете?

— К сожалению, нет, но у меня к нему дело.

— Разрешите представиться, — поклонился офицер. — Ротмистр лейб-гвардии ее императорского величества государыни императрицы полка, граф Михаил Строганов.

— Очень приятно. Полковник Ферльбот.

Граф сразу стал любезен и, щелкнув заржавленными шпорами, еще раз поклонился.

— Весьма польщен.

— Я очень рад, граф.

— Чем могу служить? Впрочем, войдемте. Там поговорим. Прошу извинить меня, что так невнимательно отнесся к вам, но вы понимаете, полковник, что я в каждом вижу, в каждом подозреваю большевистского агента.

— Неужели я похож? — усмехнулся Ферльбот.

— Нет, успокойтесь. Подозрительного я сразу... — и офицер многозначительно притронулся к оттопыривавшемуся карману.

Подвальную комнату давили низкие своды с облупленной штукатуркой. У стен стояли койки, прикрытые коврами и одеялами. Над койками висели карточки и открытки. В середине комнаты стояли столы, за которыми сидели группами офицеры. Самая многочисленная группа окружала стол, на котором шла карточная игра.

Подвал тускло освещался одной лампочкой, и поэтому на столиках стояли свечи, воткнутые в бутылки.

В глубине комнаты, на стене против двери висели убранные в георгиевские ленты портреты Николая Николаевича-старшего и генерала Корнилова, а немного выше в траурном крепе — Николая II.

Около игроков лежали кучами деньги. Увидев их, Ферльбот поморщился, но, разглядев колокольчики и донские, успокоился.

Граф Строганов усадил полковника за столик в самом отдаленном углу. Отсюда был прекрасно виден весь подвал и входная дверь, которая изредка хлопала, пропуская то группы, то одиночных офицеров.

— Я вас слушаю, полковник.

— Видите ли, граф, последние сведения и документы, которые вы добыли, оказались очень удачными.

— Очень рад, — со скромной гордостью мастера поклонился граф. — Сейчас в моем распоряжении имеется чрезвычайно интересное письмо...

— Нет, сейчас нужно другое, — прервал его Ферльбот и, наклонившись ближе к графу, заговорил шепотом.

Офицеры оглядывались на них, но никто не подходил. Один, вошедший с улицы, направился было к ним, но граф издал жестом остановил его.

Полковник кончил.

Граф озабоченно, скрывая свою радость, спросил:

— Какой срок?

— Неделя.

— Расходы?

— Вот, — и полковник протянул графу пачку.

— Идет. Отчет я представлю потом.

— Никаких отчетов.

Лицо Строганова просияло.

— По окончании дела получите столько же, но помните — никаких следов!

— Будьте покойны. Все будет в порядке.

Проводив полковника на улицу, Строганов перед дверьми торопливо отделил часть пачки, сунул ее в карман и вернулся обратно.

Выдержав под устремленными на него взглядами паузу, граф поднял руку и тоном команды выкрикнул:

— Господа офицеры, выдаю авансы, прошу ко мне.

Подвал оживился. К графу бросились все, от лихих корнетов до пожилых генералов.

— В чем дело, граф?

— Есть новость?

— Дело потом. Сейчас пишите расписки.

И граф, усевшись за столик и вынув блокнот, стал записывать фамилии и протягивать в жадные руки приятно шуршащие бумажки.

Глава VIII

УДАЧНЫЙ ДЕНЬ ПОРТНОГО ЛЕВИНА

По всем радиоантеннам всего мира неслись короткие сообщения:

«Новое преступление. На перроне станции Капсостара на полпреда СССР произведено покушение. Полпред убит».

Лаконические строки пронесли по всему миру, вызывая яростное возмущение рабочего класса и тайное злорадство его врагов.

Вызов был сделан. И в ответ громкоговорители на всех фабриках, заводах, по всему СССР передавали речь предсовнаркома:

«Нас провоцируют на войну.

Что ж — мы готовы для обороны.

Но знаем, что война — это уничтожение миллионов людей, фабрикация инвалидов и калек.

Фабрикантам инвалидов не удастся вызвать войну народов.

Будущая война — война классов, война гражданская».

Клукс, подъезжавший к Харькову, еще не знал об убийстве полпреда. Увлеченный флиртом со своей случайной спутницей, он на время позволил себе забыть о цели своей поездки, об агентах, ожидающих его приказаний, даже о подстерегающих его опасностях. Сейчас самое важное и интересное — влажный блеск серых глаз Кати (так называлась незнакомка), белые зубы, сверкающие при улыбке, случайное прикосновение к ее руке. Иногда в нем снова всплывало подозрение; он начинал присматриваться к ней внимательнее, переводил разговор на темы, которые заставили бы ее проговориться, но Катя, по-видимому, так искренне не интересовалась ими и обнаружила такое простодушное незнание во всем, что касалось революции, что Клуks гнал от себя подозрения. Невольная близость, возникающая от долгого пребывания наедине в тесном купе, сильно подвинула вперед их знакомство. Они уже называ-

ли друг друга по имени. Клуks уже разрешал себе иногда, как бы в увлечении беседой, наклоняться близко к Кате, заглядывать ей в глаза, брать ее за руку. Катя отнимала свою руку, но, по-видимому, ей не было неприятно.

Только раз, когда Клуks, доставая что-то из своего чемодана, случайно оглянулся на Катю, то увидел, что она с брезгливой гримасой вытирает платком свою руку, которую он только что держал в своих руках. Заметив его взгляд, Катя по-прежнему брезгливо, но уже улыбаясь, пожаловалась на пыль, из-за которой в вагоне ни к чему притронуться нельзя. Клуks галантно предложил ей одеколон, которым она охотно вытерла руки.

Поезд подошел к Харькову.

Помогая Кате сойти с площадки вагона, Клуks почувствовал на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, увидел устремленную на него пару внимательных глаз человека в военной форме.

Этот взгляд вернул Клуksа к действительности и заставил его вспомнить, где он. На мгновение смутившись, он неуверенными пальцами нащупал документы в кармане, но сейчас же взял себя в руки и, продолжая болтать с Катей, направился к выходу. Человек в форме, казалось, не нашел в нем ничего интересного и прошел к хвосту поезда, рассматривая идущую навстречу публику.

«Пронесло!» — подумал с облегчением Арчибальд.

— Ну, вот и приехали, — сказала Катя, останавливаясь у выхода на вокзал. — Я, право, очень рада, что встретилаcь с вами. Мы так мило провели с вами время.

— Я не менее вашего рад. Как было бы хорошо, если бы наше знакомство, так славно начатое, продолжалось и дальше. Может, разрешите встретиться с вами в более удобной и уютной обстановке?

— Я не прочь, — скользнула по нему взглядом Катя и отвела глаза в сторону, — давайте встретимся в ресторане гостиницы «Красной».

— В девять часов. Вас устраивает?

— Я приду, — просто ответила Катя.

Клуks на прощанье поцеловал Кате руку и сел на дрожки.

— В «Асторию», — громко сказал он, чтобы быть услышанным стоявшей вокруг публикой. Но по дороге, по-видимому, передумал и велел извозчику везти в «Спартак».

Извозчик помчался во весь карьер, обгоняя громадные толпы людей, спешивших к ВУЦИК'у на демонстрацию протеста против убийства полпреда. В воздухе колебались знамена, лозунги, фанерные рабочие били по цилиндрам фанерных Чемберленов, надписи на плакатах требовали защиты советских представителей от убийц.

Арчибальд Клуks понял, что произошло что-то необычное, остановил извозчика, купил экстренный выпуск и, сидя в экипаже, пробежал глазами по заголовкам телеграмм. Он не мог удержаться от торжествующей улыбки, но тут же подумал, глядя на бесконечный поток возмущенных людей: «Надо поскорее кончать и уносить ноги, а то здесь может стать жарко».

Этот Союз, с каждым его шагом в глубь страны, подносил все новые сюрпризы. Эта демонстрация, залившая улицы, была внушительна как количеством людей, так и единодушием, железной сплоченностью рабочих, служащих, интеллигентов, подростков и взрослых, женщин и мужчин, подавляла своим величием, своей внутренней силой, своим стремлением разделить свой протест с представителями власти и партии.

Всю дорогу до гостиницы Клуks ехал сосредоточенный и угрюмый, и снова около рта легли упрямые складки воли.

Это был снова Арчибальд Клуks, секретный сотрудник штаба республики Капсостар.

Заняв номер в гостинице, Арчибальд Клуks переоделся в свой наиболее скромный костюм, позвонил и обратился к вошедшему номерному.

— Скажите, кто здесь хороший портной?

— Могу порекомендовать отличного, только что приехавшего из Америки, он замечательно шьет.

— Нет, укажите мне лучше местного, который бы недорого взял.

— Тогда вам лучше всего обратиться к Левину. Живет

он на Москалевке, № 25.

— Спасибо.

Когда номерной вышел, Арчибальд пошел к телефону и вызвал друг за другом целый ряд номеров и каждому говорил только одно:

— Алло! В двенадцать часов, Москалевка, двадцать пять, портной Левин.

В двенадцать часов в мастерскую портного Левина, жившего со старухой-матерью, раздался звонок.

— Здесь живет портной Левин?

— Пожалуйста, одну минуточку. — И, пропуская в комнату, служившую и столовой, и спальней, и мастерской, портной закричал: — Мама, приберите ради бога ваши бебехи. Сколько разов говорил я вам, так нет же — всё на своем, всё на своем.

— Да вы не беспокойтесь.

— Какое там беспокойство, помилуйте. Садитесь, — и ударом руки освободила стул, сбрасывая прямо на пол ворох газет и выкроек.

Новый звонок.

— Мамаша, отворите, звонят. Чем могу служить? — обратился Левин к первому, но в комнату вошло еще два человека, и он растерялся.

Левин засуетился. За всю свою трудовую жизнь он не видел за один раз столько заказчиков. А третий звонок заставил его схватиться за голову.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Вошел Клуks. Все четверо быстро переглянулись.

— Вы уж извините, придется немного обождать, — торопливо надевая на нос очки, сказал Левин и с деловым видом взял растрепанную книгу заказов.

— Мне нужен серый костюм, — сказал первый.

— Какой прикажете — однобортный или двубортный? Теперь, знаете, более носят однобортные.

— Который помоднее.

И в то время, когда Левин снимал мерку с первого заказчика, Арчибальд с остальными, устроившись на продырявленном диване, рассматривал журнал.

— Какой прекрасный фасон! Надо усилить работу.
— По какой линии? Мне этот фасон больше нравится.
— Наполнить прессу паническими сведениями об изобретениях... Какой элегантный пиджак!.. Лучи смерти, газы, воздушные эскадрильи...
— Будет сделано. Лучше по этому фасону.
— А вы остановитесь на дипломате... Лучший фасон. В ближайшие же дни покушение.
— Хорошо.
— Ой, извините, гражданин, я сейчас, сейчас. Мамаша, молоко кипит. Не слышит мамаша. — И Левин, подбежав к примусу, снял молоко.
— Остальные — помогать, — сказал Клуks, — связь здесь... Через день примерка. — И быстро встал.
— Я не могу больше ждать, вы меня извините. Может быть, вы имеете готовый костюм?
— Как же, конечно, имею, как раз на вашу фигуру, — засуетился портной и, вытащив костюм из шкафа, любовно огладил пиджак. — Прямо вылитый будет сидеть, извольте одеть. — И портной торопливо примерил серый пиджак, одергивая, оглаживая и отбегая, чтобы полюбоваться.
— Такой материал — золото! Восемьдесят рублей, — и тут же спохватился: «Ой, кажется, продешевил», видя, что Клуks, не торгуясь, отсчитывает деньги. Но сейчас же себя утешил: «Ничего, будет заказчиком, по всему видно».
И, низко кланяясь, проводил до выходных дверей щедрого, но довольно странного покупателя.

Глава IX

ЕСЛИ ПРИГЛАШАЮТ, НУЖНО ИДТИ

У Клуksа был хлопотливый день. После Левина он имел совещание в кабинете директоров Русутля, где его посещение произвело на солидных инженеров не меньшее впечатление, чем на простодушного портного. Но этот визит обо-

шелся ему дорожке, и он вышел оттуда с значительно облегченным портфелем.

Потом Клуks случайно встретился с безукоризненно одетым человеком, который за несколько минут до того вышел из автомобиля с флажком иностранного государства. Они провели с полчаса в отдельном кабинете ресторана и, обменявшись пакетами, учтиво распрощались.

В городском парке снова случайная встреча с человеком в штатской одежде, но с загаром и выправкой военного. На этот раз в портфеле Клуksа опять стало меньше на две пачки денег, но зато прибавился еще один пакет.

Потом интимный разговор в кофейне за чашкой шоколада с элегантной женщиной, которая с легкомысленным видом, часто улыбаясь, вполголоса рассказывала об аэропланах, морских судах и других совсем не легкомысленных вещах. И снова из портфеля Клуksа в изящную сумочку женщины незаметно переселилась пачка денег.

Но без четверти девять Клуks уже сидел за столиком в ресторане гостиницы «Красной» и, поглядывая на двери, ждал Катю.

А вот и она. Клуks одним взглядом издали оценил ее стройную фигуру в скромном, но изящном платье. Поднялся, поспешил ей навстречу.

— Вот и вы! Вы удивительно аккуратны для женщины.

— Добавьте, Генрих, когда она спешит на интересное свиданье.

— Разве вы так думаете... о нашей встрече?

— Не сомневаюсь. Я оценила вас с первого взгляда.

— Вы просто очаровательны.

Было шумно, почти все столики были заняты. Громкий разговор и взрывы смеха иногда заглушали оркестр.

Катя и Клуks прошли через залу и сели за дальний столик, стоявший у окна.

Музыка поднимала настроение, присутствие красивой женщины было приятно, а то, что на его спутницу оглядывались, увеличивало удовольствие.

«Черт побери, и в Совдепии можно жить», — подумал и, перегнувшись через стол, нежно поцеловал Кате руку.

— С чего же мы начнем?—спросил он Катю, указывая ей глазами на подошедшего официанта.

Несмотря на вечер, на улицах было шумно. К зданию ВУЦИК'а продолжали стекаться толпы демонстрантов.

«Даешь разрыв!» — кричали плакаты, угрожающе колеблясь в воздухе над суровой массой демонстрантов.

Громкоговорители на площадях продолжали выкрикивать последние новости. По улицам тянулись стройные ряды войск, которые отправлялись к пограничной полосе.

На аэродром были выпущены все аэропланы. Около них в полной боевой готовности стояли летчики, ожидая приказа о вылете.

Начальник отряда поспешно вышел из канцелярии.

— Первая эскадрилья, к отлету! Направление на юго-запад.

Один за другим десять аэропланов плавно снялись с площадки аэродрома и, быстро забрав высоту, скрылись в темном небе.

Отзвуки происходившего на улицах достигли ресторана. Быстро пустели оставляемые поспешно столики, только Клуks и Катя продолжали ужинать.

Клуks с увлечением рассказывал о колоссальных достижениях военной техники на Западе.

— Нет, кажется, я сам напишу статью об этом. Надо, чтобы наша республика подтянулась.

— Слушайте, Генрих, — с наивным видом широко открыла глаза Катя, — ведь вы не военный, откуда у вас такие познания в военном деле?

Клуks осекся, поняв, что проговорился.

— Видите ли, — слегка запнулся Клуks, — я... инженер и всегда интересовался всеми вопросами техники, в том числе и военной.

Испытующе смотрел ей в глаза: «Поверила или нет?.. Почему она задала этот вопрос?»

— Так вы инженер, — обрадовалась Катя, — как я вам завидую, это так интересно...

Вдруг трижды моргнули лампочки в зале, и гостиница погрузилась в тьму. Станция выключила весь город.

— Это на пять минут. Шалости электрической станции, — сказала Катя. ,

Клукс улыбнулся, осторожно пододвинулся к Кате и протянул ,к ней руку, но она встретила только пустоту.

«Чертова баба», — мысленно выругался Клуks.

В зале замелькали огоньки зажигаемых официантами свечей.

При их тусклом, колеблющемся свете Клуks увидел Катю, которая глядела поверх его головы на что-то, находящееся позади него.

Он быстро оглянулся: за ним стояло три человека в военной форме.

Клуks перевел глаза на Катю: она стояла неподвижно, лицо ее было совершенно спокойно.

— Вы арестованы. Следуйте за нами.

— Хорошо, — криво усмехнулся Клуks, — разрешите только расплатиться.

— Не беспокойтесь, будет уплачено. И вы, гражданка, тоже следуйте за нами.

— Ну что же, если приглашают, надо идти. Идемте, Катя.

Глава X

ПРОГУЛКА АННАБЕЛЬ

Первые дни к своему новому положению Аннабель никак не могла привыкнуть. Она страшно дичилась горничных, вызывая у них презрительные усмешки, и утешалась только тем, что постоянно примеривала платья перед зеркалами, ела шоколад и рассматривала куски шелка и других тканей, приносимых портными.

Довольно корректного поведения своего мужа, постоянно занятого то разговорами с противным профессором, то

сидевшего над какими-то бумагами, она не могла понять. Но первые дни новизны прошли, она вошла во вкус беззаботной жизни, стала смелее, научилась громко приказывать горничной, непринужденно целовала мистера Флаугольда и целые дни каталась на автомобиле по улицам, надеясь встретить Хозе, мечтая о том, какое впечатление произведет на него своим сногшибательным видом.

Не встречая его на главных улицах, она, к удивлению шофера, заставляла его мчаться по кривым, грязным улицам, на которых появление роскошного паккарда было сенсацией: но и здесь, на этих улицах, она не видела любимого силуэта близкого и милого ей человека.

В ее душу стала закрадываться тоска, и ею постепенно начала овладевать ужасная мысль, что Хозе уже нет в живых, и она его больше не увидит. Тоска о Хозе заполняла ее дни и бессонные ночи. Но решиться отправиться в гостиницу, в которой они жили в последнее время, Аннабель не осмеливалась.

Одна из горничных, наиболее приятная Аннабель, видя ее состояние, участливо расспросила и, узнав все, предложила свои услуги.

Минуты тянулись часами для Аннабель, когда она ожидала возвращения из гостиницы горничной.

— Ну что? Где? Есть?

— Нет, мадам, его нет, и неизвестно, куда выбыл.

Аннабель тяжело опустилась в кресло.

— Вы не волнуйтесь, мадам. Он вернется, вернется.

По коридору послышались четкие шаги Флаугольда; горничная быстро юркнула в другую комнату, а Аннабель вскочила и, торопливо подбежав к зеркалу, стала пудриться, но все-таки пудра не могла скрыть расстроенного выражения лица, которое сейчас нее заметил Флаугольд, когда Аннабель бросилась к нему навстречу.

— Ты, кажется, расстроена? — участливо спросил он, целуя ее в щеку.

Флаугольд за это время как-то успел привязаться к ней и даже гордился ее красотой и ее неподдельной неиспорченностью натуры. Он не жалел о сделанном жесте, тем

более, что ее красота, подчеркнутая нарядами, и ее умение держаться в любом обществе вызывали у многих восхищение.

— Нет, ничего, милый. Не обращай внимания.

— Может быть, кто-нибудь из этих баронесс осмелился не заметить тебя. — Его голос повысился: — Я всю эту публику переверну вверх дном.

— Милый, не волнуйся, — и Аннабель прижалась к Флаугольду.

Она чувствовала его доброту, она чувствовала в нем опору, ей было хорошо с ним, и это движение, несмотря на боль об утраченном Хозе, было полно истинной нежности.

— Милая девочка, — прошептал Флаугольд, и в его голосе слышались непривычные для него нотки.

В дверь постучали.

— Войдите, — недовольно пробурчал Флаугольд.

— Профессор Ван Рогге, — доложил лакей.

— Хорошо, скажите профессору — сейчас иду. Милая, извини, я сегодня буду занят весь вечер.

— А я? Как же я, милый?

— Куда угодно, дорогая. И пожалуйста, поезжай, я хочу, чтобы ты блистала в обществе этих баронесс, графинь и графчиков. Ну, до свиданья.

— Постой. Кто этот профессор? Он мне ужасно надоел, он постоянно отрывает тебя.

— Профессор? О, это гениальный человек, великий изобретатель психической стерилизации. Это тот, для кого строятся некоторые здания.

— Не понимаю.

— После поймешь, после.

И Флаугольд, поцеловав ей руку, вышел из комнаты.

Еще не насытившаяся могуществом денег, еще не исчерпавшая всех возможностей исполнения своих прихотей, Аннабель, довольная, почти спокойная, отправилась на свою прогулку в город. Ведь ей надо показать новый туалет, ведь надо презрительно скользнуть взглядом по полинялым аристократкам, носительницам старинных гербов и корон.

Она, как забавный зверек, кутаясь в пальто из змеиной

кожи, легко покачиваясь на мягких подушках паккарда, иногда довольным взглядом скользила по своим ногам, выставив их до колен, обтянутых шелковой паутинкой, на которых искусная рука художника начертала нежные линии фантастических цветов.

Этот вечер ничем не отличался от других, только какой-то нервной напряженностью веяло от толпы на улице.

Какие-то люди спешили группами, пряча потертые лампасы и серебряные зигзаги чакчир под штатскими пальто.

Аннабель сразу узнала их.

Это были те, которые потеряли в одну ночь все — состояния, земли, дома, но остались до конца носителями никому не нужных чинов, орденов и званий.

Невольно заинтригованная, Аннабель приказала ехать за ними.

Когда автомобиль въехал на улицу, на которой стояло полпредство СССР, он принужден был остановиться из-за того, что около здания полпредства сгрудилась угрожающая толпа людей. Отовсюду спешили еще и еще новые толпы.

А на улице ни одного полицейского, хотя в обычное время постоянно здесь дежурил усиленный наряд.

Аннабель тронула шофера за плечо.

— В чем дело, голубчик Поль?

— Сейчас узнаю, — довольно мрачно и с непривычно суровым лицом ответил шофер.

Аннабель такого лица еще не видела у него. Оно всегда было приветливо, весело, и она чувствовала, что он втайне восхищается ею, сочувствует. На нее от этого ответа пахнуло отчуждением. В другое время она бы разнесла его, но теперь, сейчас, когда она была полна ожидания того, что должно произойти, она чувствовала себя одинокой и инстинктивно стала искать защиты у своего шофера. Он все же был свой среди моря этих чужих людей.

— Поль, голубчик, что будет? Я боюсь.

— Что будет, мадам? Погром!

И Аннабель в повернувшемся лице шофера прочитала ненависть к этой толпе. Он судорожно держал руки на руле,

и она видела, как они дрожали напряженной мелкой дрожью. Хотела что-то сказать, но не успела.

Град камней обрушился на здание.

Чудовищный аккорд зазвеневшего стекла был вступлением.

Толпа устремилась на здание, часть ломилась в толстую окованную дверь, часть бросилась в окна, бешено дробя не выбитые еще куски стекла.

Как в тумане, Аннабель увидела через выбитое стекло человека в сером костюме, вызывавшего кого-то по телефону. Ни шум, ни треск стекол не нарушили его корректного вида. Повернувшись к другому, он что-то сказал, и оба пожали плечами.

А дальше Аннабель не могла смотреть. Она упала на шофера и вцепилась в его шею крепкими руками, вздрагивая от ужаса, так как она увидела ряд палок, обрушившихся на человека.

Шофер сорвал ее руки и отшвырнул в глубину на подушки, а сам, едва владея собой, пустил машину в гущу толпы.

Автомобиль мягко врезался в толпу и остановился. Изпод колес раздались стоны и вопли. Невольно толпа раздалась, освобождая место для автомобиля.

Стоны привели в себя Аннабель. Она вскочила, она уже не была похожа на изнеженного, избалованного зверька, а походила сейчас на дикого зверя. Ее тонкие ноздри трепетали от гнева и ярости. Нагнувшись к шоферу, она кричала ему в ухо:

— Дави их, Поль! Дави!

Вспышка этой ненависти смутила шофера, и он оглянулся, но, встретив блеск ее глаз, дал ход вперед.

Крики ярости и возмущения. Но стосильный паккард ломал живую преграду, проносясь через толпу, подпрыгивая над упавшими под колеса людьми.

Несколько камней разбили стекла автомобиля и оцарапали шофера лицо.

Поль с упоением вел машину, дав полный ход, чтобы пробиться через гущу толпы. С проклятиями толпа раздава-

лась в стороны.

Послышались выстрелы.

Из первого этажа тучами летела бумага, мелькали лопаты и топоры, выхваченные из-под пальто, а эти люди крошили ящики столов и шкафов.

— Мы проехали, мадам, — застопорив машину у другого конца здания, почтительно проговорил Поль.

— Беги к телефону, вызови мужа, пусть распорядится о помощи.

— Мадам, неужели вы не понимаете?

— Что понимать? Скорее, Поль! Надо спасти этих людей.

— Мадам, простите, но ведь это организовано.

— Кем?

— Быть может, и вашим мужем.

Аннабель выпрямилась и гневно взглянула на шофера.

— Потрудитесь исполнить приказание. Я жду.

— Слушаюсь.

И шофер выскочил из автомобиля.

Разгром продолжался.

Она видела, с каким трудом толпа пробиравась в дом, и понимала, что это из полпредства дают неожиданный и упорный отпор.

Аннабель смотрела на окна и в одном с восхищением увидела человека, энергично защищавшегося дубовой ножкой от напавшей на него толпы.

Потом головокружительный скачок из окна.

Не помня себя, Аннабель очутилась рядом с ним и почти на руках втянула его в автомобиль.

К ним бежала исступленная толпа погромщиков.

Перегнувшись через место шофера, она схватилась за руль, но сильные руки отдернули ее назад.

— Пустите меня, мисс, я сам.

И спасенный ею человек, с трудом волоча видимо вывихнутую ногу, влез на место шофера и дал ход назад.

Это было неожиданно. Аннабель, опрокинувшись на подушки, снова почувствовала, как под колесами авто хрустнули кости нападавших. Это было мгновение. Автомо-

биль рванулся вперед, пронесся до угла улицы, повернулся и медленно подъехал к прежнему месту.

— Откуда у вас такой чистый английский язык? — невольно спросила Аннабель.

— Я англичанин, мисс.

— Разве англичане тоже большевики?

Новый шофер невольно улыбнулся, повернувшись к ней, но в этот момент подбежавший офицер, уже сбросивший с себя штатское пальто, нанес ему по голове сильный удар палкой.

— Назад! Стой!

Раздался повелительный голос, и занесенная над головой Аннабель палка замерла, помедлила и опустилась.

— Проезжайте, мадам, вам здесь не место.

Аннабель едва сдерживалась от всего виденного, горло схватывали спазмы, к глазам подступали истерические слезы, и, почти падая в обморок, она услышала:

— Идиоты! Это жена мистера Флаугольда.

Глава XI

ЧИСТАЯ РАБОТА

Энгер, услышав шум врывающейся в полпредство толпы, усмехнулся, и не будь он сейчас секретарем, он бы научил соблюдать вежливость и уважение к международному праву, но, увы, он один из представителей Союза, и он не может, не смеет ничего предпринять самостоятельно, так как каждое слово, жест, даже защита могут быть истолкованы в этом «культурном» государстве как оскорбление и нападение.

Взял телефонную трубку.

— Алло! Да. Попросите генерального секретаря республики. Это вы? На полпредство СССР произведено нападение. Прошу немедленно выслать защиту. Что? Вы еще будете выяснять? Это незачем. Говорит секретарь полпред-

ства. Торопитесь с высылкой защиты.

И со своей обычной улыбкой Энгер повесил трубку и снова вызвал телеграф.

— Примите телеграмму-молнию. Что? Телеграф занят? Можно только обыкновенную? Спасибо, не надо.

Швырнув бесполезную трубку телефона, Энгер возмущенно вскочил и бросился к дверям кабинета.

Дверь открылась, и в кабинет ворвалась группа людей.

— Еще один.

— Бей, пока не ушел.

И толпа угрожающе надвинулась на Энгера.

— Дорогу! — крикнул Энгер, делая шаг вперед.

Но толпа захохотала, и перед его лицом мелькнули револьверы. Сильным ударом Энгер опрокинул первого подскочившего, но в то же время несколько рукояток опустилось на его голову.

Пошатнулся. В висках шум. В глазах падающие стены. Но, еще имея силы, он рванулся вперед и слабейшими пальцами вцепился в горло одного из нападавших. Новые удары по голове, и, разжав пальцы, Энгер тяжело рухнул на пол.

Вывхватив топоры и маленькие ломы, толпа устремилась громить кабинет. Затрещало дерево под их ударами, зазвенели разбиваемые стекла, и скоро из окна кабинета снежной метелью вылетели разорванные бумаги.

Граф Строганов весело пробежал разгромленные комнаты полпредства, насвистывая песню: «Еще польски не сгинела, поки мы жиемы». Напевая этот мотив, он не чувствовал интересного парадокса в этих когда-то знаменитых словах любимой национальной песенки.

Да, теперь республики, приютившие эмигрантов, не умрут, пока принимают их, рыцарей подлости, рыцарей насилия и произвола, готовых по первому требованию бросить свои силы на что угодно.

Да, пока они живут, республике Капсостар нечего опасаться гибели.

Граф Строганов весело вбежал в кабинет секретаря, подошел к лежащему окровавленному Энгеру и наклонился

над ним. Все лицо Энгера было залито кровью, и он тяжело дышал.

— Готов, — сказал Строганов.

— Чистая работа, — весело закричал другой офицер. — Мы не даром получили деньги.

— Молчи!

— Где граф? Скорей! — вбежал, запыхавшись от бега, какой-то бывший гусар; карманы его чакчир отдувались от напиханных туда предметов.

— В чем дело, барон?

— Сюда скачут жандармы.

— Это не страшно, — засмеялся граф Строганов, — они ведь еще нам помогут.

— Но эти жандармы высланы по требованию не президента, а мистера Флаугольда.

— Что? Мистера Флаугольда? Это хуже. Живо по домам! Живо! Прекратить все.

Граф Строганов оглянулся. Его взгляд упал на тяжело дышавшего Энгера, и его сразу осенила мысль.

— Помогите мне, мы им приготовим организатора погрома.

Офицеры бросились раздевать Энгера.

Через несколько минут Энгер лежал, одетый в офицерскую тужурку, с документами на имя графа Михаила Строганова. Граф, одетый в его штатское платье, весело захохотал, смотря на вбежавших в кабинет его соратников, угрожающе бросившихся к нему.

— Что? Не узнали? Ну, господа офицеры, домой! Живо!

И было время. Когда последний из налетчиков заворачивал за угол, к полпредству тяжело подскочил эскадрон жандармов.

Защищать было некого и нечего. Им только пришлось констатировать разгром и арестовать одного из погромщиков, раненного в голову.

Арестованным был Энгер. Он не мог протестовать, так как был без сознания. А протестовать тогда, когда его скроют стены тюрьмы врагов Союза, будет по крайней мере безрезультатно.

Часа через два все газеты призывали к немедленной ликвидации эмигрантщины, мешающей жить в добрососедских отношениях с Союзом, и требовали примерного суда над организаторами погрома.

Энгер, переодетый офицером, лежал, не приходя в сознание, в самой отдаленной камере тюремного замка, вызывая к себе сострадание капитана Хода, начальника тюрьмы.

Если бы не строжайшие приказы начальства, он бы постарался ему устроить побег, а теперь, с горечью вздыхая, думал о том, что храбрый граф должен пойти в жертву для успокоения большевиков. Он не знал, что у него лежал большевик; об этом знали только несколько человек, в том числе и полковник Ферльбот.

Спасшиеся от разгрома сотрудники полпредства приводили в порядок оставшиеся бумаги и готовились к отъезду в Союз. Они были подавлены убийством нескольких своих друзей, товарищей по работе, а главное — бесследным исчезновением Энгера и Джона Фильбанка.

Джон Фильбанк, случайно спасенный Аннабель, скрылся у одного из друзей и в настоящее время, переодетый рабочим, работал над окончанием железобетонного утюга у Зеркального озера. Узнав через друзей последние новости и, главное, об исчезновении Энгера, он решил остаться, чтобы найти своего друга. Он не мог бросить Энгера на произвол судьбы. Он любил этого человека с железной волей и не мог забыть тех минут, когда был им спасен от смерти.

К своему удивлению, на постройке он столкнулся с Тзень-Фу-Синем, который после небольшого карантина в подполье выпросился у Штейна на работу.

Встреча их была радостной. И только исчезновение Энгера омрачало первые минуты свидания.

— Шибко шанго. Мы его найдем, — шептал Тзень-Фу-Синь, — найдем.

— Алло! — окликнул их, подходя, Том. — Знаете новость?

— Какую?

— Президент приказал в двадцать четыре часа выселиться всем белогвардейцам.

— Не может быть!

— Нет, это факт; но я полагаю, что это только стратегический ход.

— Да, пожалуй, — согласился Джон. — Это усыпление бдительности.

— На усыпление мы ответим усыплением, — сказал Том и улыбнулся.

Глава XII

НИКАКИХ «НО»

Арчибальд Клуks покорно шел среди конвоиров. Арест был неожидан и в первый момент ошеломил его. Бежать нельзя, не зная хорошо расположение гостиницы, а в окружающей полутьме он бы совсем запутался. Искоса поглядывая на идущую рядом Катю, пытался сообразить, не она ли навела ГПУ на его след.

Спускаясь по лестнице, он слегка пожал руку Кати и на ее вопросительный взгляд выразительно показал глазами на двери и улицу.

У Кати дрогнули ресницы, и она едва заметно кивнула головой.

Электрическая станция все еще не действовала. На улицах было темно, и только слышались шарканье ног и гул толпы гуляющих. Еще раз сжав руку Кати, Клуks быстро повернулся и, захватив своей ногой ногу шедшего сзади конвоира, сильным ударом в грудь сбил его с ног и ринулся сквозь толпу по площади к стоянке автомобилей.

Нырять в толпе, Клуks слышал позади себя легкий и четкий бег Кати и дальше крики и топот преследователей, число которых все возрастало.

Площадь. Автомобили. Крайний слева с заведенным мотором чуть дрожал своим металлическим корпусом.

«Теперь шагом», — скомандовав себе сам, подошел, открыл дверцу автомобиля и сел.

— Полным ходом!

Шофер оглядел его с ног до головы и молча взялся за руль. Скрип рычага, машина тронулась. Клуks на ходу подхватил подбежавшую Катю. Авто рванулся и помчался к вокзалу.

Оглянувшись, Клуks успел заметить, что один из преследователей остановил другого, собравшегося стрелять.

«Так или иначе, я не прогадал», — подумал он, поглядев на Катю, которая с закрытыми глазами, тяжело дыша, полулежала на сиденье.

Мелькали улицы, вокзальные постройки, домишки окраин, поезда, и авто, бросая впереди себя длинные полосы яркого света, ринулся в ночную мглу по гладкому шоссе.

Мчались молча. Катя забилась в угол и, скрестив руки, пыталась закрыться от ветра. Клуks, перегнувшись через борт, напряженно всматривался в быстро мелькавшие деревья и дома.

Въехали в рощу.

— Шофер, стоп!

Клуks выскочил из автомобиля и, помогая Кате сойти, приказал шоферу:

— Поезжай прямо по шоссе и вернись сюда за нами.

Разглядев на протянутой ему беленькой кредитке цифру, шофер удовлетворенно кивнул головой.

— Понимаю, — с чуть заметной усмешкой оглядел он Клуksа и Катю. — Только сыро тут в роще.

— Поезжай, — коротко ответил Клуks.

Шофер молча пустил машину по шоссе, уводя за собой приближавшуюся погоню.

Клуks, взяв Катю под руку, быстрым шагом пошел к роще.

Маленькая дачка притаилась за плетнем и казалась нарисованной в свете месяца, выплывавшего из-за верхушек деревьев. Но очарование нарушилось сразу, как только они подошли к плетню. Захлебываясь от неистового лая, к ним бросились две громадные собаки.

Клукс тревожно обернулся.

Катя напряженно вслушивалась, и ее рука невольно тянулась к револьверу, спрятанному в сумочку.

На лай собак вышел из дачи хозяин с револьвером в руке.

— Алло! Это вы, Карлус?

— Мейн гот. Это вы, сэр?

— Аппарат готов?

— Все в порядке. Куш! — топнул Карлус ногой на собак, которые сейчас же легли, с напряжением и тревогой вглядываясь в Клуksа и Катю.

— Давайте машину.

Арчибальд подхватил Катю под руку и повел ее вдоль плетня к гладкой поляне позади роши.

— Вы можете ехать со мной, но знайте, вы рискуете жизнью каждую минуту.

— Все лучше, чем остаться здесь, — сказала Катя дрожащим голосом.

«Нет, не она», — подумал Клуks.

Подошли к полянке. Катя, занятая разговором, не заметила, откуда Карлус выкатил истребитель, и, увидя его, невольно ахнула.

— Вы прямо чародей, Гехрих!

Усадив Катю и усевшись за руль, Клуks достал из бокового кармана пачку денег и передал ее Карлусу.

— Хватит?

— Пока хватит, — пробормотал Карлус и стал заводить пропеллер.

А потом небо, а внизу маленькие огоньки города. Уверенно и твердо аппарат набирал высоту. Потом рев мотора, свист ветра, покачивание аэроплана. Спать хочется, но от холода и ожидания Катю трясет, как в лихорадке.

Светает. Катя часто оглядывается назад. Ага, наконец-то! Позади мчится ньюпор с красными звездами. Тогда, раскрыв сумку, вынула револьвер и толкнула им в затылок Арчибальда.

— Ну, поиграли — и баста. Спускайтесь, Генрих!

— Ваш тон мне не нравится, мадам.

— Без разговоров! Считаю до трех.

— Совершенно излишне. Я спускаюсь.

И Арчибальд заставил нырнуть аппарат вниз, а затем сделал подряд три мертвые петли.

Голова закружилась, и Катя крепко схватилась обеими руками за сиденье, выпустив револьвер из рук.

Пришла в себя только тогда, когда услышала трескотню пулемета: это стрелял ньюпор по подозрительному аэроплану. Арчибальд не ответил на выстрелы и только взмыл выше, уносясь к границе. Внизу промелькнула лента реки, разделявшей два государства.

Катя сидела, крепко сжав губы.

Она не могла простить себе минутной слабости и поражения.

«Если бы на моем месте был Энгер или Джон, этого бы не случилось», — с досадой думала она.

Клукс, весело настроенный, планировал к Капсостару.

Мягкий толчок, аэроплан пробежал несколько метров и остановился.

— Поздравляю с благополучным прибытием, мадам, — иронически произнес Арчибальд, помогая Кате вылезть из аэроплана.

Катя ничего не ответила. Так же молчаливо подошли к станции, и Арчибальд с той же иронической любезностью усадил Катю в автомобиль и сел рядом с ней.

— Ну вот, вы и избавились от советского ареста, — произнес Клукс, — а если желаете, то избавитесь и здесь, но только надо быть умненькой. Вы понимаете?

И он придвинулся вплотную к Кате.

Катя брезгливо отодвинулась и, плотнее запахивая жакет, наткнулась на холодную сталь второго револьвера.

— Немного назад, Генрих Штубе, — отодвинулась Катя, направляя на него второй револьвер, вынутый из кармана жакета. — Руки вверх!

Арчибальд застыл от изумления, отодвинулся и поднял руки.

— Вылезайте! — командовала Катя, подавая шоферу знак остановиться. — Ну! Я не люблю повторений.

— Но...

— Никаких «но».

Автомобиль остановился, и из него, стараясь сохранить веселый вид, выскочил Арчибальд и, отчаянно ругаясь, вылез шофер.

Катя, продолжая держать обоих под дулом револьвера, заняла место шофера и, кивнув высаженным головой, сразу пустила машину полным ходом.

Город приближался быстро. Не зная, куда ехать, Катя повернула к постройкам у Зеркального озера. Не доезжая, остановила автомобиль и пошла к рабочим.

— Алло! — крикнула она. — Вы не знаете, как пройти к полпредству Союза?

К ней подбежал Том.

— Тише, товарищ, полпредство уехало из республики.

— Уехало! Что же мне делать? — невольно вскрикнула Катя.

Том молча всматривался в нее, а потом решительно сказал:

— Надо потолковать с одним парнем. Что он скажет, так и будет. Идем.

Прошли мимо баррикад из досок, камней, кирпичей, мимо гор песка и цемента, и у груды стальных рельсов Том окрикнул одного рабочего:

— Алло, Филь! Иди сюда.

— Есть!

И к ним подошел, прихрамывая, Джон Фильбанк, на ходу вытирая руки.

— Джон! — вскрикнула Катя.

— Катя!

Бросились друг к другу. Рабочий улыбнулся.

— Ну, кажется, все в порядке, — проговорил он, обращаясь к улыбавшемуся Тзень-Фу-Синю.

— Будет все шибко хорошо, вот только автомобиль надо взять, — проговорил Тзень-Фу-Синь, подталкивая Тома.

— Ну что же. Бери, только надо его перекрасить.

— За этим дело не станет.

И Тзень-Фу-Синь, оглянувшись на Катю и Джона, весе-

ло разговаривавших, пошел к автомобилю.

Глава XIII

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО

В глубине просторной комнаты, утопавшей в коврах, заглушавших не только шаги, но и вообще каждое громкое слово, перед громадным окном, задернутым тяжелой портьерой, в мягком кресле сидел тот, перед кем склонялась вся республика.

Этим некоронованным королем, держащим в своих руках — а вернее, в ящиках своих несгораемых сейфов — судьбу и жизнь всей республики, был мистер Флаугольд.

Он не был похож ни на Флаупольда, любящего хорошо покушать и посмотреть голых танцовщиц, ни на корректного и представительного Флаугольда, мужа Аннабель. Здесь был другой. Бледное лицо было сурово, и еще рельефнее на этом лице выделялись морщины воли и непреклонной решимости.

Он молча сидел и, казалось, не смотрел на стол, покрытый зеленым сукном, около которого усаживался президент республики Капсостар, маленький тучный человек, напоминавший своей фигурой добродушного пивовара из Мюнхена.

Президент робко поглядывал на мистера Флаугольда и томительно решал вопрос, для чего, к чему это тайное заседание, что ему может грозить лично и чем он мог вызвать неудовольствие владыки.

«А все эта военщина. Вот не ожидал, что какой-то разгром полпредства может вызвать неудовольствие». И он неодобрительно косился на генерала Хортиса, затянутого в мундир и казавшегося каменным идиолом.

Полковник Ферльбот раскладывал бумаги, и его руки немного дрожали. Он боялся за себя, за свою судьбу, за свое жалованье.

«Как-никак, а я ведь был главным организатором», — проносилось в его уме.

Казалось, в комнате не было больше никого, но это только казалось, так как в глубине, на диване за креслом мистера Флаугольда, сидело трое.

Сбоку сидел невозмутимо корректный Арчибальд Клукс и, методически обтачивая ногти маленьким напильником, думал о своем докладе мистеру Флаугольду, который сразу поставил его на вершину власти республики.

Рядом с Клуksom сидел довольно рослый и крепкий человек в свободно падающем черном сюртуке. На бледном фанатичном лице, черными кругами закрывая глаза, синели стекла очков. Он был невозмутим, и только иногда бледные пальцы хватались за пуговицы сюртука.

Немного далее, откинувшись на диван, казалось, дремал старик. Он был тощ, на длинной желтоватой шее, замкнутой белоснежным кольцом воротника, дремала сжатая с боков голова, гладкий пробор делил поровну редкие седые волосы и упирался в крутой лоб. Глаза под гладко расчесанными бровями были полузакрыты, а немного горбатый нос чуть свешивался над сомкнутыми крепко губами.

Это был знаменитый профессор Ульсус Ван Рогге, известнейший психиатр, проделывавший над своими больными ряд чудовищных опытов. Это вызвало в свое время грандиозный скандал, и было странно, что этот маньяк был другом мистера Флаугольда, человека с широким размахом.

Человек, сидевший между Клуksom и профессором, был совершенно неизвестен Арчибальду.

Президент поднялся и робко посмотрел на Флаугольда.

— Итак, с вашего разрешения, мистер Флаугольд, заседание можно считать открытым.

Флаугольд кивнул головой.

— На повестке дня... — начал президент, но не кончил, поперхнувшись первым пунктом, так как увидел легкое движение руки Флаугольда.

— На повестке дня доклад профессора Ульсуса Ван Рогге, — твердо отчеканил Флаугольд. — Господин профессор, прошу.

Профессор встал и, вынув из кармана очки, методически вытер их кусочком замши, и только тогда, когда водрузил их на место, он подошел к столу президента. Не глядя на подставленный полковником Ферльботом стул, сел и откашлялся.

— Мне заявили, что почтеннейшие джентльмены горят нетерпением заслушать мой доклад о законченном мною изобретении, которое призвано успокоить умы, которое способно привести к одному знаменателю психику самых разнообразных индивидуумов. Десятки лет я добивался результатов, сначала хирургическим вмешательством в психику человека, но это не давало желаемого эффекта и было крайне неудобно для постановки опытов в большом разmere. Последние годы, извлеченный из мрака забвения мистером Флаугольдом, при его неограниченной помощи, я пользовался другим способом. Я перешел к действию лучей на отдельные участки мозга. Результаты превзошли ожидания. Лучи гаммы К, изобретенные мной и усовершенствованные моим ассистентом Корнелиусом Кроком (жест в сторону дивана, на соседа Арчибальда Клуksа), удобны, действие их на участок мозга не превышает нескольких минут. Но, быть может, джентльмены, вам не совсем понятно мое изобретение, вы не видите тех перспектив, которые можно извлечь из моего изобретения. Быть может, это так, но гениальность этого изобретения сразу понял мистер Флаугольд, не остановившийся ни перед какими затратами для производства необходимых аппаратов и для постройки необходимых зданий. Джентльмены, мое изобретение — это психическая стерилизация людей, это нивелирование умов, уничтожение у человека воли, уничтожение чувства протеста.

— Это гениально! — вскричал Арчибальд Клуks. — Этим можно перевернуть весь мир.

— Вы правы, молодой человек. Этим можно перевернуть весь мир, построив его так, как это необходимо для нас, правящего класса, создав из миллионов людей послушных, преданных и исполнительных рабочих.

Президент кончиком языка облизал губы. Сколько он

ни старался понять речь профессора, он ничего не понял.

— Джентльмены, мы стоим на грани безоблачного будущего, когда наши страны не будут более раздираться ни волнениями, ни стачками, ни забастовками, когда индустрия будет процветать, и наши страны, а в частности эта республика Капсостар, достигнут невероятного могущества. Джентльмены, близится новая эра, золотая эра человечества. Но для достижения этого необходимо напряжение всех сил нашей страны. Все должны думать только об этом и делать только то, что потребует грядущий день. Руководить всей работой будет Комитет человеческого спасения, а я буду только работать в открываемом завтра Карантине Забвения.

Президент силился осознать роль профессора, но понял только одно, что, видимо, к его функциям добавятся еще несколько, и, невольно вздохнув, сказал:

— Что это за Карантин Забвения?

— Это та лаборатория, — недовольно скосив глаза, продолжал профессор, — в которой в грандиозном масштабе будут производиться опыты лишения воли рабочих. Первые опыты, джентльмены, оправдали себя, и с завтрашнего дня можно приступить к единственному в мире опыту пропуска всей рабочей силы республики Капсостар через лабораторию Карантина Забвения. Джентльмены, вся рабочая масса будет обезличена, и это обеспечит нам полное спокойствие внутри страны и даст возможность подготовить кадры людей для неизбежной войны за уничтожение большевизма.

Это было понятно всем, и президент яростно зааплодировал.

Профессор, вынув из кармана бархатную шапочку, нагнул ее на голову и пошел к своему месту, по дороге снимая очки.

Заговорил Флаугольд:

— Я не буду говорить о последнем происшествии, о последнем конфликте с СССР, но еще раз подчеркиваю вам, что я запрещаю без моего ведома предпринимать какие-либо шаги. Вы могли сорвать гениальное дело, выполняе-

мое мной, если не уничтожить его совсем, надолго затормозить проведение в жизнь психической стерилизации. Отныне ни одного шага, ни одного распоряжения без моего ведома. Все докладывать мне через секретаря Комитета человеческого спасения, капитана Арчибалда Клуksa. Принять все меры к удовлетворению требований Советского Союза, чтобы не вызвать преждевременной и гибельной войны. Джентльмены, надеюсь, я ясно сказал?

И Флаугольд суровым взглядом обвел лица присутствующих.

На лице генерала Хортиса он уловил гримасу неудовольствия и решил завтра же удалить его в отставку.

Президент торопливо встал.

— Джентльмены, предложение мистера Флаугольда принято. Кто против?

Но против не было, а мистер Флаугольд, бросив взгляд на президента, отходя от стола, пробормотал:

— Идиоты!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРАНТИН ЗАБВЕНИЯ

Глава I

КАК ВЫ ДОПУСТИЛИ?

В следующие за ликвидацией конфликта с СССР месяцы Капеостар служил объектом необычайного внимания всей прессы Америки и Европы. Тысячи журналистов писали об обольшевичении Капсостара. В тысячах строк они ежедневно захлебывались от негодования по поводу высылки из республики эмигрантов-белогвардейцев. Тысячи карикатур издевались и над президентом, и над армией Капсостара.

Затем это прекратилось.

Капсостар как будто перестал существовать для всего цивилизованного мира, но это только казалось: теперь он сделался центром ожесточенных споров на разных заседаниях фашнационала.

Голоса виднейших представителей «Черного Креста» всех стран разделились в оценке положения Капсостара, но зато все как один пришли к выводу, что грандиозный опыт, затеянный мистером Флаугольдом, безусловно наметит путь к настоящему, полному искоренению большевизма.

По всему миру раскинулись ложи Комитета человеческого спасения, в которые вошли исключительно лица с незапятнанными гербами и с чековыми книжками солидных текущих счетов,

Центром являлся Комитет человеческого спасения в Капсостаре. Секретарь комитета Арчибальд Клуks наслаждался своей властью. Он был после мистера Флаугольда четвертым человеком в республике.

Вторым был Корнелиус Крок, ассистент профессора Ульсуса Ван Рогге, дьявольской изобретательностью затмивший даже успехи своего учителя.

Ульсус Ван Рогге, человек науки, скромно отошел на третье место, рассматривая с удовольствием в тиши своего

кабинета диаграммы успешности действия своих лучей гаммы К.

Президент только числился властью. Парламент был простой игрушкой в руках мистера Флаугольда.

Проведение в жизнь лучей гаммы К шло под лозунгом рационализации работы, и для того, чтобы не вызвать восстания среди рабочих, опыты начались с армии и низших служащих всех учреждений и потом только начали производиться с рабочими.

Опыты были обставлены с научной торжественностью. Человека исследовали со всех сторон: измеряли, взвешивали, просвечивали рентгеновыми лучами, и только после этих ненужных манипуляций испытуемого подвергали минутному действию лучей гаммы К.

Женщины, клерки, солдаты, привыкшие всю жизнь безропотно подчиняться, безропотно гнуть спину, автоматизированные службой и вековыми традициями гнета, как загипнотизированные, смотрели на небольшой аппарат, излучавший таинственные ультрафиолетовые лучи.

Лучи действовали великолепно: все уходило подавленные и обстановкой, и лучами, и даже зданием Карантина Забвения.

Они обращались в идеальные машины, в манекены службы.

Слухи о лучах и об их истинном назначении наполнили город волнением. Прекрасный результат дали опыты над десятками тысяч рабочих.

Захлебываясь от радости, республика окунулась с головой в наслаждения жизни.

Корнелиус Крок, неутомимо работавший целые сутки, в последний месяц наглухо заперся в своем кабинете. Его видели только тогда, когда нужно было провести новую партию рабочих перед аппаратом лучей К. Он их самолично пропускал, не доверяя никому этого дела. Клерков, женщин и солдат он всецело предоставил своим ассистентам.

Его некоторые странности и избегание людей приписывали работе и переутомлению. Даже журналист Дройд никак не мог познакомиться с ним, несмотря на все старания.

После первого месяца успехов правительство перестало стесняться, и очень часто рабочих под конвоем препровождали в Карантин.

Мерилом благонадежности для населения стала карточка Карантина Забвения с отметкой о прохождении курса. Всякий, кто не имел карточки, брался на подозрение, арестовывался и пропускался все равно через Карантин.

Среди рабочих масс было тихо. Никаких митингов, никаких демонстраций, никаких забастовок. О партии ничего не было слышно. Это было необычайно странно для Капсостара, но, восхищенные и ослепленные лучами гаммы К, представители власти и это исчезновение партии приписывали только Карантину.

Осмелевшие фабриканты прибавили час работы — ничего! Сбавили плату — ничего! И только на некоторых заводах единичные рабочие пробовали устроить митинг протеста, но это им не удавалось. Конечно, они потом попадали в тюрьму, и их арест проходил совершенно незаметно, не вызывая никаких эксцессов.

Эти единичные выступления заставили задуматься руководителей Карантина над вопросом об усилении действия лучей и усовершенствовании аппаратов.

Фабриканты распоясались вовсю, стараясь перещеголять один другого в снижении платы, но это продолжалось недолго: приказом правительства были нормированы десятичасовой рабочий день и оплата труда.

Жесткие штрафы заставили фабрикантов подчиниться воле всемогущего мистера Флаутольда.

Он играл большую игру, но уверенность в победе как-то ослабила его волю, и он в последнее время, предоставив республику Комитету человеческого спасения, отдыхал и наслаждался покоем.

Улицы центра изменили лицо. Они стали теперь местом наслаждения, веселья, неожиданных карнавалов. Деловое лицо улицы исчезло, заменившись вечным праздником.

Но на окраинах, на которых раньше чувствовалась жизнь, было мертво и тихо. По грязным тротуарам молча-

ливой толпой двигались призраки людей. Это были безработные, которые благодаря великому изобретению Ульсуса Ван Рогге потеряли способность к протесту.

Больные, голодные, изможденные женщины с худыми, истощенными детьми на руках двигались толпой к муниципальным столовым получить ужин.

Катя, стоя у ворот дома, с тоской смотрела на эти тени.

«Сколько горя, сколько ужаса, — думала она, — кроется в этой толпе, лишенной сознания своего положения!»

— Проклятые! — не вытерпев, громко вскрикнула она.

— Тсс... тише, — остановился около нее рабочий, изпод изорванной майки которого выглядывало исхудавшее тело. — Тише, не надо говорить громко, еще рано.

— Но почему, Том, почему?

— Сейчас не могу говорить. Потерпи.

Захрипел, заговорил громкоговоритель, выкрикивая объявления о получке партии чулок, пудры, а на громадной стене рабочего дома засветились слова: «Сумерки большевизма». Лекция знаменитого журналиста Дройда. Спешите слушать, спешите!»

«И он здесь», — подумала Катя.

— Простите, Том, я задумалась.

— Никаких разговоров, — повторил рабочий. — Можно говорить только вот что. — И он громко сказал: — Какая прекрасная погода! Как это интересно! — добавил он, указывая на светящуюся рекламу.

— Я не думаю, чтобы вас так сильно интересовали погода и очередной трюк мистера Дройда.

— Черт возьми, конечно, нет, — засмеявшись, сказал Том вполголоса. — Я забыл, что вы недавно у нас и еще не все знаете.

Катя внимательно взглянула в улыбающиеся глаза рабочего.

— Зайдемте ко мне, поговорим, — предложила она.

— Вы одни?

— Кто это? — спросила Катя, указывая на приближавшуюся черную фигуру фонарщика, согнувшегося под тяжестью черной палки, увенчанной матовым светящимся кубом.

— Алло, Джим! — позвал Том. — Иди сюда.

Фонарщик повернулся и медленно подошел к ним. Катя с любопытством рассматривала его совершенно невозмутимое лицо и ясные, умные глаза. Ее взгляд остановился на белой металлической табличке с цифрами 59721 К. З., висевшей на груди.

— Алло, зачем звал, Том? — И, поставив фонарь на землю, протянул руку Кате, а потом Тому.

— Хочешь покурить, Джим? Прекрасный табачок, — и Том протянул кисет.

— С удовольствием. Так трудно бессмысленно стоять долгие часы без табаку.

И Джим стал набивать свою трубку.

— Вот она ничего не знает, — чуть усмехаясь, проговорил Том.

— Так-так.

— Просит зайти к ней поговорить.

— Я думаю, Том, ей нечего и знать. Все в порядке, — закуривая трубку, проворчал Джим.

— А я думаю, Джим, что ей надо знать и даже очень надо знать, — сказал Том, делая какой-то знак рукой и выразительно глядя на фонарщика.

— Простите, товарищ, — серьезно сказал Джим, — не обижайтесь на меня за излишнюю осторожность.

— Так вы?..

— Так же, как и вы, — улыбнулся Джим.

— Ну расскажите, расскажите мне все, я ничего не знаю и не понимаю, что здесь делается

— Мы зайдем к вам. Вы одна живете?

— Нет, нас трое.

— Вы откуда?

— Из Союза...

— Все оттуда?

— Да, но они сейчас в породе, и я ожидаю их.

— Ну, подождем пока здесь. Так хорошо жить в такие ночи.

— Добрый вечер! — произнес Том, а Джим успел только вынуть трубку изо рта и снять свою черную шляпу в

почтительном поклоне перед проходившим мимо полисменом.

— Добрый вечер, господа, вы правы: в такую ночь просто грешно спать.

Катя инстинктивно отодвинулась назад, в тень.

— Гуляйте, господа, — снисходительно сказал полисмен и прошел дальше, важно отвечая на поклоны.

Из-за угла неожиданно подлетел автомобиль. Тзень-Фу-Синь нажал сирену и улыбнулся, увидев, как вся стоящая группа вздрогнула.

Джон Фильбанк живо выскочил из автомобиля, а Тзень-Фу-Синь, махнув приветственно рукой, уехал обратно.

— Джон, почему долго? Я...

— Пустяки, Катя, пустяки. О нем я ничего не узнал.

Обернувшись, Джон увидел Тома и Джима.

— А, ты уже познакомилась с Джимом, очень рад, — и Джон крепко пожал всем руки.

Спустились в подвал.

Катя нетерпеливо отворила дверь, повернула выключатель, и комната осветилась мягким светом спускавшейся над столом лампы, закрытой абажуром.

Из тьмы сразу вынырнули уютный мягкий диван, пара глубоких кресел, ширмы, закрывавшие походную кровать, и подоконник со стопкой книг.

— Вы недурно устроились.

— Прошу садиться. Я тороплюсь узнать...

— Тише, — прошептал Джим, отойдя от угла, в который поставил фонарь, — тише, нас могут подслушать. Ни в одном доме нельзя быть гарантированным от скрытого микрофона.

— Ну, смею уверить, у меня чисто, никаких микрофонов, — засмеялся Джон, — никаких...

— Он специалист, все стены истукал, — добавила, улыбнувшись, Катя.

— Ну, тогда дело другое, но все-таки нужно соблюдать осторожность.

Том хотел сострить, но, встретив серьезные глаза Джима, сконфузился и уселся удобнее в кресло.

— Вы недавно здесь, вы не успели еще ознакомиться с «великой колыбелью человеческого спасения», — иронически подчеркнул последние слова Джим.

— Нет, но я уже задыхаюсь. Я не понимаю, товарищи, как вы допустили этот ужас. Как допустили, чтобы они сделали из людей манекены? — неожиданно прорвалась Катя, сверкая глазами и топнув ногой.

— Слышишь, Джим, — подмигнул Том.

— А почему вы думаете, что мы допустили? — спокойно сказал Джим, усаживаясь за стол и с довольным видом снова набивая трубку табаком.

— Но Карантин, этот проклятый Карантин!

— А вы убеждены, что Карантин и в самом деле производит действие, которое ему приписывают? Что он уничтожает в людях способность протеста? — спросил, вдруг сделавшись серьезным, Том. — Вот Джим прошел через Карантин... Как у тебя насчет способности к протесту? — хлопнул он по плечу Джима.

Они весело переглянулись с Джоном, и все трое тихонько засмеялись.

— Но не забывай, Том, случаи были.

— Да, были, но это не их дурацкие лучи, а просто внушение. Слабые ему поддавались, сильные — никогда.

Катя с недоумением смотрела на них и, наконец, поняв все, вся бледная вскочила.

— Так, значит, нет массового уничтожения людей? Значит, люди остаются людьми? — с коротким рыданием восторга спросила она.

— О, Джон, — продолжая плакать, с упреком сказала Катя, — отчего же ты мне не сказал об этом? Это такой ужас, я измучилась за это время.

— Ну, ну, Катя, успокойся, — погладил ее по руке Джон. — Ты, однако, сделалась плаксой. Когда-то она не была такой, — сказал он, обращаясь к Джиму и Штейну, — когда ей наступали на хвост, она не плакала, а кусалась. Помнишь, как ты меня укусила за руку, когда мы пришли освободить тебя и Энгера из тюрьмы?

— Да, плаксой, — улыбаясь, с необсохшими слезами на

глазах, ответила Катя. — Это я расплакалась от неожиданной радости. Мне было так тяжело, так больно, и вдруг неожиданная радость, что нет этого кошмара...

— Ничего, ничего, — мягко сказал Джим в свою очередь, положив свою руку на руку Кати, — самому мужественному революционеру нечего стыдиться таких слез.

Катя благодарно улыбнулась ему и принялась энергично вытирать глаза.

— Но постойте, товарищи, — снова спросила она, — как же все-таки эта масса покорных людей? И вы, Джим...

— Видите ли, — не торопясь, начал объяснять Джим, снова занявшись своей потухшей трубкой, — нам стало известно, что при массовом применении лучи потеряли значительную часть своего эффекта и что этот старый душитель Ван Рогге работает над усилением их действия; ну, мы и решили помочь ему, — поднял он улыбающиеся глаза на Катю.

— Ну, как же вы это сделали? — напряженно смотрела на него Катя.

— Был дан лозунг: всем, прошедшим через Карантин и подвергнутым действию лучей, притворяться безвольными, быть послушными и ни в коем случае не выражать протеста против чего бы то ни было, — спокойно и медленно продолжал Джим, и только в глазах его светилась искорка не то света, не то торжества.

— Хорошо, как это хорошо! — хрустнула пальцами Катя. — И лозунг был усвоен массами?

— Как видите... Не без того, однако, — помолчав, добавил он, — по-видимому, есть слабые головы, на которые лучи действуют. Вот Том говорит, что это не лучи, а внушение.

— Да, я так думаю, — решительно подтвердил Том. — Если бы лучи разрушающе действовали на мозговые центры, то результат их действия у всех был бы одинаков. На самом же деле только очень немногие из получивших «лучевое крещение» действительно превращаются в живые манекены, а на психику огромного большинства всех остальных лучи совершенно не влияют. Интересно, что больше всего поддаются женщины.

— Но как вам удалось сохранить тайну этого «заговора притворства»? — спросила Катя.

— Комитет человеческого спасения нам сам помог в этом. В первую очередь подвергли действию лучей наиболее сознательных рабочих, как самых революционных и опасных, а они почти все члены нашей партии. Сохранить среди них тайну было нетрудно, а остальную массу по мере прохождения через Карантин мы подвергали тщательной индивидуальной обработке, разъясняя, какая опасность грозит им, если действие лучей будет усилено. Помогло нам и то, что своих агентов среди рабочих Комитет человеческого спасения не пропускал через Карантин.

— Замечательно, — радостно засмеялась Катя. — Какие вы молодцы, товарищи!

— Значит, не допустили? — добродушно усмехнулся Джим.

— Извините, товарищи, — серьезно, но вся вспыхнув, сказала Катя, протягивая обе руки Джиму и Тому.

— Ладно, мы не сердимся, — засмеялись оба и крепко пожали ей руки.

— Ну, мне пора, — заторопился Джим. — Иду выполнять обязанности фонарного столба.

— Пойду и я, — сказал Том, — у меня сегодня еще много дела.

Вышли.

Катя вышла за ними, остановилась и с облегченным сердцем, бессознательно улыбаясь, наблюдала причудливую игру света от цветных ночных солнц, бросавших блики на карнизы и крыши домов.

Глава II

В ПОИСКАХ ЭНГЕРА

Все время после разгрома полпредства Джон, Катя и Тзень-Фу-Синь тщетно производили поиски исчезнувшего

Энгера, но ни расспросы оставшихся сотрудников, ни выяснение обстановки разгрома не дали им никакой нити.

Осталось одно — белогвардейцы. Ключ к разгадке надо было искать там, но это было почти невозможно: белогвардейцы исчезли из Капсостара.

Последние дни Джон обследовал тщательно кабаки, подвальчики, притоны, надеясь найти хоть одного белогвардейца.

Он почти отчаялся и в душе проклинал Флаугодьда, вышавшего их из республики.

Превратившись в молодого англичанина-туриста, Джон направился в самый отдаленный район, над которым господствовала мрачная средневековая тюрьма. Он не рассчитывал уже ни на что, но надо было перед разработкой другого плана поисков закончить обход всех вертепов.

Сел в угол, против эстрады с кривляющимися танцовщицами и, потребовав себе соды-виски, наблюдал за столиками, медленно прихлебывая освежающий напиток.

Кругом все было так же, как и везде. Такие же апашы и кокотки, спившиеся старые клерки, мидинетки, рыцари карманов и легкой наживы, — все это было привычно, буднично.

Джон со скукой оглянулся и, взяв бутылку, стал наполнять бокал, но услышал неожиданно русское ругательство, и бутылка звякнула о стекло бокала.

У окна стоял в вызывающей позе апаш, удерживая от нападения на себя нескольких клерков. Все в нем было обыццо, но Джон с радостью увидел галифе с малиновым кантом.

— К чертовой матери, кляксы, назад, я говорю, — и снова раздалось хлесткое русское ругательство.

На подмогу клеркам подоспело еще два, и они угрожающе двинулись на русского. Не теряя ни минуты, Джон бросился между ними и офицером. Его появление несколько охладило пыл клерков. С ругательствами они вернулись на свое место.

— Кто вас звал? Я бы и без вас справился с ними.

— Я не сомневаюсь в вашей храбрости, сэр, но стоит ли

здесь проявлять доблесть, когда по всему видно, что вы имели боевые подвиги, господин...

— Капитан, — дополнил офицер. — Черт побери, вы славный парень.

— Сядем ко мне, капитан. Что вы пьете?

— Кроме воды — все.

Офицер грузно опустился на стул и, уставившись пьяными глазами на бутылку виски, долго раздумывал.

— Это виски, — и щелкнул пальцами по горлышку бутылки.

— Да. Разрешите налить?

— Нет, я сам, — и, взяв с соседнего столика пустой бокал, наполнил его прямо из бутылки.

— Содовую, капитан?.. Так не...

— Пью все, кроме воды, — был довольный ответ, и в мгновение жидкость цвета расплавленного топаза булькнула в горле капитана.

— Ничего, как вас там, ничего. И медведя пил, и ерша.

— О, yes, — почтительно произнес Джон.

Почтительный англичанин начинал нравиться капитану. В общем он когда-то ненавидел и англичан за их холодное презрение к русскому белому офицерству, и французам, и грекам, но воля судьбы — он теперь был бы рад и снисходительному жесту румынского офицера, быть может, того самого, которого он бил когда-то на яском вокзале, отправляясь на румынский фронт.

— Ну, — вызывающе подмигнул капитан.

— О, yes, — почтительно проговорил Джон, теряясь и не зная, как приступить к расспросу о разгроме полпредства этого безусловного участника погрома.

К их столику подсел стройный молодой человек; вызывающая поза, некоторое ухарство не гармонировали с его выражением глаз, смотревших куда-то вглубь себя.

— Вот и я, синьоры, угощайте; я не останусь в долгу: я могу спеть.

— Ол-райт, прошу.

— Тоже певец нашелся.

— Капитан, я тоже гость. Благодарю, сэр! — и он выпил залпом сода-виски из бокала капитана.

— К черту церемонии! — закричал капитан, увидев, что Джон с интересом повернулся к новому собеседнику.

Это был Хозе. Он опустилcя, но, несмотря на постоянное посещение низкопробных кабаков, в нем осталось еще некоторое непринужденное изящество и благородство манер.

— К черту твои песни, Хозе. Послушайте...

— О, yes, — повернулся к нему Джон.

— Не слушайте его, — перебил Хозе, — я сначала спою, а потом он пусть хоть до утра рассказывает о своих подвигах, которых не было.

— Хозе, ты забыл?

— Во всех кабаках знают тебя, как в плен полки брал, как...

— Хозе!..

— Господа, будем пить, я вовсе не намерен требовать платы за угощение.

Джон стукнул ложкой по бокалу и подбежавшему официанту коротко приказал получить заказ. Капитан закатил глаза и театрально поднял руку к сердцу. Хозе мучительно покраснел и встал.

— Простите, мне надо идти, сэр.

— Ни за что, я уйду тогда вместе с вами.

— Сиди, Хозе. Посмей уйти — я с тобой поговорю, — и капитан, для крепости схватив Хозе за руку, продолжал давать заказ официанту. Окончив, он повернулся к Джону: — Вы мне нравитесь. Хозе, как думаешь, рассказать мне ему о моем последнем приключении?

— О полпредстве?

— Ну, конечно.

Джон, стараясь сделать непринужденный вид, чуть-чуть побледнел, ожидая ответ Хозе. Равнодушный вид ему дорого стоил, а Хозе, как на грех, не торопился с ответом.

— Да, пожалуй. Но лучше расскажи о графе.

Джон с досадой оглянулся на соседний столик.

— Держу пари, черт подери, что никто не знает, какой граф запрятан в тюрьму, даже и ты, Хозе, этого не знаешь.

Джон обернулся и встретился с внимательными глазами Хозе, которые приглашали слушать.

— Все думают, что в тюрьме сидит граф Строганов, а не знают того, что, тысяча чертей, вместо него сидит большевик.

У Джона упало сердце. Поиски пришли к концу. И вместо возбуждения, вместо радостного восторга Джон ощутил усталость, бесконечную усталость. Эта реакция, неожиданная для него, помогла ему сохранить невозмутимый вид.

— *Very good*, — пробормотал он.

— Да что там говорить, когда я его стукнул по черепу...

У Джона сверкнули глаза, и он вдруг почувствовал на своем колене предупреждающий легкий толчок, и снова его глаза встретились с глазами Хозе. Он приглашал молчать и указывал на дверь глазами.

Джон понял. Едва сдерживаясь от желания отлупить бравого капитана, небрежно бросил на стол несколько бумажек.

— Я должен спешить.

Капитан не возражал против его ухода, тем более, что его глаза были прикованы к бумажкам, и он едва сдерживался от желания их схватить.

— Я с вами, сэр, — сказал, поднимаясь, Хозе.

На улице Хозе, схватив за руку Джона, прошептал;

— Я вас сразу узнал, вы помните Тома?

Джону ясно вспомнилась комната, в которой он очутился после своего спасения, и в Хозе он узнал того человека, который за ним ухаживал.

— Я вас тоже узнаю.

— Ну и хорошо, все в порядке. Капитан, наконец, сказал имя графа. Теперь дело в шляпе. Я сделаю все. Этот мнимый граф сидит в этом замке, — и Хозе указал на массивную громадину, нависшую над улицей.

— Располагайте мной, как угодно, Хозе.

— У меня гениальный план. Он родился сразу. Я его проведу: ваш товарищ сидит у капитана Хода, а этот ка-

питан обожает белогвардейцев. Вы знаете всю историю? Я доскажу.

И Хозе быстро рассказал Джону о всем происшествии с Энгером.

— Какая наглость! — пробормотал Джон.

— Я не жалею о том, что я ушел от Тома. Все-таки и здесь, мне кажется, я смогу оказаться полезным вам. Видите? Кое-что я уже узнал.

— Но если это правда...

— Не надо горячиться.

Джон шел и чувствовал, как снова энергия наполнила сердце, и чувствовал, что: радость вот-вот вырвется наружу, но, сдерживая себя, он шел, холодно, равнодушно слушающая план Хозе.

Глава III

ПРОЕКТЫ, МЕЧТЫ, РЕАЛЬНОСТЬ

В своем кабинете, за большим столом, Арчибалд Клуks углубился в изучение десятидневных сводок Бюро охраны внутреннего порядка.

Он сопоставлял их с донесениями местных комитетов человеческого спасения и вычерчивал «графику движения революционных организаций». Эта графика была придумана им самим, и Клуks, никому не доверяя, составлял ее.

— Я велел никого не принимать, — резко сказал он появившемуся в дверях адъютанту.

— Мистер Флаугольд.

Флаугольд вошел в кабинет, не дожидаясь разрешения, как человек, которому не могут отказать в приеме. Арчибалд Клуks вскочил и почтительно пошел к нему навстречу.

— Не беспокойтесь, Арчибалд, я на минутку, а вы все за работой?

— Каюсь, мистер Флаугольд, я так увлекся работой, что

забыл о времени.

— Да, вы умеете работать.

— Рад услышать это именно от вас.

Флаугольд всегда хвалился, что достиг всего собственным трудом, и своим ответом Клуks только польстил ему.

— Ну, ну, вы мне льстите, — самодовольно улыбаясь, потрогал он по плечу Клуksа и, чтобы скрыть удовольствие, принял серьезный тон. — Кстати, для меня не совсем понятен ваш последний приказ.

— Это об институте живых фонарей?

— Да, да. Я не совсем понимаю, для чего нужен; этот архаический институт, не вяжущийся ни с темпом жизни, ни с современным состоянием техники. Для чего нужен этот отрыв рабочих рук от производства? Для чего это бессмысленное стояние на улицах и площадях с фонарями, — ведь не для освещения, надеюсь?

— Конечно, нет. Цель тут совсем иная. Представьте себе, мистер Флаугольд, море рабочих, в котором тонут сотни моих агентов. Кто может поручиться за то, что их сведения правильны? Никто. Им лично я верю, как предателям, наполовину. Мне нужен инструмент, который отражал бы настроение массы, и таким инструментом и являются живые фонари. В любой момент я могу прочесть по этим фонарям, что чувствует масса. Именно потому, что стоять фонарем бессмысленно и унижительно для рабочего, привыкшего к производительному труду, живые фонари становятся особенно чувствительным инструментом. Всякое недовольство, всякий назревающий протест прежде всего скажется на поведении фонарей.

— Вы, пожалуй, правы, — подумав, сказал Флаугольд. — Но не переоцениваете ли вы, Арчибалд, эти живые фонари?

— Нет, я хорошо знаю психику массы. Пока живые фонари стоят, как изваяния, на своих постах, я спокоен. Прочитывая сводки, я проверяю их относительную правильность на фонарях.

— Пусть так, но что скажет весь культурный мир?

— Пустое, мистер Флаугольд, одно интервью с Дройдом — и все будет в порядке. Совсем ведь нетрудно пред-

ставить дело так: в борьбе с безработицей правительство выдумывает для рабочих какую-нибудь работу, но, поскольку промышленности невозможно использовать всех, приходится прибегать к таким мерам, как институт живых фонарей. Институт особенно подчеркивает гуманность и истинную заботу правительства нашей страны о рабочих.

— Браво, Арчибальд, браво! Вижу, что вас подстегивать не нужно. У вас бездна инициативы и находчивости. Продолжайте действовать и можете всегда рассчитывать на мою поддержку, — сказал Флаугольд, подымаясь и пожимая Арчибальду Клуку руку.

— О, мистер Флаугольд, при вашей поддержке я справлюсь со всеми врагами культуры и человечества, — говорил Крукс, почтительно провожая миллиардера к дверям и едва справляясь с радостью от своей удачи. Он все еще не мог привыкнуть к своему положению.

Проводив Флаугольда, Крукс несколько минут ходил по комнате.

Младший сын знатного рода, потомок целого рода корсаров, колонизаторов и завоевателей диких стран, авантюрист по природе, Крукс с детства мечтал о подвигах, завоеваниях и борьбе. Кипучая натура и честолюбие, соединенные с холодным расчетливым умом, не позволяли ему удовлетвориться скромной судьбой, предназначенной «младшему сыну».

Выбирая себе карьеру, Крукс, вопреки традициям своей семьи, пошел не в армию, а в политическую разведку, понимая, что именно здесь арена самой жестокой борьбы за старый мир, за господ против восстающих рабов.

С молоком матери всосал он презрение к людям, стоящим ниже его на общественной лестнице, убеждение в своем праве господствовать над ними и их обязанности подчиняться. Презрение превратилось в ненависть, когда он убедился, что низы не признают его права на господство. Никакие средства не казались ему жестокими. Все было позволено в этой борьбе не на жизнь, а на смерть.

Крукс с восторгом приветствовал открытие Ульсуса Ван Рогге и деятельно помогал устройству Карантина Забвения.

Когда Карантин начал действовать, Клуks часто отрывался от работы, приезжал в Карантин и подолгу простаивал в операционном зале, наблюдая, как вереница рабочих проходила перед аппаратом лучей К. Несколько секунд приготовлений — и человек получал в затылок разряд лучей.

«Одним врагом меньше», — хладнокровно отмечал про себя Клуks.

Он присматривался к людям, проходившим «курс обезвреживания», и ему казалось, что он замечает, как после каждого сеанса их лица становятся все равнодушнее, глаза все более тусклыми и безразличными.

«Что, голубчики, пропадает охота бунтовать?» — весело думал Клуks.

Несмотря на свое увлечение лучами К, Клуks понимал, что одними лучами нельзя уничтожить революцию, и не соглашался с Флаугольдом, который считал, что над рабочим движением можно поставить точку.

Клуks прослоил всю страну, все предприятия и учреждения армией своих агентов, переплел свои бюро с местными комитетами фашнационала, создал штаб, в который из всех концов страны стекались сводки.

Союз с могущественным миллиардером, фактическим владыкой Капсостара, открывал перед ним горизонты, невероятные возможности, которые даже не рисовались ему в мечтах.

Третий месяц, как он работает на своем посту, но теперь только он осознал вполне свою силу и власть. Теперь он — правая рука Флаугольда. Он ни перед кем не должен будет отчитываться, но сам всех будет держать в руках. Он покажет всем, этим мелким людишкам, что такое власть в руках сильного человека.

Теперь есть над чем поработать.

Великая идея профессора Ульсуса Ван Рогге — вот что должно спасти старый мир и цивилизацию, превратить в покорную рабочую силу всю эту грязную, всегда недовольную и готовую к бунту толпу, сделать из людей придатки к машинам, войти в историю как спаситель мира, навеки по-

кончить с революциями, периодически потрясающими человечество. Ради этого стоит жить и бороться!

Капсостар — только начало. Надо победить здесь, и тогда откроется весь мир. Но для этого надо работать, работать и работать.

Клукс снова уселся за стол и принялся за вычерчивание графики, но через минуту понял, что работать он не сможет.

— Надо проветриться, — вслух подумал он и принялся укладывать незаконченные дела в бронированный шкаф.

Перекладывая одну за другой бумаги, он пробегал по ним привычным взглядом, на лету улавливая их содержание. На мгновение приостановился, нахмутив брови.

«Опять бесследно пропал агент, которому было поручено проверить сведения о существовании подземного города Звезды — убежища революционеров. Гм... это уже второй случай. Надо будет этим заняться. Ага! О Кате! Ни слуху ни духу. Досадно. Идиоты не могут найти. А интересный бабец. Попадись она мне только...»

Тщательно запирая шкаф и выходя из кабинета, вспоминал мимолетные часы любви с неизвестными женщинами, с которыми почти никогда больше не встречался, и сокрушенно-весело думал, что его единственная слабость — женщины.

Но ему не удалось далеко отойти от кабинета. Затрещал телефон, не робко, как привык Крукс слушать вызовы, а настойчиво, властно, отчаянно. Не спеша Крукс подошел и снял трубку.

— Что за пожар? Алло!

Но сразу побледнел и покачнулся: он услышал невероятную вещь, он не верил ушам; но перепуганный голос продолжал кричать: «На тюремный замок напал отряд взбунтовавшихся солдат».

— Взбунтовавшихся солдат, — повторил Крукс, кладя трубку на место.

Он не мог представить себе этого, не мог. Солдаты армии Капсостара, доведенные до автоматизма, прошедшие

через Карантин, испытанные уже в делах, и вдруг... взбунтовались.

— Бунт, — прошептал он побелевшими губами.

Не привыкши к долгому раздумыванию, он опрометью выскочил из кабинета. Он снова был полон энергии и на ходу набрасывал четкий план ликвидации бунта.

Глава IV

БУНТ

Хозе когда-то, в прошлом, неплохой актер, но робкий, не смог выдвинуться на первое место, но после жизненного краха, после попытки к самоубийству, после дней бездомной жизни, скитания по кабакам его робость стала пропадать. Чем ниже опускался он, тем храбрость все более вытесняла робость. Ему нечего было терять: только жизнь, но и она после ухода Аннабель потеряла ценность.

План, предложенный Джону, был исключительно смел и дерзок. Джон был поражен дерзостью Хозе и почти не сомневался в успехе.

Оживленно беседуя, они шли по улице по направлению к тюремному замку. Джон по обыкновению был одет английским туристом, но зато Хозе блестел орденами, звенел саблей и гордо поводил плечами, украшенными полковничьими эполетами.

Хозе держался изумительно — походка, жесты и даже интонация голоса приняли начальственный оттенок.

— Вот моя армия, — усмехнулся Хозе, указывая Джону на маршировавшую роту, и, оставив Джона, быстро пошел навстречу ей.

Лейтенант лихо скомандовал: «Смирно!», и солдаты, отчетливо повернув головы, еще усерднее затопали ногами.

— Стой!

Рота остановилась.

— Следовать за мной! — бросил Хозе и, не глядя, пошел вперед.

У Джона перехватило дыхание, когда он увидел, как четко рота повернулась кругом и зашагала за новым командиром. Лейтенант старался вовсю, подсчитывая шаг.

Джон медленно последовал за ротой и, только пройдя квартал, догадался нанять такси.

Все шло, как и предполагал Хозе, но заминка вышла у ворот тюрьмы: роту не пропускали внутрь.

Дружный напор сразу раскрыл решетку ворот тюрьмы, и рота под командой Хозе, четко отбивая шаг, вошла во двор и остановилась против выскочившего караула.

Капитан Ход, уже давший знать по телефону о нападении на тюрьму, полный смятения и страха, выскочил вперед и, отдавая честь полковнику Хозе, представился:

— Смотритель тюрьмы, капитан Ход. Что прикажете, полковник?

— Немедленно освободить графа Строганова.

— Но это совершенно невозможно.

— Через пять минут я начну атаку тюрьмы.

— Но, господин полковник, поймите...

Хозе сделал жест лейтенанту, и тот, откозыряв, повернувшись к роте, скомандовал: «На изготовку!» Ружья звякнули, затворы щелкнули, как один.

— Поймите, графа нет.

— Мы найдем его сами.

— Но его увезли... его взяли в Карантин месяц назад... Вы поймите, полковник, я уважаю ваши требования... я сам давно ждал, что такого героя, как он, придут освобождать, но, увы, вы опоздали, полковник.

И капитан Ход, увлекшись, стал рассказывать о всех своих чувствах к такому прекрасному офицеру, как граф Строганов.

За оградой послышался предупреждающий звук сирены такси Джона, а через секунду, заглушая его, с грохотом во двор тюрьмы въехало несколько военных автомобилей.

Хозе быстро оглянулся. Из машины выскакивал отряд, вооруженный пулеметами и бомбами. Схватив капитана

под руку, Хозе пошел к воротам.

— Одно слово — и смерть.

Капитан Ход улыбнулся.

— Я не враг вам, вы не знаете капитана Хода, полковник. Друзья графа Строганова — мои друзья.

И, доведя Хозе до ворот, бросился к подъехавшему Арчибальду Клуку.

Хозе не стал дожидаться окончания заваренной каши и вскочил в такси Джона.

— Ну что, сорвалось?

— Не совсем. Его взяли в Карантин месяц назад.

Джон нервно повернул руль и пустил машину полным ходом.

Арчибальд Клуку, вошедший во двор, наткнулся не на сцену восстания, а на две воинские части, стоявшие друг перед другом в сомкнутом строю. Бунтовщики, как на параде, вытянулись правильной ровной линией.

Лейтенант оглянулся, отыскивая глазами Хозе, но наткнулся на взгляд Арчибальда Клука.

Отряд с пулеметами и бомбами выстроился сбоку. Все части ждали команды.

— Лейтенант, почему ваша рота здесь?

— Не могу знать, господин секретарь.

— Чего солдаты требуют?

— Ничего.

Капитан Ход, взяв под козырек, торопливо доложил Клуку о требовании Хозе. Арчибальд весело засмеялся. Бунт оказался анекдотом, и если даже руководитель, исчезнувший полковник, требовал освобождения, то он требовал освобождения не большевиков, не рабочих, а освобождения графа Строганова, организатора разгрома полпреда СССР.

Клуку не догадался о том, что, быть может, полковник знал, кто именно скрывался под фамилией графа. И если бы он это знал, он не отнесся бы к этому эпизоду, как к анекдоту.

Отпустив роту бунтовщиков даже без выговора, Арчибальд Клуку поехал к мистеру Флаугольду рассказать о том,

что даже солдатский бунт у них в республике идет по линии защиты ярых ненавистников большевизма.

Глава V

АРЧИБАЛЬД ЗНАКОМИТСЯ С БОКСОМ

Катя и Тзень-Фу-Синь, узнав от Джона о неудачном освобождении Энгера, несколько минут сидели в подавленном молчании. Оставалась только надежда, что Энгер, как всегда, выйдет победителем из этой истории.

— Значит, даешь Карантин! — сказала Катя, выражая вслух общую мысль, и, присев к столу, стала просматривать иллюстрированные журналы, чтобы найти фото этого таинственного здания.

— Шибко шанго. Очень хорошо. Совсем Джон, только нет очков и нет шляпы, — сказал вдруг Тзень-Фу-Синь, заглядывавший через плечо Кати в журнал, и ткнул пальцем в портрет Корнелиуса Крока.

— А в самом деле, Джон, посмотри. Правда, здорово похож на тебя.

— Действительно, — подтвердил Джон. — Вот не ожидал, что я похож на такую сволочь. Но на этот раз это, пожалуй, поможет мне пробраться в Карантин под видом Корнелиуса. Давайте подумаем.

Наклонившись поближе друг к другу, заговорили шепотом.

— Ну, решено. Значит, Джон, ты будешь Корнелиусом, Тзень-Фу-Синь — шофером, а я — продавщицей цветов. Я думаю, меня никто не узнает. Вот, посмотрите!

И Катя, быстро повернувшись к зеркалу, зачесала волосы назад, быстро подвела брови, и, когда повернулась к друзьям, то те раскрыли рот от изумления. На них смотрело милое, наивное лицо молоденькой девушки, младшей сестры Кати.

— Очень хорошо.

— Шибко шанго.

— Правда, совсем не похожа. Купите цветы, джентльмены, купите цветы! — защебетала Катя и засмеялась, не выдержав роли. — Значит, я буду часовым. Чуть что... — и, всунув два пальца в рот, сделала вид, что собирается свистнуть.

— Все хорошо. Я уверен, что нам удастся освободить Энгера.

— Сегодня прорепетируем.

— Идет.

Вечером все разошлись в разные стороны.

Катя, купив корзинку цветов, пошла по улицам, довольно бойко расторгивая свой товар. Она старалась избегать главных улиц и довольствовалась более скромными.

Джон отправился к Карантину, держа под мышкой сверток со шляпой, такой же, как у Корнелиуса, и с очками в кармане. Нужно было присмотреться к манерам и походке Корнелиуса, который часто прогуливался по переулку около Карантина. А Тзень-Фу-Синь, нацепив фальшивый номер на свой автомобиль, отправился на улицу Ульсуса к ресторану «Черная Бабочка».

Из окон, задернутых тюлем с черными бабочками, неслись звуки нового танца — ленсберри-скотта.

Над подъездом раскачивалась громадная черная бабочка, вздрагивая тонкими крыльями от каждого стука открываемой двери.

Сильный, властный стук дверью человека, привыкшего везде чувствовать себя хозяином, заставил обернуться Тзень-Фу-Синя, и он увидел вышедшего Арчибальда Клуksа, напевавшего ариетку.

— Шибко хорошо, — прошептал Тзень-Фу-Синь и еще глубже влез в поднятый воротник пальто.

— Алло! — позвал Клуks, подняв стек кверху.

Тзень-Фу-Синь плавно подкатил машину.

— По улице Ульсуса вверх, — сказал небрежно Клуks, сядя на мягкие подушки паккарда.

Клуks с удовольствием отдыхал после приятно проведенного дня. Была только одна маленькая неприятность:

он ожесточенно думал о том, почему ему не улыбнулась мистрис Аннабель. «Разве я перестал нравиться женщинам?» Раскрыв портсигар, он посмотрел в маленькое овальное зеркальце, вделанное в крышку.

Машина плавно катилась по длинной улице. Тзень-Фу-Синь крепко сжимал руль, едва сдерживая желание пустить машину полным ходом, умчаться с Клуksom в какую-нибудь глухую улицу, чтобы расправиться с ним за все.

— Алло, стоп! — раздался над его ухом голос Клуksа.

Тзень-Фу-Синь вздрогнул и послушно застопорил мотор. Клуks выскочил из машины и направился к стоявшей у витрины Кате.

— Не угодно ли цветов, сэр? — с заученной улыбкой обратилась она к Клуksу. — Не угодно ли цветов? — и осеклась.

«Генрих Штубе!» Кровь бросилась ей в лицо, и, преодолевая волнение, она протянула Клуksу букетик.

Клуks молчал, в упор рассматривая ее и стараясь вспомнить, где он встречал эту девушку.

— Карточку! — наконец сказал он.

Катя вздрогнула, и ее мгновенное смущение не укрылось от зорких глаз Клуksа.

— Пожалуйста карточку, — еще настойчивее повторил он.

— Я забыла ее дома, сэр, право забыла.

— Ну, нет, девочка, этому я не поверю. Впрочем, это пустяки. Что мне карточка, когда я вижу такой цветок! Вас, милочка, зовут Дэзи?

— Нет, Кетти.

Клуks засмеялся. Наивность этой девушки приятно пощекотала его сластолюбие.

— Вы очаровательны, малютка.

— Простите, сэр, мне надо идти.

— Нет, дорогая, я вас не отпускаю. Найти такой цветок на асфальте наших улиц — да это необыкновенно. Черт возьми, мне повезло. А ты, малютка, знаешь меня?

— Нет, сэр.

— Ну, вот видишь, зачем ты пыталась обмануть меня? Если бы ты прошла Карантин Забвения, то знала бы меня: ведь все сначала проходят через мой кабинет.

— Так вы?..

— Ну, да.

— Корнелиус Крок!

— Нет, черт возьми, я Арчибальд Клуks, секретарь Комитета человеческого спасения. Ты себя выдала с головой, девочка, идем.

— Простите, сэр, но я не хочу в Карантин, вы славный, вы хороший, не надо меня в Карантин!

— Какой у тебя приятный, ласкающий голос! Вот это встреча! — восхищался Клуks. — Не бойся, малютка, я не возьму тебя в Карантин, я хочу тебя спасти. Ведь ты же знаешь правила, знаешь, что тебя могут арестовать каждую минуту.

— Простите, сэр!

Проходившие мимо люди косились на них и, узнав Клуksа, спешили пройти дальше.

— Где ты живешь, девочка? Я тебя отвезу домой. Хорошо?

— Благодарю вас, сэр. Вы очень добры.

Тзень-Фу-Синь, с равнодушным видом наблюдавший за ними, еще крепче сжал кулаки, узнав в подходившей цветочнице Катю.

Катя вошла в авто, испуганно взглянув на обернувшуюся к ней маску шофера. Очки скрывали лицо Тзень-Фу-Синя, и она не могла узнать его.

Он отвернулся от нее и, устремив черные очки на Клуksа, спросил:

— Куда, сэр?

— Квартал Комитета.

Катя вскочила с места, но тяжелая рука Клуksа, стоявшего на подножке, не грубо, но с силой легла ей на плечо и заставила снова опуститься на сиденье.

Тзень-Фу-Синь поднялся и повернулся.

— Полный ход, — сказал Клуks, занося ногу в машину, но вдруг тяжелый удар кулаком в подбородок опрокинул его на тротуар и на мгновение лишил сознания.

Когда Клуks пришел в себя и, преодолевая головокружение, вскочил на ноги, автомобиль был уже в двадцати

шагах от него и набирал скорость. Ругаясь сквозь зубы, выхватил револьвер, но не выстрелил, поняв, что это бесполезно — руки дрожали. Спрятав револьвер, поднял с земли шляпу, счистил пыль с платья и, сплевывая кровь из разбитых зубов, поспешил к ближайшему телефону.

Глава VI

КОРНЕЛИУС КРОК

Корнелиус Крок, ассистент знаменитого профессора Ульсуса Ван Рогге, методически запер дверь картотеки, поправил квадратные темные очки и пошел твердым шагом по коридору в вестибюль Карантина Забвения.

Он принадлежал к категории людей без возраста. Временами он был молод, временами казался стариком. Но всегда его лицо было невозмутимо, как будто на него надели маску спокойствия. Только во время сна лицо расправлялось, и тогда переставало казаться маской, а становилось обыкновенным человеческим лицом.

Корнелиус Крок очень усердно работал. Нелегко быть ассистентом профессора Ульсуса Ван Рогге. С раннего утра и до поздней ночи Корнелиус Крок делил свое время между картотекой и лабораторией. Эти работы нельзя было доверить никому, их выполнял сам Крок. С постоянством и беспощадностью машины он ежедневно откладывал анкетные карточки, вызывал в лабораторию Карантина Забвения № 11 очередных людей выпуска и подвергал их мозг губительному действию лучей К.

И изо дня в день, из часа в час он наблюдал, как его пациенты из живых людей превращались в штампованные маски.

Лаборатория пропускала еженедельно тысячи людей, признанных годными к несению той или иной службы в учреждениях Капсостара. Рабочие из концлагеря были первыми, над которыми произвел опыт профессор Ульсус Ван

Рогге. Ульсус Ван Рогге сделал их счастливыми машинами, блестящими механизмами, рабски преданными работе.

Задумавшись, Корнелиус Крок снял с вешалки широкополую шляпу левой рукой, ударился локтем о перекладину и, схватившись за ушибленное место, невольно застыл. Старая рана около локтя давала себя чувствовать.

— Что прикажете, мистер? — угодливо наклонился швейцар, подавая пальто.

— Ничего.

— Прикажете вызвать дежурного врача?

— Не надо. Благодарю вас.. Немного болит: вероятно, от разбитой колбы осталось стекло в ране...

И, провожаемый почтительным поклоном швейцара, он вышел на улицу.

Он шагал зловещей тенью за спинами счастливых пар, ловил радостные улыбки, которые сразу блекли при виде его бледного лица.

Лица мертвели при его проходе.

О, Корнелиус Крок был очень известен в городе. Его энергичное, бесстрастное лицо заставляло трепетать не одно мужественное сердце.

— Корнелиус Крок...

— Этот...

— Да, да. В черной шляпе...

Встречные испуганно расступались, и десятки шляп слетали в почтительных поклонах. Корнелиус Крок скупым жестом приподнимал свою шляпу и размеренным шагом продолжал свою прогулку. О чем думал, что чувствовал этот человек-автомат, превращающий других людей в машины?

Неожиданно остановился перед кафе, где за столиками чернели фраки, голубел шифон и розовели обнаженные плечи женщин.

Один из столиков выделялся пестрым пятном. Там сидела богема. Пили, смеялись. Один из сидевших, поэт, вскочил, взъерошил волосы и стал скандировать:

Глупо ревущий авто
Яростно мчал.

Все было то, да не то.
Чего-то я ждал...
Дымная мгла фонарей,
Лента толпы,
Женщина, грёза о ней...
Ты, иль не ты?..

Отошел. Ироническая усмешка искривила губы Корнелиуса.

— Идиоты. Они счастливы... У них есть профессор Ульсус Ван Рогге, у них есть Корнелиус Крок, — прошептал он, хрустнув пальцами, быстро повернул в переулок и в тени дома долго стоял, прижавшись лбом к холодному стеклу витрины. Оторвался и с глубоким вздохом медленно пошел вперед.

— **Good night**, мистер. На одно слово...

Остановился и молча смотрел.

— Вы свободны?

Пожал плечами.

— Свободен.

— **Very good**. Мистер Дройд просит вас пожаловать на его четверг.

— Как? Что?.. Опять Дройд! — и спохватился: — Я не знаю никакого мистера Дройда.

— Все равно. Мистер Дройд просит вас пожаловать на его очередной четверг, — как затверженный урок, повторил незнакомец и, приподняв одной рукой кепи, другой указал на освещенный подъезд.

Глава VII

ОЧЕРЕДНОЙ ЧЕТВЕРГ МИСТЕРА ДРОЙДА

Корнелиус Крок скользил взглядом по чайным столикам, разбросанным в большой гостиной, с оазисами из ков-

ров, в которых утопали ноги и причудливо изогнутые ножки мебели.

За гостиной мягко освещенный кабинет. Проводник Корнелиуса Крока уверенно вел его к уютному уголку, уставленному мягкими креслами. В креслах замерли в спокойных позах элегантные проборы с тройными подбородками. На Корнелиуса Крока взглянуло умное, немного ироническое лицо вице-президента Комитета человеческого спасения, мистера Барлетта.

Корнелиус его знал по многим фото всевозможных журналов.

Рядом с Барлеттом, оскалив блестящие белые зубы, сверкая белой костяной оправой круглых очков, сидел мистер Эюб Бу — изобретатель сыворотки смерти, единственный профессор-негр, признанный равноправным в этом городе.

В глубине сидел магистр богословия, пастор Ян Спара. На его худой шее болталась золотая цепь со свастикой вместо креста; на левой стороне сюртука был приколот университетский значок, из-под черной шапочки выбивались белые волосы.

Остальных Корнелиус Крок не знал. Подошел, молча оглядывая всех. Шевельнулась злобная и насмешливая мысль: «Попались бы вы мне в лаборатории...»

Навстречу ему поднялись великолепный пробор и высокая фигура мистера Дройда.

— Кого имею честь приветствовать на своем четверге?

— Я не так знаменит, как ,вы, мистер Дرويد, и как все здесь сидящие джентльмены. Я бы хотел остаться безымянным.

— Ол-райт! Ваше мнение, господа?

Барлетт, не торопясь, попытлел сигарой, выпустил изо рта струйку дыма и лениво улыбнулся.

— Я думаю, Виллиам, что ассистента Ульсуса Ван Рогге можно и не представлять.

— Мистер Корнелиус Крок? — живо обернулся в его сторону мистер Дرويد.

— К вашим услугам, — поклонился Крок.

Эюб Бу немедленно завладел им и, усадив рядом с собой, оживленно заговорил об открытии доктора Фуан-Сю-Чая и его работах по теории лучей К.

— Вам не наскучили еще разговоры о лучах К, мистер Крок?

— Не беспокойтесь. Я с удовольствием отдыхаю в вашем обществе, джентльмены. У меня ведь... — и Корнелиус иронически улыбнулся,—общество манекенов.

— Которых вы сами делаете.

— Для их счастья.

— Для нашего спокойствия, — сказал Барлетт.

Все лица расцвели снисходительными улыбками. Барлетт был слишком крупной персоной, и ему приходилось прощать некоторые вольности — результат иронического склада его ума.

Генерал Биллинг с нескрываемым любопытством и некоторым страхом осматривал знаменитого ассистента, который специализировался на калечении людей.

— Да, — солидным басом сказал генерал, чтобы скрыть от себя самого неприятное чувство страха перед этим человеком, — вы, можно сказать, благодетель человечества.

— Прошу пожаловать ко мне, генерал, и вас тоже облагодетельствую.

Все весело расхохотались. Лицо генерала налилось кровью, он запыхтел, но не нашел ответа.

— Не мешало бы, — начал пастор, — Комитету человеческого спасения провентилировать вопрос о целесообразности сделать ряд выпусков из нашего класса. Внушить им принципы веры и вернуть в лоно церкви.

— Уставом наших четвергов проповеди не предусмотрены, ваше преподобие, — улыбнулся Дройд. — Джентльмены, предлагаю четверг считать открытым.

— Послушаем.

— Very good.

— Просим.

— Четверг, согласно нашего устава, открывается рассказом. Предлагаю начать гостю, попавшему к нам в первый раз.

Корнелиус Крок посмотрел на часы и встал.

— Прощу извинить. К сожалению, я принужден покинуть ваше чрезвычайно интересное общество и лишиться себя удовольствия выслушать рассказ одного из джентльменов. Я должен быть в лаборатории: лучи не любят ждать.

— За вами считается вечер, — сказал Дройд, пожимая ему руку.

— Охотно, прошу считать за мной, — раскланялся и пошел к дверям.

На улице у самого выхода Крок натолкнулся на темную фигуру.

Поднял глаза и увидел перед собой близко-близко широкополую шляпу и бледное лицо с глазами, закрытыми квадратными очками.

Корнелиус поднял руку, фигура — тоже.

— Я начинаю бредить, — подумал вслух Корнелиус и, опершись рукой о стену, закрыл глаза.

Открыл глаза и снова посмотрел на то место, где увидел своего двойника. Никого!

Вытер платком лоб и снова повторил:

— Я начинаю бредить, — и отшатнулся, услышав позади себя ответ:

— Нет.

Между лопатками пробежал холодок. Вдруг представилась камера Карантина Забвения № 725. «Неужели он освободился?»

Почувствовал за спиной упорный взгляд и повернулся. Увидел ту же фигуру, бледное лицо и глаза, закрытые квадратными очками. Галлюцинация!

Бессознательно снял шляпу и поклонился. Двойник, точно копируя его движения, снял шляпу с поклоном.

Корнелиус Крок повернулся и, спотыкаясь, быстро скрылся в темноте.

Глава VIII

ЛЮБЕЗНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Автомобиль мчался в бешеном беге, кружа по переулкам и избегая людных улиц и площадей. Катя, прижавшись в уголке, думала о только что избегнутой опасности. Она была спокойна. Шофер не может быть ее врагом, раз он враг Клуksа и защитил ее от него.

В глухом переулке, где не видно было ни одного прохожего, машина сразу остановилась, шофер быстро снял скрывавшие его лицо очки и шлем, и Катя увидела перед собой сияющую физиономию Тзень-Фу-Синя.

— Тзень-Фу-Синь! Так это был ты?

И, откинувшись на сиденье, Катя принялась хохотать.

Тзень-Фу-Синь усердно вторил ей, но вдруг принял серьезный вид.

— Ну, довольно. Не время теперь смеяться. Через четверть часа вся полиция будет искать меня, да и тебя тоже. Беги, Катя, домой и больше сегодня никуда не выходи, а я покачу тут в одно место и оставлю там машину. Ее нужно теперь снова перекрасить и вообще изменить ее внешний вид.

Тзень-Фу-Синь быстро снял с автомобиля номер, заменил его другим, махнул рукой и умчался.

Катя, проводив глазами автомобиль, прошла несколько улиц, но, увидев, что ее внимательно осматривают прохожие, взглянула в зеркальную витрину и увидела там цветочницу. Корзина с цветами безусловно обращала на нее внимание.

В первом же подъезде оставила корзину цветов, быстро стерла подрисованные брови и своей прическе придала обычный вид.

Теперь она могла спокойно идти домой.

Привыкнув к странностям города, Катя уже не обращала внимания на идущих по улице штампованных лю-

дей. Помня о «заговоре притворства», она уже не волновалась, видя живые манекены, только люди со свастикой на левом лацкане сюртука заставляли ее хмурить брови и сжимать губы. Не доходя ресторана «Черная бабочка», Катя столкнулась лицом к лицу с вышедшим из ресторана генералом Биллингом.

Увидев Катю, он на минуту опешил, затем напыжился, щелкнул шпорами и ироническим тоном сказал:

— Вот не ожидал вас увидеть. Какая встреча!

Катя, не отвечая, хотела пройти мимо него, но генерал схватил ее за руку.

— Пойдите, сударыня, пойдите. У нас имеются кое-какие счета с вами.

— Я вас не знаю. Что вам угодно? — холодно сказала Катя.

— Однако, у нас короткая память. А вы помните Одессу? Катя вырвала руку.

— Я никогда не была в Одессе. Я не знаю, что такое Одесса. Что вам нужно?

— Неужели и вы прошли Карантин 'Забвения? Нет, не думаю. Ну, на этот раз вы меня не проведете.

Он снова схватил ее за руку.

— Пойдемте со мной.

— Оставьте меня в покое, или я позову на помощь.

— Зовите, тем хуже будет для вас, — и генерал Биллинг сделал знак проезжавшему такси.

— Вы уж извините, сударыня, но я вас доставлю в Комитет человеческого спасения.

Катя поняла, что сопротивление бесполезно, и молча вошла в автомобиль. По дороге генерал пытался завести разговор, но Катя, полная досады на свою неудачу, упорно не отвечала и, отвернув голову, смотрела на мелькавшие дома, козырявших полисменов, немногочисленных уже прохожих. Знакомое лицо. «Тзеиь-Фу-Синь, милый». Он успел уже снять костюм шофера и с деловым видом спешил куда-то. Споткнулся, как будто натолкнулся на что-то, смотрит, удивленно раскрыв свои узенькие китайские щелочки. Глазами показала ему на генерала. Кивнул головой —

значит, понял. Катя вздохнула полной грудью и к удивлению, даже обиде Биллинга, тихонько засмеялась.

Глава IX

ДВОЙНИК КОРНЕЛИУСА КРОКА

Возвращение Корнелиуса Крока вызвало изумление, но, прежде чем он приблизился, перед ним появился, низко кланяясь, лакей и, осведомившись, не он ли Корнелиус Крок, сказал, что его хочет видеть дама.

«Чертовски хорошо! И это только первый выход», — подумал двойник и повернул вслед за лакеем.

Очутился в уютной комнате, целиком задрапированной коврами и портъерами.

— Здесь вам придется подождать, мистер, — сказал лакей и вышел.

— Недурственно, — почти вслух произнес двойник и привычным движением вытянул из кармана хорошо прокуренную трубку. — Ей-богу, этот парень как сыр в масле катается, — и старательно стал раскуривать трубку.

— Вы Корнелиус Крок?

Двойник обернулся. Из-за боковой портъеры появилась высокая женская фигура. С гневным лицом, обрамленным черными волосами, в черном, глубоко декольтированном платье с золотистым солнцем, лучами обхватывающим грудь и талию, стояла она с высоко поднятой головой.

Двойник в изумлении застыл с трубкой в губах. Не говоря ни слова, женщина протянула руку, схватила трубку и швырнула ее на пол.

— Прошу извинить, я не знал...

— Отвечайте, вы Корнелиус Крок?

— Как будто я...

— Вы негодяй!

И если бы двойник не поймал ее за руку, то получил бы полновесную пощечину.

— Благодарю, не ожидал, — не теряя хладнокровия, сказал двойник, крепко сжимая руку женщины.

— Вы ждали другого, — саркастически засмеялась женщина, пытаясь вырвать свою руку из железных пальцев двойника. — Быть может, поцелуев и объятий манекенши? Вы — человек, заселивший город призраками людей, убивающий лучшее, что есть в людях, сделавший из людей машины, чего, кроме пощечины, можете вы ждать?

— Позвольте...

— Ничего не позволю. Вы негодяй, вы...

— Но...

— Отпустите мою руку, — топнула она ногой и, вырвав руку, стала оттирать посиневшие пальцы.

— А вы кто? Если судить по вашему поведению, то здесь еще не все потеряли склонность к буйству, — со спокойным юмором сказал двойник.

Женщина выпрямилась, и, с презрением глядя на него, произнесла:

— До меня вам не добраться. Я Аннабель Флаутгольд.

Двойник сложил губы, как бы собираясь свистнуть, но удержался.

— Я презираю вас, я ненавижу вас <за> всех и за себя.

— И это только первый выход, — пробормотал двойник, косясь на лежащую трубку.

— Извините, сударыня, вы звали меня только для того, чтобы сделать мне это приятное сообщение?

— Да, для того. Я хотела встретиться с человеком, обратившим всех в уродов, заставить его понять всю гнусность его дела, опомниться и прекратить свою ужасную работу.

— Ну хорошо, предположим, что он уже понял, — как бы говоря сам с собой, сказал двойник, задумчиво, серьезно глядя на Аннабель. Только в глазах предательски сверкала насмешливая искорка.

— Как это?.. — сразу остывшим тоном спросила Аннабель.

— Ну, понял всю гнусность своего дела, опомнился и готов прекратить свою ужасную работу, — все так же предательски-серьезно пояснил двойник.

Аннабель уже изумленно-радостно смотрела на него.

— Неужели вы согласны?

Двойник молча кивнул головой.

— Какой вы милый, какой хороший! — молитвенно сложила руки Аннабель. — Простите мне оскорбления, что я вам нанесла. Мне так стыдно теперь, но ведь я не знала. Так вы обещаете положить конец?

— Обещаю, что ни одного человека не подвергну действию лучей, — торжественно поднял кверху правую руку двойник.

— Благодарю, благодарю вас, — стремительно протянула ему обе руки Аннабель. — А что вы сделаете с лучами? — заинтересовалась она. — А вас не могут заставить продолжать работу?

— Нет, не могут, — отрицательно мотнул головой двойник. — А лучам мы найдем применение, — важным тоном добавил он.

— Так, значит, мир. И будем друзьями, — протянула она руку.

— Будем, — весело засмеялся двойник, крепко пожимая ее руку.

Аннабель блеснула зубами в радостной улыбке, кивнула головой и исчезла за портьерой.

— И это только первый выход, — склонив голову набок, пробормотал двойник и, не сдержавшись, громко захохотал.

Продолжая смеяться, он подобрал трубку и направился к выходу.

Мимо него прошаркал через комнату одутловатый старик, а за ним прошло три замаскированных женщины в оранжевых платьях с продольными черными полосами. Двойник посмотрел им вслед, плюнул и спокойной походкой продолжал свой путь.

На углу у очередного фонаря двойник на минутку остановился. Перед ним ровной линией переулок с замершими в ночном сне домами. Ни души.

И только две линии одетых в черное фонарщиков стояли как изваяния, держа шесты, с верхушек которых матовые кубы лили ровный свет, испещряя светлыми квадратами плиты улиц.

Двойник вошел в мрачный провал ворот и, быстро сбросив плащ, шляпу, сложил их в ровный прямоугольный пакет. Из кармана вынул измятую кепку, привычным движением встряхнул ее, надел на голову и снял очки, — снова стал Джоном Фильбанком.

С облегчением вздохнул и вышел на улицу.

На башенных часах средневекового храма пробило два часа. С последним ударом часов фонарщики как один повернулись и медленно пошли на середину мостовой, смыкаясь в ряды. Пошли сомкнутыми рядами, казались ползущей по улице громадной черепахой, из-под темного панциря которой лился матовый свет.

Добравшись до своего дома, Джон на угловой доске для газет увидел свеженаклеенное объявление:

«1000 фунтов награды тому, кто укажет личный номер шофера автомобиля, стоявшего у “Черной бабочки” в 10 часов вечера и повезшего Арчибальда Клуksа».

— Алло, Джон. Плохо. Очень плохо: Катю увезли, — встретил его у ворот Тзень-Фу-Синь.

— Катю! Говори, говори скорей!

Путаясь и иногда останавливаясь, чтобы подыскать нужное слово, Тзень-Фу-Синь рассказал о столкновении с Клуksом и встрече с Катей, которую вез в автомобиле генерал Биллинг.

— Так, но и тебя ищут. Тысяча фунтов тому, кто укажет твой номер, — несмотря на огорчение от ареста Кати, усмехнулся Джон.

— Уже написано? Очень хорошо.

И Тзень-Фу-Синь, довольный, улыбнулся.

Мимо них прошел отряд солдат, шедший сменять посты. Ровная линия штыков, четкий шаг не могли ослабить

неприятного впечатления от однообразного выражения лиц. Глаза без всякой мысли прямо смотрели вперед. Казалось, шли не живые люди, а заводные куклы, мастерски сделанные.

— Видал? — прошептал Тзень-Фу-Синь.

— Черт его знает, — вздрогнув, недовольно пробурчал Джон, — смотришь на них и не знаешь, кто участвует в заговоре притворства, а кто и в самом деле превратился в машину.

— Что же мы будем делать? — повернулся он к Тзень-Фу-Синю и сам ответил: — Катя, конечно, в Карантине. Надо ее выручать. Пойдем сейчас, посмотрим, что можно сделать.

Карантин Забвения возвышался белой машиной высоких зданий, покрытых овальными куполами.

Из-за глухих высоких стен виднелись верхушки деревьев парка, окружающего Карантин. Переулки кругом освещались двумя прожекторами с высокой башни.

Жители города боялись этих кварталов и, попав в этот район и увидев преследующие глаза прожекторов, спешили уйти и свободно переводили дух только на улице Ульсуса Ван Рогге, высокие дома которой заслоняли пронзительные глаза башни Карантина.

Джон и Тзень-Фу-Синь остановились около гладкой, ослепляющей глаза белой стены Карантина Забвения. В пустоте переулка их тихие шаги отдавались гулким звуком.

— Проклятый переулок, — сердито шепнул Джон.

Тзень-Фу-Синь оглянулся по сторонам. Обычная улыбка сошла с его лица. В его настороженных глазах сверкала решимость. Он припал черным пятном к стене и напряженно прислушался.

— Валяй, Джон! — оторвавшись от стены, произнес он. — Никого!

Джон, успевший снова превратиться в Корнелиуса Крока, поправил шляпу и очки, забросил концы плаща через плечо, вскочил на спину Тзень-Фу-Синя и, прыгнув с нее вверх, ухватился за верхушку стены и, подтянувшись на руках, сел верхом на нее.

— Хорошо, — восхищенно сказал Тзень-Фу-Синь, глядя снизу на Джона.

— Ну, до свиданья, — шепнул Джон, — Корнелиус Крок возвращается к себе, — и прыгнул на двор Карантина.

Тзень-Фу-Синь снова припал ухом к стене и напряженно слушал.

Пустынный двор, прорезанный тенистыми аллеями, казался погруженным в оцепенение, и только свет из окон здания и флигелей Карантина и мернодвигающиеся силуэты в окнах показывали, что внутри шла работа.

Джон огляделся. Никого. Только глаза башни озаряли двор ярким светом. Прошмыгнув от стены в тень аллеи и прижался к толстому дереву.

«Ну, Джон, надо идти в дом», — и вздрогнул, увидев в конце аллеи силуэт Корнелиуса.

Затаив дыхание и ступая совсем бесшумно, Джон догнал его и шаг за шагом шел за Кроком.

Корнелиус, погруженный в свои мысли, ничего не слышал.

— Жаль, жаль, — тихо сказал Крок, останавливаясь и глядя в землю.

Джон бесшумно забежал вперед и стал перед ним, заклоняя собой дверь в Карантин. Корнелиус Крок, вынув из кармана ключ, выжидательно посмотрел на двойника.

— Странная ночь.

— Хорошая ночь, — глухо ответил Джон, отступая от двери.

Корнелиус отворил дверь в пустой, залитый светом коридор.

— Прошу, — учтиво сказал Корнелиус.

— Нет, не время, — ответил Джон.

— Не время, — согласился Корнелиус и вошел в двери.

Не давая ему захлопнуть их, Джон вошел за ним. Не оглядываясь и забыв запереть дверь, Крок быстро скрылся в боковом проходе. Джон минутку стоял, прислушиваясь, затем, пощупав в кармане холодный кольт, решительно двинулся по коридору.

Глава X

«ЖЕНЩИНЫ ПОДДАЮТСЯ ЛЕГЧЕ»

Как на экране, пронеслись перед Катей в неумолимой последовательности кадры сценария, в котором она, к своему сожалению, играла не последнюю роль. Павильоны, представлявшие то комнаты следователей, то регистрационные бюро, сменялись натурой улиц, перспективой аллей бульвара Капуцинов, фасадом неумолимо приближавшегося Карантина Забвения.

Вопросы однообразных клерков вспыхивали в сознании, как надписи, и отличались такой же лаконичностью.

И неизменно крупным планом мелькало, как рефрен, глуповато улыбающееся лицо генерала Биллинга.

Щелкнули двери Карантина и закрыли от нее мир, свободу, и она, несмотря на то, что знала и о «заговоре притворства» и о малом действии лучей, со страхом оглянулась на входную дверь, с глухим стуком захлопнувшуюся за ней.

Ей стало немного жутко при мысли, что женщины легче поддаются действию аппаратов. Невольный озноб пронизал ее тело, и она зябко передернула плечами. Еще комната, и она очутилась перед полковником Ферльботом, заведующим приемкой прибывающих в Карантин.

Ни слова не говоря, он быстро взглянул в план корпуса камер и, вынув булавку с флажком, с удовольствием вколол ее в одну из пустых клеток.

— Последняя камера. Вам повезло, мадам.

Генерал Биллинг весело хмыкнул носом и что-то пробормотал.

Катя чувствовала слабость во всем теле и опустилась в мягкое кресло. Полковник Ферльбот покосился на нее, но ничего не сказал. К ее удивлению, он не задал ей ни одного вопроса и не попросил заполнить еще какой-нибудь бланк.

Кабинет Ферльбота был последним этапом. Это поняла Катя, и снова предательский страх стал овладевать ее сознанием.

«Женщины легче поддаются», — пронеслась мысль, и она живо представила себя одной из «Стеклянного» дома, одной из превращенных в орудие наслаждений, в самку, в покорный желанием каждого манекен. Голова кружилась, ей становилось трудно дышать, и она почувствовала неприятную сухость в горле.

Полковник Ферльбот, вполголоса разговаривавший с Биллингом, перехватил ее взгляд, направленный на графин с водой, и улыбнулся. Ему было это так знакомо: сколько их просило глоток воды, специально приготовленной для них!

Ведь полковник Ферльбот был гуманным человеком и более всего в жизни не любил женских истерик, криков и сопротивлений. Учтиво поклонившись Кате, он без слов наполнил стакан водой и протянул его ей.

Корректные движения, некоторая мягкость во взгляде приятно подействовали на Катю, но она, преодолев свою жажду, отрицательно покачала головой.

— Прошу, мадам, не отказывайтесь.

И Ферльбот настойчиво и властно сунул стакан в пальцы Кати.

Катя с удовольствием сделала несколько глотков, но, почувствовав, что вода имеет какой-то привкус, поставила стакан на стол.

Стены комнаты качнулись, наклонились, стали падать, из-под ног ушел пол, и Катя почувствовала онемение конечностей. Хотела встать, но потеряла сознание.

Не слышала звонка, не видела ни служителей, поднявших ее, ни коридоров, ни зал, через которые пронесли ее.

Очнулась, с удивлением оглядывая комнату, в которой находилась.

Комната была без окон, все стены и потолок были обиты войлоком, а пол застлан ковром. Фонарь, вделанный в потолок, ярко освещал всю камеру. Дверь была совершенно глухая и почти сливалась со стенами.

Мертвая тишина, от которой звенело в ушах, начинала действовать на нервы. Катя ударила ногой по полу, но не услышала стука: камера заглушала всякий шум.

Дверь тихо отворилась, и в комнату вошли два человека в белых халатах, глаза их закрывали большие, круглые черные очки.

— Ну? — резко спросила Катя, отступая назад.

— Комитет человеческого спасения просит вас пожаловать на заседание, — сказал один из вошедших.

— К чему эти комедии?

— Об этом вы скажете на заседании. Наше дело только проводить вас в кабинет.

— Ну что ж, идемте.

Коридор сменялся коридором. Преодолевая подавленность, Катя спускалась и подымалась по лестницам, застланном коврами, заглушавшими шаги. И сколько Катя ни оглядывалась, она не видела ни одного человека. Всюду тишина, безлюдье, и только двери камер холодно сияли медными ручками.

«Сколько несчастных томится здесь!» — думала она, стараясь угадать пленников Комитета человеческого спасения. Но двери молчали и не пропускали ни малейшего шума.

Катя нарочно старалась на ходу сильно стучать каблуками, но скоро убедилась, что это бесполезно.

Спускаясь по лестнице у самого входа в зал заседаний, Катя и не подозревала, что под этой лестницей скрывался Джон, устроившийся не без удобства на пожарном рукаве.

Глава XI

ОСЯЗАТЕЛЬНАЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ КОРНЕЛИУСА

Джон посмотрел на часы. «Ого, скоро вечер. Ну что же, мистер Крок, пора вам двигаться».

И, поправив на себе черный плащ, прикрыв глаза очками, имитируя походку Корнелиуса, Джон спокойно вы-

шел из-под лестницы и не спеша зашагал вверх.

Громадное здание Карантина Забвения было сплошь иссечено коридорами. Они переплетались и пересекали друг друга, заканчиваясь то у лаборатории, то у входа в большие залы.

Джон блуждал по коридорам, пока окончательно не запутался. Подумал и решительно пошел вперед. Остановился, попав в тупик, который кончился большой дверью с черной табличкой: «Картотека».

«Это еще что за картотека?» — подумал Джон и, не колеблясь, отворил дверь и вошел в комнату.

Вдоль стен стояли громадные зеркальные шкафы с перенумерованными папками, а посреди комнаты на длинных столах стояли ящики с карточками.

«Посмотрим», — и с видом ревизора Джон вынул карточку из первого попавшегося ящика.

К. З.

Форма № 152.

Фамилия: Трамг Джим — слесарь. Анархист-коммунист. Прошел курс в 1919 году. Назначен для обслуживания города: фонарь № 59721. Плохая наследственность,

Отец: рабочий, токарь по металлу, профорганизатор, участник восстания. Уничтожен.

Мать: работница, участница восстания. Уничтожена.

Сестра: Эстерка. Прошла курс в 1919 году. Класс проституции. Назначена в Стекланный дом на пополнение выбывающих. Личное дело № 457296.

«Мерзавцы!» — сжал кулаки Джон. С отвращением отбросил карточку, но вдруг вспомнил: «Постой, постой!» Снова схватил он карточку. «Это ведь наш Джим» — и, засунув карточку в карман, перешел к следующим ящикам.

Глаза его остановились на ящике с четкими буквами: Э-Эн.

«А что, если Энгер уже прошел их проклятый курс?»

Лихорадочно начал рыться в карточках. «Вот, вот...» —

вытянул карточку.

На карточке было только:

К. З.

Форма № 152.

Фамилия: Энгер — служащий советского полпредства. Приб...

а дальше большой хвост от лопнувшего пера и брызги чернил.

«Что за оказия, никаких сведений. Значит, он тут, но почему все-таки нет сведений?»

Джон перевернул карточку, надеясь на обороте найти какие-нибудь заметки, но там тоже ничего не было.

«Странно! Раз запись сделана, значит, он тут был».

Джон задумчиво положил карточку обратно в ящик и, сев в кресло, подвинул к себе лежавшую на столе папку и стал ее просматривать.

«Ну и негодяй! Какое дело придумали! Это почище всяких интервенций».

И, закулив трубку, погрузился в чтение, окутывая себя клубами ароматного дыма.

«Ну, пора, надо искать Катю». И, захлопнув папку, Джон решительно встал.

На глаза попались диаграммы и какой-то план, висящий на стене.

«Да это никак план Карантина? Вот здорово!» И Джон стал его рассматривать, стараясь найти картотеку.

«Есть! Вот тут я, а вот и лаборатория мистера Крока; значит, так: надо пройти один коридор прямо, два направо, один налево. Все в порядке».

Вынув блокнот, Джон начертил путь к кабинету Корнелиуса Крока и направился к нему по безлюдным коридорам.

Дверь в кабинет Корнелиуса совершенно бесшумно открылась. Джон просунул голову, оглядел комнату. Пусто.

Вошел и сел за большой письменный стол и перевел дух. Перевернул на столе несколько блокнотов, заглянул в исписанный листок бумаги, взял ручку и подписался: «К.

Крок».

«Ставка сделана, держись, Джон, а не то ваших нет». И Крок поправил очки и позвонил.

В комнату вошел лаборант.

— Что угодно, мистер Крок?

— Это, как ее, мистер, приведите мне эту особу, вы знаете какую.

— Ту, что вчера доставили? Коммунистку по имени Катя?

— Да-да. Где она?

— Она находится в своей камере после заседания Комитета.

— Приведите ее сюда.

— Слушаю-с, — сказал лаборант и вышел.

Лаборант Грессер — очень серьезный работник и претендует на кафедру, но разве можно пройти мимо комнаты стенографистки Герти и не забежать к ней хоть на минутку?

— Ты свободна сегодня вечером?

— Да, а что?

— Поедем в концертгауз, а потом... — он многозначительно улыбнулся.

— А что потом? Ты будешь писать свою диссертацию? — кокетливо улыбнулась Герти.

— А потом вот что...

Сжав ее в объятиях, он впился поцелуем в ее губы.

— Пусти, пусти меня, это ведь не диссертация...

— Это лучше диссертации, — и выбежал из комнаты.

На первом же повороте он увидел знакомую фигуру Крока, в почтительной позе беседующего с профессором Ульсусом Ван Рогге.

«Вот черт, всюду его носит», — и лаборант поспешил за Катей.

— У вас есть способности, любовь к науке и умение работать, — говорил профессор Ульсус Ван Рогге, — но я заметил, что в последнее время у вас что-то не ладится, хромают вычисления, дорогой Корнелиус. Вы, вероятно, переутомились, вам надо подтянуться. Не обижайтесь, говорю

это, как друг.

— Да, я чувствую себя усталым и хотел бы отдохнуть. Но работа не закончена, я не считаю себя вправе оставить ее, дорогой учитель.

— Я рад, Корнелиус, что не ошибся в вас. Идите, идите, вас ждут ваши пациенты. К вопросу о вашем отдыхе мы еще вернемся.

— Ваше желание — закон, профессор, — и Корнелиус, раскланявшись, пошел к себе.

Впереди себя он увидел лаборанта, сопровождавшего женщину.

Что-то знакомое в фигуре женщины заставило его сердце забиться сильнее.

Он замедлил шаг.

«Что-то со мной неладное; по-видимому, шалют нервы», — и, подойдя к окну, выходявшему на прямоугольник двора, остановился. Сердцебиение проходило.

Преодолев недомогание, он повернулся и столкнулся с вышедшим из кабинета лаборантом Грессером, который, увидев его, остолбенел и до неприличия засмотрелся на него, забыв даже поклониться.

Корнелиус прошел мимо него и до самого кабинета чувствовал на своей спине странный взгляд лаборанта.

Вошел в кабинет, читая на ходу книгу, за которой ходил в библиотеку, и, не глядя ни на что, сел на диван.

При его входе Джон и Катя на минуту смутились. Катя растерянно смотрела то на одного, то на другого.

«Какой же из них настоящий?»

Катя решительно подошла к письменному столу.

— Вы меня звали, я здесь.

При звуке ее голоса книга выпала из рук Крока, он вскочил с дивана, но пошатнулся, увидев в своем кресле двойника.

— Неужели он вышел?.. Товарищ Катя, ко мне... Это я...

Катя повернулась к нему, но услышала у своего уха шепот Джона и почувствовала холод револьвера, вложенного в ее руку.

— Сейчас бежим, не обращай внимания на этого по-

лоумного.

— Опять галлюцинация, — сказал Крок и пошел навстречу своему двойнику, выходящему из-за стола.

— Я думаю, что это реальность, — сказал Джон, направляя револьвер на Корнелиуса Крока.

— Так... Что вам угодно?

— Ключ от калитки, которая выходит в переулок к парку, — проговорил Джон, приближаясь.

— Призраки могут выходить и без ключей, — сказал Корнелиус и сделал шаг к столу.

— Ни шагу далее!

— Скорей кончай, Джон, время не ждет.

— Есть! Прошу... — сказал он, взводя курок. — Ну, я жду ключа.

— Я не дам.

Сильным ударом Джон опрокинул Крока на диван.

— Вяжи его скорей, Катя!

Катя сорвала с вешалки два полотенца и связала Кроку руки и ноги, а Джон вынул у него из кармана связку ключей.

— Надеюсь, мистер Крок, что теперь вы скажете, какой ключ от калитки.

— Вон тот, с тройной бородкой.

— Это лучше, и мне кажется, что вы славный парень, — говорил Джон, затягивая покрепче узлы у него на ногах. Потом, как ребенка, взял на руки, отнес за большой книжный шкаф и положил на пол.

— Вы не звали меня, профессор? — просунул в дверь голову лаборант.

— Нет, но все равно, — ответил, поспешно отступая от книжного шкафа, Джон, — ступайте в лабораторию.

— Все приготовить к опыту?

— Да.

Лаборант скрылся. Катя бросилась к Джону.

— Идем, Джон, скорее.

— Сейчас. Не понимаю, почему он не крикнул, — и оба с беспокойством заглянули за шкаф.

Корнелиус со странной улыбкой молча смотрел на них.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПАЦИЕНТ ИЗ КАМЕРЫ № 725

Глава I

ЭСТЕРКА ТРАМГ

Благополучно вышли из Карантина и не спеша, сдерживая желание побежать, направились к калитке, ведущей в парк. С большим усилием, под громкий, пронзительный скрип петель Джон отворил заржавленную калитку.

Вышли в переулок. Пусто, безлюдно, ни одного прохожего. Невдалеке густая зелень парка. Джон с облегчением вздохнул и, взяв Катю за руку, быстро зашагал к спасительной тени деревьев. Вошли, углубились в боковую тенистую аллею.

— Стоп! — остановился Джон, повернулся к Кате и, взяв ее за плечи, крепка расцеловал в обе щеки.

Катя засмеялась, поднявшись на цыпочки, обхватила руками шею Джона и поцеловала его в губы.

— Ну, — сказал Джон, снова увлекая за собой Катю, — и задала же ты нам работу.

— Теперь поставят все на ноги и будут нас разыскивать.

— Пусть поищут. Черта с два найдут, лишь бы нам добраться до места.

Ускорили шаг. Минут пятнадцать шли, почти бежали по безлюдным аллеям парка.

— Не могу, Джон, — взмолилась запыхавшаяся Катя, — присядем, отдохнем минутку.

— Ладно.

Присели. Катя тяжело дышала, широко раздувая ноздри, но вдруг посмотрела на Джона, и в глазах у нее загорелся шаловливый огонек.

— Ну, прощайте, мистер Крок, и здорово, Джон, — и с последним словом со смехом сбила с него шляпу.

— Подожди, я сам.

И Джон снял очки Корнелиуса, скинул с себя плащ, свернул его вместе со шляпой и засунул глубоко в середину куста.

— Готово, идем, Катя.

Пошли медленней, рассказывая друг другу, что видели и пережили в Карантине.

Подошли к выходу из парка. Джон на ходу наклонился к клумбе, сорвал красивую белую астру и подал Кате. Катя приняла цветок и сбоку критически посмотрела на Джона.

— Вот что значит хоть недолго побыть в шкуре джентльмена. Ты испортился, Джон.

— Сознание определяется бытием, — важно ответил Джон. — Но ведь и не каждый день вытаскиваешь товарища из Карантина, — подмигнул он Кате.

Она засмеялась и ударила его цветком по руке.

— Куда мы идем?

— Уже пришли. На бульвар Капуцинов.

Бульвар, по обыкновению, был пустынен. Длинные тени стройных тополей перекрещивали темными полосами асфальтовую аллею.

— Алло, Джим, — окликнул Джон, подходя к фонарю № 59721.

— Есть, — ответил Джим.

— Слушай, Джим, надо ее спрятать.

— Есть опасность?

— Да, большая. Была арестована, сбежала из Карантина.

— Хорошо, идите прямо по аллее до Зеркального озера, спуститесь к воде и держитесь правой стороны берега. Я вас догоню.

Джон и Катя влюбленной парочкой, чтобы не обратить на себя внимание, медленно пошли по бульвару.

Вдали глухо шумел город. Где-то ревели авто и кричали громкоговорители, а здесь было тихо, спокойно, и Кате казалось, что она попала в другой мир.

— Как здесь хорошо, Джон! Ничто не напоминает рабства проклятой столицы.

— Ты только взгляни, Катя, на эту линию фонарей и сразу убедишься в противном.

— Да, пропало все очарование аллеи, — согласилась Катя, взглянув на стоящие черными призраками фонари.

Подошли к озеру. Его зеркальная, чуть рябившая гладь

отражала звезды.

— Алло, — раздался позади голос Джима.

Они быстро обернулись.

— Ну, идемте, — сказал Джим, подходя к ним.

— А где же фонарь?

— Я оставил его на месте. Пусть хоть раз посветит им без меня.

— А тебе не влетит?

— А, черт с ним! Авось сойдет, не отказать же из-за этого в помощи товарищу, — махнул рукой Джим. — Идите за мной, — добавил он, начиная карабкаться по камням вверх к большой трещине под угрожающе нависшей скалой.

— Вот здесь, нагнитесь и идите прямо.

Шли молча, осторожно нагибаясь и нащупывая ногами почву. Шагов через сто Джим зажег электрический фонарик. Идти стало значительно легче. От света во все стороны шарахались и иногда ударялись о ноги крысы. Катя вздрагивала и ближе прижималась к Джону.

— Ну, товарищи, подходим к городу Звезды, — обернулся Джим.

— В какой город? — с удивлением спросила Катя.

— В наш город. Для постройки Капсостара потребовалось прорубить эти колоссальные карьеры.

— Так это просто карьеры, — проговорила Катя.

— Нет, это город Звезды, в котором живут те, которые скрываются от всевидящих глаз Комитета.

— А сейчас будем скрываться мы, — проговорила со вздохом Катя.

Ей совсем не улыбалась мысль провести под землей целые недели, а может, и месяцы.

— Не бойтесь, Катя, не надолго, — ответил, угадав ее мысли, Джим. — Да и без дела не будете сидеть: там найдется для вас работа.

— Тогда другое дело, — живо воскликнула Катя.

Джим пошарил рукой по стене, нашел где-то скрытую кнопку, и громадный камень со скрипом повернулся на шарнирах, открывая бетонированный вход.

— Добро пожаловать, — пропуская их вперед, сказал

Джим, снова пошарил по стене, и камень закрыл за ними вход.

Пол коридора был гладкий, а за первым же поворотом горели электрические лампочки.

Джим остановился и внимательно посмотрел в лица Джона и Кати.

— Вас ждут.

— Кто?

— Комитет третьего района. Я сообщил о вашем приходе и получил распоряжение привести вас.

— Спасибо, Джим. Спасибо, товарищ.

Пожали друг другу руки.

Спустились по пологой лестнице вниз и вступили в полный мрак. Только фонарь Джима нащупывал дорогу. Прошли через ряд мрачных, длинных, многогранных коридоров, пересеченных в разных направлениях трубами.

В одном из проходов стояла на рельсах вагонетка. Одна из тех, в которых возили камень.

— Ну, вот и наш автомобиль, прошу, — сказал Джим, взявшись за рычаг и приводя вагонетку в движение, как дрезину.

Вагонетка нырнула в тьму и помчалась по гладко отполированным рельсам. У Кати кружилась голова от быстрой смены коридоров, которые то подымались вверх, то опускались вниз. Вагонетка остановилась на площадке перед лифтом. Потом падение вниз и остановка.

— Приехали, — сказал Джим.

Откуда-то лился сильный свет, ярко освещая коридор, из-за поворота которого слышался глухой шум улицы.

— Вот и наш город Звезды.

— Немного глубоко, не правда ли, Джим? — улыбнулась Катя.

— Ничего, зато мы здесь в безопасности от Комитета.

— Дорога только та, по которой...

— Нет. Есть еще два выхода такие же и непосредственно вверх. Замуровать нас здесь не смогут.

Дружно разговаривая, вышли на улицу.

— Это улица Великого Учителя, — сказал Джим, то-

ропливо отвечая на приветствия прохожих, попадавшихся навстречу то группами, то в одиночку.

— У вас тут, по-видимому, не только рабочие, — заметил Джон.

— Да, здесь часть интеллигенции, примкнувшей к нам. С нами все лучшие умы и лучшие силы.

Дома непривычно для нового взгляда упирались в бетонированный потолок, в котором сверкали светом большие полушария.

— Что это за здание?

— Это наш арсенал: тут оружие и взрывчатые вещества. Часть их была сэкономлена во время работ и находится в распоряжении комитета третьего района. Ну, вот мы и пришли.

И Джим позвонил у одной двери, как будто вставленной прямо в скалу. Сверху из окна высунулась женская голова, обрамленная золотом волос.

— Алло, Джим, какими судьбами?

— Ты соскучилась по мне, Эстерка?

— Очень, иди скорее.

Вошли в залитую светом переднюю. Поднялись во второй этаж и очутились в очень скудно мебелированной, но сияющей чистотой комнате. Стены и пол закрывали циновки; на стенах в скромных рамках висели портреты. Из соседней комнаты выбежала стройная девушка и бросилась на шею Джиму.

— Ну как, Джим, скоро?

— Подожди, Эстерка, не торопись, — добродушно потрепал ее по плечу Джим.

— Придется подождать, — со вздохом сказала Эстерка, снимая руку брата со своего плеча и поглаживая ее.

— А что у вас нового? Все благополучно?

— Комитет ждет тебя, завтра заседание. Ты скоро справился. Простите меня, товарищи, я так обрадовалась брату, — обратилась она к Джону и Кате. — Рада вас видеть.

— И я рада познакомиться с вами, рада, что войду в ваши ряды, — сказала Катя.

— Садитесь пить кофе. Джим, Джим, ты опять уходишь?

— Извини, сестричка, я должен идти.

— Мы проводим тебя.

— Нет, нет. Я прямо по лифту вверх. Прощай, Эстерка.

И Джим, стремительно расцеловав ее и пожав руки Джону и Кате, выбежал из комнаты.

Выпив кофе, все втроем вышли к газонейтрализаторам — «подышать свежим воздухом», как сказала, смеясь, Эстерка.

— Только у вас там, в Союзе, живут, — вздохнула она. — А у нас только на этом пяточке можно думать, говорить и ходить свободно.

— Хороший пяточок, — окружностью в десять с лишним километров, — проворчал Джон. — А вы наверху бываете?

— Только когда выполняю поручения организации. Девушки, отмеченные в Карантине по «классу проституции» и назначенные в Стекланный дом, освобождаются от смены.

— У вас происходит смена?

— Ну да, а то кто же выдержит верхний режим?..

— Вы нам все покажете, Эстерка?

— Да, Кетти, да. А вы мне все расскажете про Советский Союз.

Глава II

КАМЕРА № 725

Приготовив все в лаборатории, лаборант Грессер долго ждал прихода Корнелиуса Крока, но тот не шел. Позвонил по телефону, не получил ответа и поспешил в кабинет.

Постучал в дверь.

Прислушался, ответа нет. Взволнованно подбежал к телефону и позвонил в караулку Карантина.

— Алло, вышлите немедленно дежурный наряд к кабинету мистера Крока. Сейчас высылаете? Хорошо. Я жду.

И лаборант стал лихорадочно ходить около кабинета, посматривая на закрытую дверь. Через несколько минут, тяжело переводя дух, прибежал караульный начальник с солдатами.

— Что случилось?

— Опасаюсь самого худшего. Мистер Корнелиус вызвал к себе опасную пациентку. Дверь заперта, и на стук нет ответа.

— Хорошо, — сказал начальник и, вынув связку ключей из кармана, одним из них отпер дверь.

Комната была пуста.

— Я не видел, чтобы он выходил, — сказал лаборант.

— Сейчас проверим.

Дежурный позвонил по телефону к дежурным у выходных дверей, но ответ отовсюду был один:

— Нет, не выходил.

— Странно, — недоумевал караульный начальник, заглядывая под стол и под диван. — Странно. Стой! Тише!

Из-за шкафа послышался шорох. С револьвером в руках он бросился на шум и за книжным шкафом обнаружил связанного Корнелиуса Крока, лежавшего в обмороке.

— Сюда! — закричал он, поднимая с пола Корнелиуса Крока. — Сюда!

Лаборант дрожащими руками поднес флакон со спиртом к носу Корнелиуса. Тот вздохнул, у него дрогнули и медленно приподнялись веки.

С минуту смотрел бессмысленным взглядом на окружающих, сделал попытку встать и с помощью Грессера сел. Постепенно сознание возвращалось к нему, и наконец, он, по-видимому, вспомнил все. Пошатываясь и опираясь на караульного начальника, Крок дошел до письменного стола, опустился в кресло и, обхватив голову руками, сидел в позе безмолвного отчаяния. Так просидел он несколько минут.

Когда Крок опустил руки, на лице его уже не осталось следов перенесенного потрясения: оно по-прежнему было решительно и спокойно. Придерживая рукой голову сзади за правым ухом и по временам морщась, как от боли, Крок

стал отдавать короткие и четкие приказания караульному начальнику и Грессеру.

— Немедленно оцепить Карантин. Обыскать все здание. Сообщить в Комитет. Позвонить профессору Ульсусу Ван Рогге. Известить сэра Клуksа.

— Есть! — сказал начальник, направляясь к дверям.

— Идите и вы, — приказал Крок Грессеру, — распорядитесь, чтобы весь персонал оставался на местах и никуда не выходил без разрешения.

— Уважаемый профессор...

— Идите!

Происшествия этого вечера, по-видимому, не прошли бесследно для Корнелиуса Крока, так как, оставшись один, он с серьезным видом проделал ряд бессмысленных поступков. Достав из ящика незаполненную карточку, он начал что-то писать на ней и вдруг на середине слова, дернув рукой и описав кривую линию, посадил на карточку кляксу и пером сделал в ней дырку. Посмотрев с удовлетворением на свою работу и подождав, чтобы просохли чернила, он небрежно смахнул карточку со стола на пол и раза два наступил на нее ногой. Покончив с карточкой, Крок на цыпочках подошел к двери кабинета и неслышно запер ее. Наконец, взяв со стола тяжелый пресс и став перед зеркальным стеклом одного из шкафов, примерился и нанес себе сильный удар по голове сзади за правым ухом. Морщась от боли, пощупал моментально вскочившую шишку, небрежно положил пресс на край письменного стола, неслышно отпер дверь и уселся в кресло писать рапорт о произведенном на него нападении, чутко прислушиваясь в то же время к тому, что происходит в Карантине.

Трещали звонки. Охрана планомерно обыскивала Карантин, заглядывая во все закоулки, под лестницы, в темные камеры. Всюду слышался топот тяжелых шагов и грохот оружия.

Через четверть часа в Карантин примчался Арчибалд Клуks.

Он был взволнован. Сводки, поступившие в последнее время, рисовали перед ним картину брожения, картину ка-

кого-то пассивного заговора среди рабочих. Для всех, даже агентов Комитета, серьезного ничего не происходило, но Арчибальд Клуks был встревожен.

Правда, партия не подавала признаков жизни, но, читая между строк сводки, Арчибальд разослал всюду директивы о создании отрядов «Черного Креста» и внимательно изучал списки командного состава всей армии.

Когда он мчался в автомобиле к Карантину, то на улицах видел встревоженные группы жителей, таинственно перешептывающихся, и понял, что слухи о происшествии в Карантине успели проникнуть в город. Недовольный всем, он вошел в кабинет Корнелиуса Крока.

— Что случилось с вами? — почти весело, как будто не придавая никакого значения происшествию, спросил он, в то же время внимательно наблюдая за Корнелиусом Кроком.

— Я и сам еще не могу отдать отчета, — проговорил Корнелиус Крок, здороваясь с ним. — Такая дерзость и смелость! Я не могу опомниться, сэр Арчибальд. Я заполнял карточку, вот эту, — и Крок протянул поднятую с пола испорченную карточку, — и она, видимо, воспользовавшись моментом, нанесла мне сильный удар в затылок... И я ничего не помню, так как потерял сознание.

И медленно, с трудом, морщась от боли, Корнелиус Крок набросал картину нападения на него.

Арчибальд, внимательно слушая, набрасывал заметки в свой блокнот. Ему было непонятно, как Корнелиус, всегда такой осторожный, мог допустить такое грубое покушение, и, вспоминая Катю, вспоминая ее изящную фигурку, он не мог представить себе, как она могла протащить через всю комнату довольно грузную фигуру Корнелиуса. Невольно в блокноте он отметил свое недоумение вопросительными знаками, не замечая того, что Корнелиус Крок чрезвычайно внимательно наблюдал за его заметками.

Вопросительные знаки Арчибальда вызвали у Корнелиуса раздражение, и он, заканчивая торопливо рассказ, сунул руку за платком и взволнованно вскочил:

— Ключи... У меня пропали ключи!

— Какие ключи?.. Удивительно странно, — более отвечая своим мыслям, чем Корнелиусу, проговорил Арчибальд.

Обстановка покушения вызывала у него неясное подозрение против самого Корнелиуса.

— Мои ключи... От некоторых камер и также от секретных выходов.

Арчибальд внимательно взглянул в глаза Корнелиусу Кроку, и от этого взгляда Корнелиусу стало не по себе. Он понял, что еще более усилил подозрение Клуksа.

— Что ж, произведем тщательное следствие. Я все выясню, мистер Корнелиус, все, — и улыбнулся немного иронически. — Я бы хотел осмотреть камеры ваших пациентов, а потом допросить вашего лаборанта.

— Идемте, я вам покажу, хоть признаться, я предпочел бы охотнее отдохнуть...

— Я могу осмотреть и без вас, мистер Корнелиус.

— Нет, нет. Без меня никто не может дать разъяснений.

Пациенты, сидевшие в камерах, были встревожены необычным посещением Корнелиуса Крока и Клуksа. Эти два наводящие страх человека входили молча, всматривались в лица пациентов и выходили.

Прошли ряд коридоров. Всюду было тихо и спокойно. Пациенты не вызывали никаких сомнений. Подошли к последней камере № 725, находящейся в подвальном этаже Карантина. Караульный начальник, заранее подобравший ключ, готовился открыть дверь, но Крок остановил его:

— Сюда мы не войдем, здесь буйный пациент, он набрасывается на всех входящих.

Клуks бесшумно открыл глазок и несколько минут смотрел через него в камеру.

По ней, жестикулируя, быстро, ходил из угла в угол худощавый человек. Он действительно производил впечатление психически ненормального, то и дело подходил к стене и пробовал стучать в нее кулаком. Но стены и двери были обиты сплошь толстым слоем войлока, который поглощал всякий звук. Тогда он начинал кричать, но, убедившись, что звук умирает, не выходя за стены комнаты, хва-

тал себя за голову, топал ногами, выкрикивая проклятия на всех языках мира.

«На кого он похож?» — думал Клуks, наблюдая продолжающего метаться человека.

Наконец больной, по-видимому, истощив все силы в бесплодных усилиях, бросился ничком на свою постель в позе безысходного отчаяния.

Клуks закрыл глазок и молча пошел обратно по коридору.

«На кого же он все-таки похож?» — продолжал он думать, задумчиво глядя себе под ноги. Оглянувшись и на всякий случай запомнил номер камеры.

Корнелиус Крок молчаливо шел за ним. От него не укрылись ни задумчивость Арчиbальда Клуksа, ни его внимательно-напряженный взгляд, устремленный на пациента из камеры № 725.

«Да, пора кончать, — подвел он итог своим мыслям. — Пора!...»

Глава III

ЛАБОРАНТ ГРЕССЕР НА ПУТИ К КАРЬЕРЕ

На другой день после визита Арчиbальда Корнелиус Крок, вполне убежденный в том, что находится под подозрением, решил проверить свое предположение и, вызвав по телефону Арчиbальда Клуksа, невольно был слушателем его разговора с лаборантом Грессером.

С неприятным чувством Корнелиус Крок положил трубку.

«Ему мало дознания, сделанного в Карантине, он вызывает его к себе, — подумал он. — Ну что ж, посмотрим. В общем, чем я рискую? Чем может рисковать Корнелиус Крок?..» — и он весело засмеялся.

Грессер, войдя в кабинет Корнелиуса, был настолько поражен смехом своего начальника, что совершенно растерялся и стоял, молча смотря в упор на Корнелиуса.

— Можете идти. Я вас не задерживаю.

— Да, да. Я прошу разрешения отлучиться из Каранти-на.

— Я же вам сказал: можете идти.

Выйдя из кабинета Крока, Грессер направился в свою квартирку, в одном из флигелей Карантина, и стал поспешно переодеваться для своего визита к Клукусу, стараясь придать себе солидный вид, приличествующий будущему ученому и профессору.

Подъезжая в такси к Комитету и подымаясь по лестнице в кабинет Клукуса, он держал себя с достоинством, но на душе у него кошки скребли.

«Черт бы его побрал! — думал он о Кроке. — Заварил кашу, а я должен ее расхлебывать. Не иначе как запутал меня в свои грязные дела, а то зачем стал бы меня вызывать к себе Клукус?»

Ординарец доложил о его приходе, и он вошел в кабинет.

— Рад вас видеть, господин Грессер, прошу, — указал Клукус на кресло около своего стола и нажал пуговку звонка.

В дверях появился ординарец.

— Никого не принимать до моего приказа! Так вот, уважаемый господин Грессер, — начал Клукус, усаживаясь по другую сторону стола и придвигая Грессеру лакированный ящичек с русскими папиросами, — я пригласил вас для беседы о событии, которое произошло в Карантине. Пригласил именно вас, потому что вы ближайший помощник центрального лица этого события, господина Корнелиуса Крока, и имеете возможность чаще и ближе всех наблюдать его. Кроме того, по моим сведениям, вы — человек, преданный великим идеям фашизма и очищения человеческого рода при помощи гениального открытия профессора Ульсуса Ван Рогге.

Клукус внезапно замолчал, пристально глядя на Грессера.

«Так и есть, влип», — подумал тот, вытирая платком испарину на лбу слегка дрожащей рукой.

— Я весь к вашим услугам, — поклонился он, пряча платок. — Что именно вас интересует?

— Расскажите подробно, не опуская ни одной детали, как произошло бегство большевички Кати.

Грессер вздохнул и начал рассказывать.

— Так-так, — повторял Клуks, внимательно слушая рассказ и делая заметки в своем блокноте. — Погодите, — прервал он его, — господин Крок всегда вызывал к себе в кабинет приговоренных к обезвреживанию раньше, чем их подвергали действию лучей?

— Нет, это был исключительный случай.

— Т-а-к, — протянул Клуks, поднимая брови. — А какой вид имел господин Крок, отдавая такое необычайное распоряжение?

— Видите ли, — замялся Грессер, — я не могу об этом сказать.

— Почему? — нахмурился Клуks.

— Когда господин Корнелиус отдавал свое распоряжение о приводе в кабинет заключенной Кати, он сидел спиной ко мне, и из-за спинки кресла я почти его не видел.

— Что ж, он всегда так вежливо отдает свои распоряжения?

— Нет, — вспыхнул Грессер, — меня это очень удивило: господин Корнелиус всегда был корректен в обращении.

— Продолжайте, прошу вас, — сказал Клуks, сделав отметку в своем блокноте. — Как-как? — снова прервал он Грессера. — Вы оставили господина Крока в его кабинете и сейчас же увидели его в одном из коридоров беседующим с профессором Ван Рогге? Как это могло произойти?

— Вот этого-то я и не понимаю, — развел руками Грессер. — Я не раз вспоминал об этом, думал и никак не мог понять.

— Мог ли он попасть на то место, где вы его видели, если б вышел из кабинета непосредственно за вами?

— Если бы господин Корнелиус вышел непосредственно вслед за мною, то я увидел бы его, так как... — Грессер запнулся, — зашел на минуту передать распоряжение стенографистке.

— Странно, — задумался на минутку Клуks. — Ну, а когда вы привели эту... Катю в кабинет, господин Крок был там?

— Этого я не видел, так как оставил ее с караульными у дверей и сам пошел в лабораторию, но очевидно, что он не мог быть в кабинете, раз он остался в коридоре.

— Да, очевидно, — медленно проговорил Клуks, странно поглядев на Грессера.

От этого взгляда осмелевший было Грессер снова оробел.

— Прикажете продолжать? — спросил он.

— Между прочим, кто помещается в камере № 725? — небрежным тоном, но внимательно наблюдая за Грессером, спросил Клуks, когда тот закончил свой рассказ и ответил на несколько незначительных вопросов.

— Этого я не знаю. Господин Корнелиус лично ведает картотекой и не допускает к ней никого.

— А в лабораторию его не приводили?

— Нет.

— Значит, он не прошел курса забвения?

— По-видимому, нет.

Клуks несколько минут молчал, над чем-то раздумывая.

— Так вот, господин Грессер, — внушительно заговорил он, глядя тому прямо в глаза, — вы должны найти возможность добыть карточку заключенного в камере № 725 и выяснить, кто он. Затем вы должны очень внимательно присматриваться к тому, что происходит в Карантине, и в особенности, — подчеркнул Клуks, — что делает господин Крок.

Грессер чувствовал, что у него испарина выступила не только на лбу, но и на всем теле.

Клуks, заметивший впечатление, произведенное его словами, продолжал более мягким тоном:

— Надеюсь, что вы не откажетесь время от времени, ну, скажем, еженедельно до средам, присылать информацию по вопросу, о котором мы сейчас беседовали. Если б оказалось что-нибудь очень интересное, то вы можете сообщать мне во всякое время, — добавил он, вставая и давая понять, что разговор закончен.

Потерявший всю свою солидность Грессер поднялся и стал неловко откланиваться.

— Я уверен, дорогой господин Грессер, — говорил Клуks, провожая его к дверям, — что помощь, которую вы окажете нам в этом запутанном деле, благоприятно отразится на вашей ученой карьере. Кто знает, — загадочно усмехнулся Клуks, — может быть, вас ждет должность ассистента профессора Ульсуса Ван Рогге. Подумайте, какой это был бы успех для такого молодого ученого, как вы.

— Кстати, — задержал его Клуks у самых дверей, — я, конечно, не должен предупреждать вас, что наша беседа должна оставаться исключительно между нами.

— Конечно, конечно, — горячо заверил Грессер, обрадованный возможностью закончить свой визит, и, почтительно кланяясь, спиной открыл двери и удалился.

Глава IV

ПУСТОЙ АВТОМОБИЛЬ

Как только Грессер вышел из кабинета, Крок вскочил и принялся ходить по комнате. Покусывая губы и потирая лоб, он о чем-то напряженно думал. Наконец, по-видимому, пришел к какому-то решению, позвонил и приказал подать машину.

Вызов автомобиля для Корнелиуса Крока был случаем необычным. Все знали, что он предпочитал прогулки пешком поездкам в авто, который своим стремительным движением не позволял ему сосредоточиться.

— По улице Ульсуса Ван Рогге, бульвару Фаччия и проспекту Победы, — сказал Крок, усаживаясь в закрытую машину и задергивая занавеску над дверцей.

Через час после выезда шофер, проехавший уже трижды указанные Кроком улицы и обеспокоенный молчанием своего пассажира, решил спросить, куда ехать дальше, но, не получив ответа из закрытой кареты, продолжал кружить по тем же улицам.

Вид автомобиля, пронесившегося через каждые десять минут мимо ростового полисмента, вызывал у него вначале недоумение и наконец даже озлобление. Полисмен № 754 грозно остановил машину:

— Стоп!

— В чем дело? Дорога ведь свободна.

— Почему бесцельно кружишь?

— Приказал, — кивнул головой шофер в сторону своего пассажира. — Я спросил, куда дальше ехать, а он не отвечает.

— Кто пассажир?

— Господин Корнелиус Крок.

Полисмен сразу вытянулся и очень вежливо постучал в дверцу кареты:

— Господин Крок... Господин Крок...

— Я его громко спрашивал — не отвечает, — повторил шофер.

Полисмен снова постучал, но уже более настойчиво и громко. Около них начала собираться толпа любопытных.

— Валяй громче! — подбадривали полисмента зрители.

Наконец полисмен решился и дернул дверцу. Дверца распахнулась. На мгновение все затихли, ожидая, что из кареты выглянет строгое лицо Крока, но в карете было пусто.

— Разойдись! — закричал полисмен, захлопывая дверцу.

— Разойдись!

И, положив руку на плечо шоферу, он уселся рядом с ним, коротко приказав: «В Комитет!»

Автомобиль уже давно отъехал, но толпа все не расходилась, обсуждая на все лады происшествие.

Пока шофер кружил по улицам, ожидая распоряжения Крока, у ворот маленького особнячка по улице Святого Сердца звонил человек, очень похожий на Корнелиуса Крока.

Он вышел из автомобиля Крока, когда тот застрял в очереди на улице Ульсуса Ван Рогге, и смешался с толпой гуляющих. Он был без очков, а вместо шляпы с широкими полями на нем была серая кепка; но не эти небольшие изменения, а какая-то неуловимая и в то же время радикаль-

ная перемена в выражении лица делала его очень мало похожим на Корнелиуса Крока.

На звонок выбежал из калитки палисадника кругленький портье и приветливо раскланялся с прибывшим.

— С благополучным возвращением, мистер Крег. Вот неожиданно!

Прибывший, по-видимому, считал в порядке вещей, что его называют Крегом, улыбнулся и звучным, ясным голосом произнес:

— Спасибо, Жан. Я также доволен возвращением.

— А вы надолго, мистер Крег?

— Думаю, что теперь задержусь на долгое время. Почта есть?

— Несколько пакетов. Недавно посыльный принес.

— Хорошо, идемте.

Корнелиус, или, вернее, Крег, очевидно, чувствовавший себя здесь хозяином, вошел в дом, прошел через две-три комнаты, уверенно открыл дверь в кабинет и, подойдя к несгораемой кассе и открыв ее, бросил внутрь небольшой сверток, глухо звякнувший о металлическую доску.

— Готово!

И, с облегчением захлопнув кассу, подошел к зеркалу и стал внимательно рассматривать свое лицо. Крег улыбнулся, снял кепку и стал гребнем переделывать себе прическу. Оставшись, по-видимому, доволен ею, снова причесался по-прежнему.

— Сегодня в последний раз.

— Что изволили сказать? — ставя на стол поднос с завтраком, спросил портье.

— Это я себе. Подождите, Жан.

И, сев к столу, набросал несколько строк на листке бумаги, прочел, улыбнулся и, запечатывая конверт, произнес:

— Совсем как в прошлом. Совсем.

Увидев внимательный взгляд портье, Крег улыбнулся и протянул ему письмо.

— Отнесите по адресу.

— Но, мосье, здесь только «Бульвар Капуцинов, № 59721»?

— Вот именно. На бульваре Капуцинов этому номеру и

передайте письмо.

— Но такого большого номера не может быть ни на одной улице.

— Вы чудак, Жан. Письмо надо передать фонарю № 59721, бульвар Капуцинов.

И, сев за стол, с большим аппетитом принялся за завтрак.

Когда в Комитет примчался автомобиль и сообщил об исчезновении Крока, там поднялся переполох. Немедленно сообщили Арчибальду Клуксу. Были подняты на ноги все агенты, которые метались по городу, разыскивая исчезнувшего Крока.

Через три часа Клуксу, приказавшему через каждые полчаса извещать его о ходе поисков, сообщили, что Корнелиус найден. Он работает в Карантине, в своем кабинете.

«Нет, тут что-то неладно», — подумал Клукс. Он стал мысленно перебирать обстоятельства нападения на Крока и бегства Кати и все более укреплялся в своих подозрениях против него.

«Надо приставить к нему дельного агента», — решил он, приказал подать машину и поехал в Карантин.

— Наделали же вы нам беспокойства, дорогой мистер Корнелиус, — сердечно пожимая руку Кроку и исподтишка наблюдая за ним, говорил Клукс, войдя в кабинет Крока.

Крок принял сконфуженный вид.

— Все моя проклятая рассеянность, — ответил он. — Когда автомобиль остановился и мне наскучило ждать, я решил прогуляться и вышел из машины, забыв предупредить шофера. Очень сожалею, что из-за моей рассеянности и забывчивости наделал всем, и вам в частности, столько хлопот. Приношу искренние извинения.

— Пустяки, дорогой, все кончилось благополучно — и прекрасно! Где же вы пропадали так долго? — быстро спросил он, пристально глядя на Крока.

— Представьте себе, задумался и шел все вперед, пока не оказалось ни авто, ни экипажа, пришлось и обратно возвращаться пешком, — простодушно объяснил Крок.

«Э, да ты тонкая штучка! — думал Клукс. — Обязатель-

но надо хорошего агента».

Они сердечно пожали друг другу руки, и Клуks вышел, провожаемый до дверей Кроком.

Глава V

ПОЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО КОРНЕЛИУСА

Ночью, когда Карантин погрузился в тишину и спокойствие, по коридору к камере № 725 тихо скользила фигура Корнелиуса Крока. Он шел бесшумно, иногда оглядываясь назад.

Подойдя к камере, прислушался, еще раз оглянулся и, открыв дверь, быстро вошел в камеру. Дверь за ним автоматически захлопнулась.

Пациент продолжал сидеть, устремив взгляд в одну точку: он даже не заметил появления Корнелиуса.

Корнелиус, подойдя к нему, ударил его по плечу.

— Вы... вы... вы... вы осмелились войти ко мне? Будь вы прокляты! — закричал, вскакивая, пациент.

— Не шумите, говорите тихо.

— Ты в моих руках, я с тобой рассчитаюсь, — яростно прошипел заключенный и бросился на Крока, но тот сильным толчком отбросил его на кровать и вынул револьвер из кармана.

— Тише, вы! Я не намерен долго возиться с вами. Сидите смирно и слушайте.

— Я забыл, что имею дело с бандитом, разбойником...

— Довольно! Комплименты потом. Перейдем к делу.

— К делу? Хорошо. Какое у нас с вами может быть дело?

— А вот какое. Я предлагаю вам занять мое место.

Заключенный вскочил и злобно расхохотался.

— Вы хотите сказать, чтобы я занял свое место...

— Пусть так. Вы занимаете мое, а я занимаю ваше.

Заключенный застыл на месте, недоверчиво и злобно глядя на Крока.

— Послушайте, вам мало того, что вы присвоили себе мое имя и положение и посадили меня в эту проклятую камеру, вы еще пришли издеваться надо мной?

— Послушайте, бросьте декламацию. Вот вам плащ, шляпа, очки. Одевайтесь!

Когда Крок снял с себя все эти вещи, то друг перед другом стояли два человека почти одного роста, очень похожие один на другого.

Заключенный стал торопливо одеваться.

— Готово? — уставился на него Крок своими холодными, пронизательными глазами. — Итак, мистер Крок, вы свободны. Но помните, ни одного слова о том, что произошло здесь.

Заклученный вздернул голову и вызывающе посмотрел.

— А если я не соглашусь на это?

— Я думаю, что это будет для вас крайне необходимо. Кроме того, — холодно усмехнулся Крок, — вы еще не вышли отсюда.

— Хорошо, я согласен, — опустил голову заключенный и исподлобья злобно посмотрел да Крока.

Корнелиус медленно отворил дверь и, открыв ее, любезно предложил:

— Идите, надеюсь, вы еще на забыли дороги.

Заклученный выскочил в коридор и, захлопнув дверь, засмеялся:

— Попался, голубчик, попался!

И бросился в соседний коридор к телефону. Вызывая дежурного по караулу, он нервно потирал руки и дрожал мелкой дрожью.

— Алло! Немедленно сюда дежурного, в камеру № 725. Заклученный буйствует.

И бросился наверх, чтобы скорее встретить дежурного.

Взбегая по лестнице, новый Корнелиус Крок наткнулся на лаборанта Грессера, который удивленно посмотрел на него.

— Мистер Корнелиус, что с вами?

— Идиот! — ответил Корнелиус и быстро прошел мимо.

Лаборант Грессер отшатнулся и с ненавистью посмотрел ему вслед: «Кажется, последнее происшествие совсем его свело с ума».

И махнув рукой, пошел в комнату стенографистки.

— Знаешь, нам надо уходить отсюда, и чем скорее, тем лучше. Корнелиус, кажется, совсем сошел с ума. Он теперь натворит такого, что волосы дыбом встанут.

— А что случилось? Ай, что это?..

Тревожные звонки запели по всем коридорам Каранти-на.

— Началось, — вскричал лаборант и выскочил в коридор.

Мимо него, нелепо размахивая руками, пробежал Крок с караульным начальником. Увидев Грессера, он закричал, не останавливаясь:

— Там, в камере 725, пациент сошел с ума. Скорее за нами!

Грессер бежал за ними и, наблюдая суетливые движения Корнелиуса, взволнованно думал о той каше, которую заварит этот безумный.

— Вот здесь... здесь... Осторожнее, — подпрыгивая от нетерпения, вскрикивал Крок.

Дежурный, привыкший ко всему и видевший всякие виды, не торопясь отыскивал ключ от камеры.

— Скорее... скорее! — торопил Крок.

— Сейчас, мистер Корнелиус, но, право, не стоит так волноваться из-за какого-то пациента.

«Вот поистине разумные слова», — подумал лаборант Грессер.

Дверь открылась. Все вскочили в камеру и, не видя перед собой никого, сейчас же попятились к дверям, боясь, что заключенный, прижавшись к стене у двери, бросится на них сзади. Обернулись, но и сзади никого не было.

— Здесь нет никого, мистер Крок, — недовольным тоном произнес караульный начальник.

— Но он только что был здесь.

Дежурный пожал плечами и вышел из камеры. За ним в полной растерянности вышел новый Корнелиус Крок.

«Так, — подумал лаборант Грессер, тревожно взгляды-

ваясь в Крока, — я знаю, где искать заключенного № 725. Конечно, это так. Но куда же он девал Корнелиуса?.. Надо сообщить Арчибальду Клуксу, забрать Герти и уносить ноги отсюда. Ну их к черту и с диссертацией, и с жалованьем, и с профессурой. Тут и сам в какую-нибудь камеру попадешь!»

Глава VI

ОТКРЫТИЕ СТЕКЛЯННОГО ДОМА

Несмотря на все принятые Комитетом человеческого спасения меры, чтобы ни одна заметка не проникла в прессу, ни один громкоговоритель не оповестил население о происшествии в Карантине, оно все-таки скоро стало достоянием всего города.

Из уст в уста передавались ошеломляющие известия.

— Большевики сбежали из Карантина. Чуть не задушили Крока.

— А что с ним? Жив?

— Жив, но сошел с ума.

— Отряд большевиков ворвался в Карантин, освободил всех заключенных. Крока увели с собой.

— И вовсе не увели, а подменили.

— И чего правительство смотрит!

— Все ото бабы сплетни, просто Корнелиус Крок болен.

— Заболеешь, когда его чуть не убили.

— А где же большевики?

— Скрылись. Где-то здесь бродят.

На улицах собирались кучки людей и перешептывались, но расходились при виде полисмена или кого-нибудь с фашистским значком.

Было созвано экстренное заседание президиума Комитета человеческого спасения для выработки мер успокоения населения.

Решили произвести первый торжественный выпуск женщин для стеклянных домов, которые с недавнего времени были объявлены государственной монополией и находились в ведении особого ведомства — Комитета по насаждению нравственности среди населения.

Немедленно была разработана программа выпуска, и вечером всюду горели объявления:

«Государственный Центральный Стеклянный дом.

Новый выпуск — 25 — новый выпуск девушек.

Последние новинки в искусстве любви. Балет. Аукцион любви.

На открытие вход по пригласительным билетам».

Это вызвало сенсацию. Около Стеклянного дома толпились вечерами сотни любопытных, разглядывая через прозрачные стены комнаты, в которых шла суета, уборка и декорирование.

Шум толпы заглушали громкоговорители.

Время от времени передняя стена Стеклянного дома сразу потухала, и через мгновение освещалась какая-нибудь комната, в которой несколько женщин, одеваясь и раздеваясь, демонстрировали последний крик моды дамского белья и туалетов.

По бокам освещенной комнаты загорались рекламы, приглашающие приобрести все показываемые образцы.

Толпа громким гулом приветствовала появление каждой новой группы обнаженных женщин, громогласно обмениваясь мнениями о достоинствах телосложения живой рекламы.

Наконец настал день выпуска.

В двенадцать часов ночи Центральный Стеклянный дом сверкал в темноте улицы, как громадный аквариум, в котором вместо рыб плавали люди. Отовсюду к нему подлетали автомобили, экипажи, и густой толпой подходили приглашенные и любопытные.

Публика волной подымалась по лестнице, стремясь во второй этаж. Всюду сверкали черные фраки, блестело белоснежное белье, розовели обнаженные спины и руки жен-

щин. Между приглашенными шмыгали суетливые фигуры лакеев.

Против Стеклянного дома толпились тысячи любопытных, напряженно смотревших на необыкновенное зрелище.

Едва войдя в залу, Арчибальд Клуks почти в дверях встретился с Аннабель.

— Вы сегодня еще более очаровательны, чем обычно, — проговорил он, целуя ее руку.

— Ах, оставьте, — с сумрачным видом отвечала она. — И вы тоже, мистер Арчибальд, пришли полюбоваться унижением человека?

— Это не люди, — полушутя-полусерьезно сказал Клуks, — это низший класс.

— Нет, это люди, — горячо возразила Аннабель. — Эти женщины — мои сестры.

— Нет, миссис, вы прямо делаетесь социалисткой, — засмеялся Клуks.

— Ну что ж, занесите и меня в ваши черные списки.

— Ваше имя записано в моем сердце.

— Вы неисправимы, — хмуро улыбнулась Аннабель.

— Есть только один способ исправить меня, — многозначительно посмотрел на нее Клуks. — Попробуйте.

Аннабель отвергалась, не отвечая. Откровенный флирт Клуksа раздражал ее. Предстоящее позорное зрелище волновало ее и переполняло ее сердце горечью.

Чем она лучше этих несчастных девушек? Случайность избавила ее от предстоящей им участи. И намного ли лучше ее судьба? Она продалась одному, их будут продавать всем.

О, с каким наслаждением она швырнула бы в лицо правду всем этим пресыщенным негодьям, которые пришли сюда за острыми ощущениями, могущими расшевелить их притупившиеся чувства!

Молчание становилось тягостным.

— Пойдемте, — кивнула она Клуксу.

Он взял ее под руку.

— Вы сегодня в дурном настроении, могу я узнать причину?

— Ах, вам не понять! Вы такой же, как все!

«Женские капризы», — подумал Клуks, отводя Аннабель в первый ряд и усаживая ее рядом с Флаугольдом.

Флаугольд чуть покосился с неудовольствием на Аннабель, но по-прежнему, как всегда, процедил несколько корректно-любезных фраз. С момента возмущения Аннабель разгромом полпредства он стал присматриваться к ней и даже поручил следить за каждым ее шагом сыскному бюро.

Информация о ней не была серьезной, но сведения о ее бывшем любовнике Хозе, путавшемся среди анархистских элементов Капсостара, вызывали у него подозрения.

Он со страхом ждал известия о том, что Аннабель встретилась с Хозе, но донесения бюро не подтверждали его подозрений.

Спокойная жизнь у них кончилась, и они оба тяготились ею. Флаугольд стал проявлять черты мужа-собственника. Отсюда вытекал целый ряд неприятностей, столкновений, мелких ссор, которые мало чем отличались от обычных семейных неурядиц в каждом доме. Ревнуя ее к прошлому, он часто издевался над ее Хозе, делая ей жизнь невыносимой.

Аннабель, корректно кивнув головой, села рядом с ним. От прошлой благодарности к Флаугольду ничего не осталось. Холодные придирки к ней заставили ее жалеть о сделанном шаге, и она, сознательно идя навстречу неприятностям, мечтала о том моменте, когда расстанется с Флаугольдом.

Посмотрев на эстраду, она перевела скучающий взгляд на зрителей.

В соседнем кресле сидел Барлетт, а за его спиной Дройд с неизменным блокнотом в руке.

Зал гудел.

Публика весело разговаривала и смеялась, нетерпеливо поглядывая на эстраду в ожидании торжественного акта.

Раздался удар гонга. Справа и слева на эстраду выбежали двадцать пять полуодетых женщин, выстроившихся в одну шеренгу. Потом за ними медленно вышел профессор Ульсус Ван Рогге. Его появление было встречено

аплодисментами.

Черная фигура профессора резко выделялась на фоне розовых женских тел, едва прикрытых светлым газом и кружевами.

— Господа, — медленно начал профессор, — сегодняшний день является истинным празднеством, так как знаменует торжество великой идеи фашнационала и спасения человечества. Перед вами те, которые когда-то мечтали низвергнуть священные основы порядка, законности и собственности. Они дерзали восставать против законов бога и природы, которые сотворили неравенство людей. Всякий, нарушающий законы природы и общества, тем самым исключает себя из жизни и из общества. Участь этих людей была предопределена: их ждало уничтожение. Но наука указала нам способы, как из негодного для человеческого общежития материала создавать людей, способных к безропотному выполнению своих социальных функций. В нашем обществе существуют функции, считающиеся по справедливости позорными, когда они являются результатом распущенности и лени. Но эти же функции становятся полезными и почетными, когда они направлены на укрепление незыблемых начал нашего общества. На долю этих женщин выпала почетная обязанность охраны наших важнейших социальных институтов — брака, семьи и нравственности. Им предназначено быть резервуаром, поглощающим тот избыток энергии, который не вмещается в рамках брака и семьи и своим напором создает в них опасные бреши. Исходя из общественно-полезной роли этих женщин, государство считает их своими чиновниками. Да, эти женщины — чиновники и помогут государству укреплять традиции, охранять брак и тем укреплять наш социальный строй. Думаю, что выражу мысли всего собравшегося здесь почтенного общества, приветствуя наше правительство, которое этим выпуском чиновников Стеклянного дома еще раз доказало, как много оно делает для развития культуры, порядка, благоденствия населения и охраны священных основ общества.

Профессор поклонился и под бурные аплодисменты сошел с эстрады.

— Хорошо говорит профессор, — обратился Барлетт к Флаугольду серьезным тоном, но с усмешкой в глазах. — Главные достоинства его речи — краткость и выразительность.

Аплодисменты затихли.

На эстраду взошел Ян Спара. Высокий, худой, в длинном черном сюртуке, он казался одухотворенным и проникнутым великой идеей, которую сейчас возвестит миру.

Окинул взглядом своих полусумасшедших глаз девушек и зал.

— Уважаемые леди и джентльмены! Пути господа бога нашего неисповедимы, и мы сейчас присутствуем на акте величайшего торжества божия. Великомиловитый господь бог наш не допустил в своей величайшей милости и доброте окончательной гибели неверующих отщепенцев государства и общества и через величайшее открытие профессора вернул снова в свое отцовское лоно души заблудших детей нашей церкви. Неисповедимы пути божьего провидения, и благодаря его неизреченной милости мы присутствуем при этом величайшем акте человечности. От имени церкви я говорю вам и девушкам, которые сегодня приступают к исполнению своих служебных обязанностей: благословляю вас, трудитесь для благоденствия нашей страны.

Последние слова Яна Спара вызвали овацию, и он удалился с эстрады под гром аплодисментов. Сейчас же на эстраде появился директор Стеклянного дома.

— Уважаемые леди и джентльмены! Сейчас новый выпуск продемонстрирует желающим их испытать джентльменам свою подготовку в искусстве танцев. Прощу в танцевальный зал.

Из соседнего зала раздались томные звуки ленсберри-скотта. Вся публика встала и бурным потоком потекла в зал для танцев.

Генерал Биллинг стоял и наблюдал за танцующими, предвкушая будущее удовольствие. Мимо него проплыла в

танце одна из выпускных. Он не замедлил подхватить ее и, танцуя с ней, дошел до конца зала.

— Как тебя зовут, красотка?

— Мэри, сэр.

— Вы любили кого-нибудь?

— Нет, сэр.

— Мэри, я хочу вас поцеловать, идемте со мной.

— О, сэр, еще не было сигнала разрешения, я, право, не знаю.

Генерал Биллинг увлек ее в угол, задрапированный портъерами, и, крепко прижав к себе, стал целовать.

Девушка не сопротивлялась, но в ее опущенных глазах пробегали зловещие огоньки.

— Идем, — и он, грубо схватив ее за руку, потянул за собой.

— Пустите меня, пустите! — крикнула Мэри.

В ее голосе слышалась такая злоба, что генерал опешил, выпустил ее из рук и внимательно посмотрел в глаза.

— Вот как? Да ты, милашка, сделана совсем по новому образцу. Ну, что ж, это еще интереснее, — и он вплотную подошел к ней.

Мэри отступила назад, ее ноздри вздрагивали от гнева.

— Ну, идем, — крикнул Биллинг, грубо хватая ее за руку. Но в ответ получил пощечину.

За все время существования Стеклянного дома это был первый случай.

— Браво, браво! — и тихий смех заставил обоих оглянуться.

Генерал сразу узнал человека, железные пальцы которого он еще до сих пор чувствовал на своей шее.

— Вы... Это вы?

Свет потух, и когда генерал дрожащими пальцами повернул выключатель, то в комнате никого уже не было.

— Не может быть, — прошептал генерал Биллинг, — не может быть...

Глава VII

ДЛЯ ВИЛЛИАМА МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ

Прозвучал серебряный гонг, и яркий белый свет заменился голубоватым. Пробежал восхищенный топот по всему залу, и гости снова заняли свои места.

Выпускные прошли на эстраду.

Наступила тишина. Снова вышел директор Стеклянного дома с орденами, украшавшими грудь; за ним беззвучно вынесли и поставили голубой стол и два кресла.

— Уважаемые леди и джентльмены! Ввиду того, что сегодня выпуск впервые приступает к исполнению своих обязанностей, администрация Стеклянного дома разыграет всех выпускных с аукциона. Деньги пойдут на укрепление могущества нашей великой державы.

Величественно сел за стол, рядом с ним уселся секретарь с папкой в руках. Развернув папку, медленно, с паузами, огласил список всех выпускных девушек. Каждая девушка, когда называлось ее имя, выступала вперед и, постояв несколько секунд, возвращалась на свое место.

— Это, кажется, ваша идея, эта монополия, — обратился Барлетт к Флаугольду, — и вы ее откупили у государства. Поздравляю, это даст вам большие деньги.

По тону Барлетта, по обыкновению, нельзя было понять, иронизирует ли он или говорит серьезно.

— Рационализация, — коротко ответил Флаугольд, покосившись на Барлетта.

— Леди и джентльмены! — возгласил, поднимаясь с места, директор Стеклянного дома. — Приступаем к аукциону. Первым номером идет...

— Погодите, — поднялась со своего места Аннабель, — я хочу сказать несколько слов, — и быстро поднялась на эстраду.

Она сильно волновалась и была бледна, как полотно, но глаза ее горели и смело, с вызовом смотрели на публику.

Элегантный Крег с любопытством посмотрел на нее и вздрогнул. Он не увидел ни экзальтированности, ни истеричности, а увидел, вернее — почувствовал, ненависть ко всем, которая выбивалась бессознательно из глаз Аннабель.

— Уважаемые джентльмены и леди, сколько «прекрасных» слов было произнесено с этой эстрады, и эти слова, вернее — правда слов, не могли не захватить нас, с трепетом слушающих и благословение церкви и речь профессора...

Флаугольд даже улыбнулся от удовольствия: «Нет, я, кажется, ошибаюсь в ней: она — наша», — и покосился на иронически улыбавшегося Барлетта.

Дройд лихорадочно быстро записывал речь Аннабель.

В зале стихло, сотни глаз с любопытством уставились на Аннабель. Ее слова гулко и отчетливо разносились по всему залу.

— Вы спросите, для чего я говорю то, что всем известно. Но исключительно с целью дать для нашей страны, «великого» государства, доказательства того, что мы, женщины, женщины общества, готовы на все для усиления мощи и могущества нашей страны. Леди, жертва имеет ценность только тогда, когда она добровольна...

— Не правда ли, Барлетт, моя жена говорит дело? — прошептал Флаугольд.

— О да, я всегда был уверен, что она дельная женщина.

И снова нельзя было понять, иронизирует он или говорит серьезно.

— Над девушками совершается открытое и позорное насилие. Зачем в этот великий час торжества впутывать роль чиновников стеклянных домов? Они ведь успеют не один раз доказать свою пользу в «святом» деле сохранения нравственных устоев семьи. Леди, выйдем сюда и предложим разыграть нас с аукциона на этот вечер, и деньги, полученные от этого, могут пойти на усиление средств государства нашего.

Крег невольно сделал шаг вперед, но, увидев Арчибалда Клуksа, немного взволнованного, пробиравшегося к Флаугольду, остановился.

Молчание встретило заключительные слова Аннабель, но затем зал наполнился грохотом и шумом. Одни со смехом кричали «браво» и шумно аплодировали, другие возмущенно вставали с места и уходили, презрительно бросая взгляд на Аннабель, гордо стоящую на эстраде.

— Леди, неужели я ошиблась в вас? Неужели то, что вы всегда делаете за пару сережек, ужин для себя, вы не можете один раз открыто проделать для пользы государства?

— Запретите ей говорить!

— Уберите ее! Уберите!

— Пользу государства вы мыслите только как угнетение низших классов!

— Долой!

— Это социализм!

— Чего смотрит Комитет?

Шум поднялся такой сильный, что Аннабель не имела возможности продолжать свою речь. Она была восхитительна, ноздри гневно раздувались, и глаза прямо кипели ненавистью.

Невозмутимо мимо Флаугольда прошел Крег.

— Убрать эту сумасшедшую, Арчибальд, немедленно!

— Прикажете арестовать?

— Да. В Комитет, в Карантин... К черту!..

Больше ничего он не слышал, но и этого было достаточно. Остановившись невдалеке с расчетом не терять из виду ни эстрады, ни Арчибальда, Крег видел, как перед сошедшей с эстрады Аннабель презрительно, словно перед зачумленной, расступались разъяренные дамы.

Крег прошел далее стороной, не теряя ее из виду.

В выходных дверях они столкнулись.

— Я рад приветствовать замечательную женщину столицы, — и Крег, почтительно взяв руку Аннабель, поцеловал.

В это время весь Стекланный дом погрузился во мрак.

Раздались крики возмущения и страха, толпа устремилась к выходу, увлекла за собой Крега и Аннабель и оттеснила их к каким-то дверям.

— Вас ждет арест...

— Я не сомневаюсь.

— Разрешите увезти вас.

— Куда? Впрочем, все равно, — устало проговорила Аннабель, — все равно, хуже не будет.

Крепко схватив под руку Аннабель, Крег стал пробиваться через толпу к лестнице.

Паника росла. К Стеклянному дому спешили вызванные отряды полиции. На улице была давка, тьма, так как весь район оказался без света. Автомобили брались с боя. Крег, сжимая руку Аннабель, быстро пробежал за угол Стеклянного дома.

Тихий свисток. Подъехал автомобиль.

И, проезжая мимо Стеклянного дома, они могли видеть, как в толпе, качаясь, пробирались к вестибюлю дома живые фонари.

Когда зал и некоторые комнаты были освещены невозмутимыми живыми фонарями, то обнаружилось, что все девушки исчезли, а на аукционном столе лежало несколько прокламаций партии.

Такие же прокламации были разбросаны по залу и, как выяснилось впоследствии, были расклеены на улице около Стеклянного дома.

Только один Барлетт не волновался, а продолжал сидеть на своем месте, попыхивая сигарой.

В зал быстро вошли встревоженные Флаугольд и Арчибальд Клукс; у последнего в руках была прокламация.

— Что вы на это скажете, Арчибальд? «Комитет партии больше не допустит позорных издевательств над женщинами из рабочего класса». Как вы находите этот кусочек?

Арчибальд только скрипнул зубами.

— Что партия? Кучка авантюристов, мистер Флаугольд. Но до этой кучки я доберусь, и тогда я буду безжалостен. Будьте уверены, я их не пропущу через Карантин, а прямо отправлю к черту.

Барлетт невозмутимо поднял с пола прокламацию и, пробежав текст, методически свернул ее и спрятал в карман.

«Для Виллиама может пригодиться...»

Глава VIII

СНОВА «СЕМЬ ПЛЮС ДВА»

Несколько минут ехали молча. Аннабель, прижавшись в угол машины, сидела с закрытыми глазами, подставляя лицо ветру. Все пережитое в этот вечер, неожиданный для нее самый порыв слишком потрясли ее. Теперь наступила реакция, и она сидела совершенно обессиленная, без единой мысли в голове.

— Можете ли вы указать, куда вас отвезти? — нарушил молчание Крег.

— Домой, — машинально ответила Аннабель, как будто пробуждаясь от сна.

— Думаю, что вам небезопасно теперь ехать домой; вас, вероятно, поджидают, чтобы арестовать.

— Тогда мне некуда деваться, — упавшим голосом сказала Аннабель.

— Могу ли я предложить вам свой дом?

Аннабель с минуту помолчала.

— У меня нет выбора, и... я вам верю, — наконец сказала она, глядя прямо в глаза Крегу.

Подъехали к дому. Прошли через палисадник к особняку. Навстречу выбежал портье.

— Мистер Крег, вас ждут. Два часа сидят и не хотят уходить. Хотите ли вы их принять?

— Да, да, Жан. Я скоро освобожусь. Попросите их подождать в гостиной.

Аннабель с любопытством оглядывала кабинет, куда ее пригласил войти Крег.

— Простите, мадам, может быть, это будет нескромностью, но я заранее приношу свои извинения.

— Спрашивайте.

— Что заставило вас сегодня так выступить на аукционе? Ведь вы понимали, что восстановите против себя всех и вашего мужа первого.

Аннабель смущенно улыбнулась.

— Правду сказать, я не думала выступать, но не могла вытерпеть. Меня слишком взволновало это возмутительное издевательство над людьми, прикрываемое «благом общества». Я ненавижу это общество. Ненавижу мужа, для которого я только вещь, забавный зверек, которого можно дразнить, побить, а потом приласкать, бросив подачку. Я ненавижу его, создавшего такую жизнь, поработившего всех, купившего все. Я не из их общества. Я...

И Аннабель, захваченная новым порывом, раскрыла перед Крегом всю свою жизнь. Боль от потери Хозе, чувства, пережитые за последние месяцы, сознание униженности положения «купленной женщины», пропасть между нею и мужем, между нею и обществом, в которое она случайно попала, — все то, что смутно сознавалось ею, теперь, когда она рассказала об этом, предстало перед нею в ярком, ослепительном свете.

В ее словах слышалась боль о прошлом, о том прошлом, когда зачастую приходилось голодать, когда не было ничего, кроме желания жизни, кроме надежд, но когда она все-таки чувствовала себя человеком, а не вещью.

— Я прошла тяжелую школу, мистер Крег, и я не могу вернуться обратно. Я хочу стать человеком.

— Но вам придется отказаться от роскоши, придется снова вести трудовую, по временам нелегкую жизнь. Не будете ли вы сожалеть о своем бунте?

— Нет, нет. Как решительно порвала я с Хозе, так решительно рву со своим настоящим. Вы разрешите пользоваться вашим гостеприимством, пока я не устроюсь, мистер Крег?

— Сколько угодно. Теперь разрешите прервать нашу беседу, меня ждут друзья, — и Крег открыл дверь из кабинета в гостиную.

В кабинет не вошли, а ворвались Джон, Катя и Тзень-Фу-Синь.

В первую минуту никто не произнес ни слова, но крепкие пожатия и блестящие глаза всех говорили об их радости.

— Неужели это ты?

— Джон, Тзень, Катя?
— Шипко шанго.
— Милый китаеза, а помнишь?
— Помню, помню.
— Это ты, живой, такой же?
— Ну да, я. Видите, я.
— Но почему ты не открывался нам?
— Не мог, друзья, боялся провалить дело.
— А теперь ты как?
— Об этом поговорим потом.
— Джон, какая радость — он с нами! — взволнованно шептала Катя.
— А это кто?
— Это — взбунтовавшаяся женщина. Ты, Катя, возьми ее под свое покровительство. Она может пригодиться.
Как ни тихо была произнесена последняя фраза, но Аннабель услышала и, подойдя к ним, с жаром сказала:
— Да, да, я могу пригодиться, я готова на все. Я чувствую, что вы не с теми, которые угнетают всех, что вы против лих. И я с вами.
— Вот так штучка, — прошептал Джон. — Где ты ее подцепил? Я ее знаю. Она — баба хорошая, чуть не заехала мне в морду.
— Как — в морду? Каким образом, когда?
— Потом расскажу, — покатился со смеху Джон.
— Я помогу вам, — горячо продолжала Аннабель. — Я не знаю политики и не понимаю в ней, но я хочу, чтобы уничтожили Карантин, чтобы уничтожили весь этот ужас рабства и унижения человеческой личности. Не бойтесь меня, не бойтесь того, что я жена Флаугольда.
— Я за нее, — сказал Джон.
Остальные переглянулись. Крег с улыбкой, взяв под руку Аннабель и Катю, усадил их на диван.
— Вы поговорите, а там видно будет. Я думаю, Катя, что она годится только...
— Я понимаю.
Крег уселся с Джоном и Тзень-Фу-Синем около маленького круглого столика.

— Ну как?
— Ты был великолепен, Джон.
— Ты разве меня видел?
— Конечно.
— Когда?
— А в Карантине. Ты был великолепным Корнелиусом Кроком. «У меня бред». — «Нет».

И Крег сделал жест, как будто снимает шляпу и кланяется.

— Ты? — Джон, полудогадавшись, вскочил. — Значит?..

— Тсс. О деле потом.

Крег, оставив их, подошел к Кате и Аннабель, оживленно беседовавшим.

— Она славный товарищ, — сказала Катя, обнимая за талию Аннабель.

Аннабель улыбнулась комплименту Кати.

— Мистер Крег, я готова делать все, что нужно, не спрашивая объяснений.

— Браво, мистрис Аннабель, bravo.

— С завтрашнего дня я в вашем распоряжении. Хочу только съездить домой и кое-что взять там.

— Хорошо, только будьте осторожны.

Глава IX

ДРОЙД, НАВЕРНОЕ, ЗНАЕТ

Это утро было утром разносов. Весь Комитет дрожал, когда мимо проходил Арчибальд. Суровая складка на лбу и энергично сжатые губы заставляли многочисленных клерков и статистиков ежиться за своими столиками.

Но Арчибальду было не до них. Недовольный испорченным вечером, возмущенный прокламациями, наглым исчезновением девушек выпуска, он оштрафовал уже целый ряд своих агентов, но все это не давало выхода злобе и негодованию.

— Идиоты! — иногда громко вскрикивал он, быстро шагая по кабинету. — Ни черта не могут сделать, не видят, не слышат.

И вдруг сразу остановился.

«Как я не догадался раньше?» И ему сразу стало понятно подозрительное поведение Корнелиуса Крока. «Да, все дело в нем».

Дверь открылась, и в кабинет робко вошел лаборант Грессер.

Арчибальд резко повернулся к нему, но, узнав, любезно пошел навстречу.

— Вы как раз вовремя, есть новости?

Грессер оглянулся на дверь, плотнее закрыл ее, приложил палец к губам и на цыпочках подошел к Арчибальду Клуксу.

— Невероятное преступление, — прошептал он и снова боязливо оглянулся.

— Да говорите, черт возьми! Вы в Комитете, а не на улице.

— Сэр Арчибальд, преступление невероятное, и я боюсь, и я не знаю, как...

— Чего не знаете? Говорите толком.

— Аппараты испорчены, — выпалил сразу Грессер и остановился.

— Испорчены!

И Арчибальд, схватив руками Грессера за плечи, приблизил его лицо к своему и, сверля своими глазами его глаза, желал проникнуть, прочитать все сокровенные мысли, быть может, испугавшегося преступника.

— Ну, подробнее.

— После вчерашнего происшествия, сэр Арчибальд, я стал думать, что тут не все ладно, и решил тайком проверить аппараты. Все на своем месте: и микрометрические винты, и линзы объективов, и призмы. Но я, сэр Арчибальд, раз мысль запала в голову, на этом не остановился. Я чувствовал, что аппарат испорчен и испорчен опытным человеком, и решил сделать спектральный анализ, и...

— Ну, — вздыхая, проговорил Арчибальд, которого раз-

дражали отступления Грессера. — Ну?..

— И анализ доказал, что аппарат испорчен. В спектре лучей К не было. Оказывается, что призмы из особого состава были заменены простыми стекляшками.

— Спасибо, Грессер, я не ошибся в вас, но никому ни слова, ни звука; иначе — вы понимаете, что грозит вам?

Грессер утвердительно кивнул головой.

— Вся работа в Карантине должна идти так, будто ничего не случилось. Все по-прежнему, все... А теперь ступайте. Нет, подождите...

И Арчибальд, вырвав чек из книжки, подписался, а потом, чуть улыбаясь, смотря в глаза Грессеру, проставил цифру.

— Это вам на свадьбу, не забудьте пригласить меня.

Грессер покраснел, закланялся, рассыпался в благодарностях и, сжимая чек на пятьсот долларов, счастливый выскочил из кабинета.

Арчибальд устало опустил в кресло. Удар пришел сразу, выбивая из рук карты.

— Началось, — прошептал он.

Но у Арчибальда не долго длилось подобное состояние. Он не мог предаваться упадочному настроению, и вскоре он стал мысленно просматривать планы, которые когда-то в деле борьбы с рабочими всегда приводили к успехам.

— Главное — верхушку и прибывших эмиссаров, и тогда... — Арчибальд довольно улыбнулся. — Только сам, никому довериться нельзя, — вслух подумал он и решительно встал, чтобы поехать к Ульсусу Ван Роге и попросить его проверить аппараты.

— А вечером на разведку.

И улыбнулся, поймав себя на мысли, что, если разведка не удастся, то провести вечер в каком-нибудь веселом заведении совсем не плохо.

Подойдя к столу, взял путеводитель по Капсостару и бегло просмотрел список кабачков и курительных притонов.

— «Курильня Ван Рооза», — прочитал он. — Черт, надо будет спросить Дройда.

И Арчибальд, снова бодрый, уверенный, выскочил из кабинета, стараясь запомнить название курьелни.

— Дройд, наверное, знает, — громко решил он, садясь в машину.

Глава X

СКОРЕЙ УХОДИТЕ

Миссис Аннабель ехала к себе домой не без опасений за то, что может произойти. Но чувство внутреннего удовлетворения преодолевало беспокойство, и на лице ее каждый раз сквозь озабоченность пробивалась улыбка. Она другими глазами смотрела в это утро на улицы и с удовольствием вдыхала свежесть утреннего воздуха.

«Замечательный человек этот Крег», — думала она, подымаясь на свою половину по особому ходу, минуя главный подъезд.

На ее звонок двери открыла горничная. Увидев Аннабель, она ахнула, выскочила за двери и захлопнула их за собой.

— В чем дело, Дженни? Почему вы не впускаете меня в квартиру? — спросила Аннабель.

— Ах, миссис, разве вы не знаете?..

— Что именно?

— Мистер Флаугольд приказал вас больше не пускать в квартиру, — смущенно опуская глаза, сказала девушка.

— Вот как! — Аннабель улыбнулась. — Очень приятно слышать. Я сама ушла, Дженни. А сейчас я бы только хотела пойти на минутку к себе в будуар и взять кое-какие вещи.

— Простите, миссис, приказание категорическое. Я бедная девушка и боюсь потерять службу, — со слезами на глазах сказала Дженни.

— Я понимаю, Дженни, но принесите мне мою сумочку и записную книжку. Вы можете?

— Слушаюсь, насчет этого распоряжений не было.

И горничная прошла в комнаты.

Горничная, вернувшись, передала Аннабель ее сумочку и изящную кожаную записную книжку.

— Спасибо, Дженни, надеюсь, что вы на меня не сердитесь.

— О, что вы, миссис! Я такой госпожи, как вы, никогда не встречала, и мне больно, что вы уходите.

— Я очень рада тому, что ухожу, — сказала Аннабель и протянула руку горничной. — Прощайте, Дженни.

Слезы блеснули в глазах горничной, и она, порывисто бросившись к ней, зашептала:

— Ради бога, миссис, спасайтесь куда-нибудь. Случайно проходя мимо кабинета мистера Флаугольда, я слыхала, как он говорил по телефону с Карантином...

— О чем же он говорил? — вздрогнув, спросила Аннабель.

— Сюда пришлют агентов, чтобы задержать вас, когда вы явитесь, и отправить в Карантин. Они, вероятно, скоро придут.

— Что?.. Меня... в Карантин?..

— Скорей уходите и скройтесь куда-нибудь, миссис.

— Спасибо, я никогда этого не забуду, Дженни.

И, пожав крепко руку горничной, она вышла из квартиры.

Быстро спустившись по лестнице, она направилась к поджидавшей ее машине. В этот момент из парадного подъезда выбежал швейцар и бросился к ней.

Аннабель вскочила в автомобиль.

Аннабель чувствовала какое-то облегчение, какую-то радость при мысли, что она так легко ушла из мира, в который попала случайно.

Она не чувствовала жалости к оставленной беззаботной жизни: как легко она вошла в мир золота, лжи и притворства, так и легко оставила его, бросив без сожаления там свои драгоценности и наряды.

Какая-то легкость овладела ею.

Мелькали мимо встречные машины, прохожие, витрины, магазины. Аннабель, несмотря на серьезность положе-

ния, чувствовала себя, как школьник, убежавший от строгого учителя. Она не могла победить непреодолимого желания сошкольничать и, проезжая мимо постового полисмена, с серьезным видом, растопылив пальцы обеих рук, состроила ему длинный нос.

Полисмен уже поднес ко рту свисток, чтобы остановить ее машину, но рассудил, что с такой шикарной дамой, которая позволяет себе строить носы полисменам, вероятно, опасно связываться, и отвернулся, приняв равнодушный вид.

Глава XI

ОН КУПИЛ, А Я ВЗЯЛ

Как и всегда, в этот вечер должны были столкнуться вместе Арчибальд Клуks и Катя, но совсем не по обоюдному желанию, а по требованию сурового режиссера, называемого случайностью.

Ни Арчибальд, ни Катя не были постоянными завсегдатаями подобных увеселительных мест. Первого пригнала сюда мысль столкнуться, связаться с лицами из чужого мира, чтобы найти возможный ответ на ощутительный пробел в занумерованных сводках, лежавших в папке под литерой А (срочно). Вторую, или, вернее, вторых, то есть Катю, Крега, Джона и Тзень-Фу-Синя, — желание перебраться несколькими фразами с обязательно спокойным, старым испытанным другом Ван Роозом.

Инициатором этого визита был Крег, на которого нахлынули воспоминания молодости, жажда безрассудных приключений и отчасти желание встряхнуться без опасения натолкнуться на чересчур длинные уши или чрезвычайно любопытные глаза.

Когда в курильню вошел Арчибальд, то общая зала уже была переполнена. Тут были и элегантные люди с улицы Ульсуса Ван Рогте, и одетые в лохмотья китайцы, которые,

опустив глаза и смотря на кончик трубки, курили опиум, и тут же лежали группами клерки, пришедшие за несколько долларов купить недорогое счастье забвения.

Одуряющий специфический запах ударил в голову Арчибальда, и он, преодолев отвращение, прошел в дальний конец, из которого можно было наблюдать, и заказал несколько трубок.

Только пара трубок — и его мысли приняли другое течение. Как будто все подернулось дымом, и через его извивы он видел сладострастные картины обнаженных женщин.

Немного одурманенный, но не потерявший себя, а чувствующий только необычную легкость, Арчибальд встал и пошел по зале. Его желание найти связь не покидало его ни на минуту, и он каждое лицо внимательно взвешивал, определяя его внутреннее положение.

Лица не были интересны, и он даже почувствовал некоторую досаду на себя, что поверил Дройду.

— О, в курильне всегда явки, — прошептал он, повторяя слова Дройда, и иронически улыбнулся.

На минутку остановился, чтобы пропустить несколько пар, танцующих лэнсберри-скотт не то под патефон, не то под громкоговоритель, и увидел стоящую на другом конце зала Катю.

Арчибальд Клуks вздрогнул. Ему показалось, что эту женщину он когда-то видел, но сразу вспомнить — где, он не мог. Но и было трудно. Великолепный парик совершенно изменял лицо Кати, а элегантное платье скрадывало знакомую фигуру.

Но даже этой маленькой зацепки сознания для Арчибальда было достаточно, чтобы он весь насторожился. Он перестал жалеть о своем визите сюда и, остановившись, стал наблюдать за ней.

Катя, прислонившись к стене, чувствовала себя чуждой этому миру наркоза, этим людям, искавшим выхода из жизни в забвении.

Ей все было чуждо.

И только музыка и танцующие своим ритмом напоми-

нали о жизни, о движении.

— Вы давно здесь? — ласково улыбаясь, подошел к ней Ван Рооз.

Он сразу ее узнал. Никакие переодевания, никакие парики не могли скрыть от его опытных глаз знакомого человека.

— Нет, не очень, — сделала радостное движение к Ван Роозу, но быстрый жест руки остановил ее порыв.

— Идите за мной.

И Ван Рооз, даже не задержавшись на минуту, продолжал обходить своих гостей, раскланиваясь одинаково любезно как с хорошо, так и с бедно одетыми клиентами.

Но и этот мимолетный разговор и эта мгновенная вспышка радости на лице женщины не скрылись от внимательных глаз Арчибальда.

«Да, кажется, Дройд прав», — мысленно подтвердил Арчибальд, следя за женщиной, двинувшейся за ушедшим Ван Роозом.

Пройдя несколько шагов, Арчибальд натолкнулся на небольшую оживленную группу, весело смеявшуюся. В центре ее стоял в потертой бархатной куртке человек неопределенного положения с молоденькой девушкой.

Из отдельных выкриков Арчибальд понял, что он продает девушку. Невольно заинтересовавшись, он примкнул к группе.

С другой стороны к этой же группе подошли запоздавшие Джон, по обыкновению одетый туристом, и Тзень-Фу-Синь. Последний походил на благообразного негоцианта из Шанхая. Из предосторожности он украсил свое лицо длинной, острой бородкой и усами, а глаза скрыл большими круглыми очками.

— Смотри, Джон, опять этот, — толкнул Тзень-Фу-Синь локтем Джона.

Окружающие весело пересмеивались и торговались с потертым человеком.

— Бери, хорошая цена.

— Нет, не могу, мало.

К группе подошел Ван Рооз и, сделав недовольное лицо, оглядел присутствующих.

— Ван Рооз! — закричало несколько человек. — Ну, скажи, какая цена за девушку?

— Идите на улицу. Ван Рооз не докупает и не продает людей, — строго ответил он.

— Ваша цена? — невольно спросил Арчибальд, выступая вперед.

С другой стороны в круг вошел Джон.

— Эта девушка продается?

— Да, — ответил человек в потертой куртке, — продается.

— Эта девушка моя, — произнес Арчибальд, не привыкший ни в чем встречать сопротивление, и, вынув чековую книжку, вопросительно посмотрел на человека.

Но тот не успел ответить.

— Я ее беру, — сказал Джон, бесцеремонно схватив девушку за руку.

— Он ее купил, — раздались протестующие голоса нескольких клерков.

— Он купил, а я взял. Баста — и все.

— Какая наглость! — завопили клерки, желая выступить перед Арчибальдом, которого узнали. — Да вы знаете, кто он?

— Не надо, не хочу знать. Я взял ее, пусть он попробует ее взять обратно.

— Я с вами встречусь в другом месте и в другое время.

— Мы встретимся раньше, чем вы думаете, сэр, — сказал учтиво Джон и, взяв под руку девушку, прошел на другой конец зала.

— Мои деньги! Где мои деньги? — закричал потертый человек.

— Возьмите у этого господина, — сказал Ван Рооз, и у него чуть-чуть дрогнула бровь левого глаза.

Потертый человек растерянно оглянулся.

— Не волнуйтесь, — одобрительно произнес Арчибальд. — Получите чек на тридцать фунтов.

— За что? Ведь вы...

— Вы должны выследить этого господина. Поняли?

— Это совпадает и с моим желанием. Охотно.

— Тем лучше. Вот мой адрес, — Арчибальд протянул ему свою карточку.

И, не обращая внимания, Арчибальд прошел через одурманенную залу, полную танцующих фантомов, живых мертвецов с синими кругами под впавшими глубоко глазами.

Мимолетный интерес, вызванный сценой торговли, пропал, уступив снова место желанию найти упущенную женщину. Он не стал следить за Джоном, ушедшим с девушкой, не обратил внимания на то, что Джон перекинулся несколькими словами с шанхайским негоциантом, — ему было не до этого. Следить за Джоном он нанял человека. Дело сделано.

Арчибальд искал свою женщину.

Она стояла, эффектная, разговаривая с каким-то джентльменом, которого в последнее время Арчибальд довольно часто встречал в изысканном обществе Капсостара.

«Да это Крег», — чуть не вслух подумал он и улыбнулся тому, что и на этого человека, безобидного, по сведениям, у него в столе лежит дело. Арчибальд двинулся к женщине.

Она, увидев его, как будто улыбнулась.

Арчибальд почувствовал неодолимое желание познакомиться с ней и пошел наперерез к мчавшемуся вихрю танцующих дар.

Голова немного кружилась не то от выкуренных трубок, не то от бесконечного кружения танцующих, не то от музыки джаз-банда, заменившего патефон. Арчибальд в ногах чувствовал слабость.

Он сделал несколько шагов вперед и остановился, попав в крут танцующего хоровода.

— Пустите, мне надо идти.

Но молча, как будто издеваясь над ним, перед ним мчались не лица, а маски нелепого типажа какого-то безумно го режиссера из Голливуда.

— Пустите меня.

К Арчибальду приблизилось бледное лицо с широко

открытыми, неподвижными зрачками глаз.

— Выкуп, на пару трубок.

— Выкуп.

— Выкуп.

И снова перед ошеломленным Арчибальдом завертелось бешеное кольцо тел. Откуда-то из угла загремел джаз-банд, опьяняя, изнурая своим динамическим темпом все эти изломанные, изуродованные жизнью города полуживые трупы.

На мгновение Арчибальду стало страшно. Выхватив пятидолларовый билет, он закричал:

— Берите выкуп.

Но его голос тонул в шуме и пляске.

Кровь бросилась в голову, и Арчибальд бросился на пляшущую стенку, но она не расступилась, а, подавшись назад, продолжала бешеную пляску.

— Возьмите, — кричал он.

Но слова прилипали к языку и падали около, не достигая вертящегося круга. Выхватив револьвер, он выстрелил вверх.

Джаз-банд потух, и Арчибальду, отуманенному выкуренными трубками опиума, казалось, что на него валятся стены и отовсюду ползут люди с трубками в зубах. Ползут, а он в центре один; кругом каскадом водопада замерли, не падая, волны вздыбленных вверх людей, запечатленные рукой Рене Клера в безумном кадре остановки динамики.

А впереди была улыбка неизвестной женщины. Ее глаза фиксировали Арчибальда, и ее улыбка предназначалась ему, только ему одному.

Как пьяный, он шел к ней.

Подошел. Поклонился. В ушах раздался звон, глухой шум, в глазах закружились оранжевые и голубоватые круги, и он упал на пол.

— Это с непривычки, — сказал подошедший Ван Рооз и хлопнул в ладоши.

На этот сигнал подбежало два китайца, которые, поклонившись Ван Роозу, медленно подняли Арчибальда и вынесли его в следующую комнату.

— Готов? — спросил Крег.

Ван Рооз чуть склонил голову.

Крег, подхватив Катю, понесся в танце через залу к выходу.

Танцуя, пролетели вестибюль курильни и остановились у лестницы, подымавшейся вверх на улицу.

— Ты была бесподобна, Кетти.

К ним степенно подошел Тзень-Фу-Синь, поглаживая свою острую бородавку.

— Моя здесь.

Катя и Крег-Энгер переглянулись и весело расхохотались.

— Постой, — прошептал Энгер, — есть идея. Но, право, даже стыдно сказать, — сумасбродная... Но я почему-то снова чувствую себя молодым и даже способным на глупости.

— Ты опять за старое.

— Я все выполнил, что требовалось, я относительно свободен, — как бы оправдываясь, прошептал он.

— Но ведь последние дни...

— Вот именно, последние. Решено, Катя?

И, не ожидая ответа, он, быстро нагнувшись к Тзень-Фу-Синю, коротко рассказал свой план.

Катя с некоторой гордостью и волнением смотрела в его полное энергии лицо.

— Ну, Тзень-Фу-Синь, не увлекись, помни о деле.

— Моя помнит все.

И, кивнув головой, Тзень-Фу-Синь степенно вернулся в курильню.

— Итак, игра сделана, — улыбнулась Катя. — Я жду твоих распоряжений.

Глава XII

КОМНАТА НЕФРИТОВЫХ ДРАКОНОВ

Энгер вошел в зал.

Все курильщики извивались в опьяняющем хороводе ленсберри-скотта, опьяненные и музыкой джаз-банда, и черным дымом, колебавшимся под потолком.

Безумие струилось отовсюду, и Энгер почувствовал, как сразу отяжелела голова и как тело поддалось очарованию дикого динамического ритма.

Так бы и броситься в середину, разбрасывая всех в стороны, вскочить на тачанку и мчаться вихрем через все эти кабаки, через эти безумные города плоти, обжорства, шелка, разрывая бомбами животы, опавшие полушариями на толстые тумбы ног...

Провел рукой по лбу и улыбнулся. Протиснулся около стенки вглубь зала и, пораженный, остановился.

На скамейке, позади вихря танцующих, подняв руку вверх к оранжевому фонарю, стараясь перекричать музыку и шум танцующих, говорил речь Ян Спара.

Пола его сюртука развевались, хлопая по тонким жердям ног. Закинув голову вверх, он в непривычном возбуждении кричал какие-то слова, и Энгеру сначала показалось, что он проклиная танцующих, угрожая им адом, но, придвинувшись ближе, услышал:

— Истинно говорю вам, если не будете веселиться, как дети, не войдете в царствие божие. И потому вы все, танцующие, приближаетесь к царствию небесному. Я благословляю вас. Веселитесь, будьте, как дети.

Ян Спара не мог остановиться и говорил, все время повторяя почти одни и те же фразы.

— Новый Савонарола, — усмехнулся Энгер и, поймав за плечо проходившего мимо боя, сказал: — Проведи меня в комнату нефритовых драконов.

— Как, мистер? Ведь в эту комнату вносят только бесчувственных, а вы, мистер, еще неплохо себя чувствуете...

— Это не важно, там находится мой друг, а мне его нужно увести отсюда. — И Энгер сунул ему в руку доллар.

Бой, подбросив доллар вверх, ловко щелкнул по нему зубами и удовлетворенно сказал:

— Идемте, — и повел его мимо пляшущих, извивающихся тел.

Арчибальд, очнувшись, почувствовал сильную боль в голове и долго не мог сообразить, где он находится.

Кругом по стенам плыли нефритовые драконы, их глаза, зловеще поблескивавшие на мрачных стенах, протягивались по направлению к нему.

Арчибальд сел и прислонился спиной к стене.

Комната плыла, и драконы как будто жили на стенах и потолке. Он видел, как змеятся их кольца, и, казалось, слышал шуршание чешуи, и ему даже чудилось, что драконы приближаются к нему, ляская по полу когтями.

И в самом деле, в комнате слышался тихий лязг, и, оглянувшись, Арчибальд увидел, как к нему подползает какая-то фигура с длинным китайским ножом в руках. Арчибальд хотел вскочить, но сильная боль в голове и опьянение приковали его к месту; он вскочил, но стукнулся головой о стену и снова упал на прежнее место, потеряв сознание.

Пришел в себя от сильного встряхивания. Перед ним был Тзень-Фу-Синь. Крепко сжатые губы и блестящие глаза говорили ему слишком много. Арчибальд понял, что ему придется рассчитаться за все с этим китайцем. Мускулы его были парализованы, и он со стоном, раскрыв глаза, прошептал:

— Что вам угодно?

— Моя знает, — сказал Тзень-Фу-Синь, поднимаясь и стискивая своими пальцами руку Арчибальда. — Я — Тзень-Фу-Синь, — и он быстро оглянулся, ища глазами Энгера.

Арчибальд давно его узнал, но закрыл глаза, не желая видеть ни блеск жестокости глаз, ни длинного китайского ножа.

В комнате было тихо, и он с отчетливой ясностью слышал, как пульсировало его сердце, и с нетерпением ждал,

когда нож с мучительной болью вдавится в его тело. Но удара не последовало.

Арчибальд услышал шум и увидел, что китаец борется с каким-то джентльменом, который, опрокинув его на землю, душил за горло. Борьба была сильная и дикая.

Энгер встал и повернулся к Арчибальду.

— Простите за нарушение вашего одиночества. Я очень рад, я, кажется, спас вас от ограбления.

— Мистер Крег, я глубоко благодарен вам, вы спасли меня не только, от ограбления, но и от смерти. Неужели вы убили эту собаку?

— Я думаю, — сказал Энгер.

Арчибальд признательно протянул ему руку.

— Я никогда не забуду вашей услуги.

Во время разговора Тзень-Фу-Синь осторожно и тихо выполз из комнаты нефритовых драконов.

— Разрешите вам помочь, сэр Арчибальд. Вам, кажется, немного не по себе после этой проклятой курильни.

— Я вам буду очень благодарен.

Поддерживаемый Энгером, Арчибальд прислонился к стене дома. Хотя свежий воздух и привел его в сознание, но ноги и руки отказывались служить. Ему казалось, что его сердце, переполненное кровью, разорвется.

Но, несмотря на это, он старался связать в одно целое и покушение и спасение, досадуя на себя, что не догадался убедиться в смерти китайца.

Он стоял, жадно вдыхая воздух, и ждал дальнейших событий.

Он знал, что этот район был вне городского движения, но был уверен, что вот-вот появится автомобиль, и что в этом автомобиле будет она...

Энгер несколько раз предлагал пройти дальше, но Арчибальд отказывался. Он был уверен в своих предположениях и ждал подтверждения.

В конце пустынной улицы показалась пара ослепительных фонарей, и около них остановился автомобиль.

И в нем была она.

Арчибальд улыбнулся: он был прав; даже не слушая их

разговора, он позволил себя усадить. Несмотря на невероятную: силу воли, он чувствовал, что снова теряет сознание.

Автомобиль помчался.

Как сквозь сон, чувствовал Арчибальд упоительный ритм движения, и в ушах раздавалась музыка его любимого танца, а в глазах кружились сцепившиеся пары. Перед ним сквозь туман маячил пленительный профиль Аннабель, сменившийся профилем незнакомки. Преодолевая свою полудремоту, он увидел склонившуюся над ним незнакомку.

— Мистер Арчибальд, мы приехали.

Почтительно поцеловав ее руку, Арчибальд при помощи шофера вышел из автомобиля.

— Ваше имя? Я должен знать, кому я так обязан. Ваше имя...

— Мадам Странд, — улыбнулась она. — До свиданья.

— До скорого, — произнес Арчибальд, снимая шляпу и улыбаясь удалявшемуся автомобилю. — До скорого, — и резко добавил: — В Комитете.

Глава XIII

ДЕЙСТВУЙТЕ, АРЧИБАЛЬД!

Экстренное заседание Комитета человеческого спасения, созданное через день после событий в Стеклянном доме, началось в состоянии общей подавленности.

Осунувшийся и как будто постаревший за одну ночь, Флаугольд сидел молча, с крепко сжатыми губами, совершенно неподвижный, и только за скулами у него беспрестанно перекачивались два шарика.

Лицо Арчибальда Клуksа заострилось и носило явные следы бессонной ночи, но глаза у него блестели лихорадочной энергией.

Профессор Ульсус Ван Рогге как будто сохранил свою кажущуюся невозмутимость, но его нервное подергивание левого глаза и беспрерывное поглаживание голого черепа

показывали, что и он выбит из колеи и обычного спокойствия.

У генерала Биллинга был взволнованный вид, он пыхтел и каждую минуту вытирал пот на лице и за воротником мундира на шее.

Один Барлетт по-прежнему иронически кривил губы и, щури глаза на всех, беззаботно играл костяным ножом для разрезывания бумаги.

Президента Капсостара не было: его попросту забыли пригласить,

— Объявляю заседание открытым, — ни на кого не глядя, утрюмо заговорил Флаугольд. — В повестке дня два вопроса: первый — о вчерашнем событии в Стеклянном дбме и второй — о порче аппаратов К-лучей в Карантине Забвения.

При последних словах Флаугольда среди членов Комитета началось движение и перешептывание. Даже Барлетт вышел из состояния безмятежного спокойствия, перестал играть ножом, и на лице его мелькнул испуг.

Флаугольд постучал карандашом по столу.

— Слово для доклада предоставляется мистеру Арчибальду Клукусу.

Арчибальд Клукс встал:

— Господа, — начал он, окидывая собрание быстрым взглядом, — я не стану задерживать вашего внимания на недавнем событии в Центральном Стеклянном доме: вы все были свидетелями его. Считаю необходимым доложить Комитету о фактах, установленных следствием, и о принятых мерах. Как только выяснилось, что весь выпуск девушек исчез, стало очевидным, что мы имеем дело не со случайностью, а с заговором. Следующие факты подтвердили это: во-первых, кабель от электрической станции к Стеклянному дому оказался перерезанным в нескольких местах, так что починить его удалось только к утру; во-вторых, телефонная связь также оказалась нарушенной. Тем не менее, благодаря исключительной распорядительности полицейского наряда при Стеклянном доме, уже через полчаса удалось стянуть крупные полицейские и военные силы, оце-

пить весь район Стеклянного дома и начать планомерные поиски бежавших девушек и преступников. Одновременно были разсланы отряды по всему городу с приказанием задерживать всех мало-мальски подозрительных лиц, Я лично принял на себя руководство облавой и допросом задержанных. Эти меры продолжались до самого утра; было арестовано много мелких уголовных преступников, значительная группа задержанных еще проверяется; но среди них безусловно нет ни одной из бежавших девушек и, вероятно, ни одного из тех, которые организовали это преступление. Все указанные обстоятельства, а также разбросанные в большом количестве прокламации доказывают, что деятельность партии, которую мы считали ликвидированной, возобновилась и что последнее преступление в Стеклянном доме — дело ее рук. Нет сомнения, что возобновление революционной деятельности связано с прибытием из Советского Союза группы большевистских эмиссаров, в частности большевички по имени Катя, бежавшей из Карантина Забвения. Кроме того, то обстоятельство, что преступники вместе с девушками могли в течение такого короткого времени бесследно скрыться, свидетельствует о том, что у них заранее было приготовлено убежище. Это возвращает нас к вопросу о так называемом «городе Звезды», который, по слухам, находится под Капсостаром и служит штаб-квартирой для всех преступников и революционной организации в частности. До настоящего времени все попытки обнаружить «город Звезды» ни к чему не привели. Неоднократно агентурой устанавливалось, что город существует, но все агенты, которым поручалось найти его, неизменно исчезали, и нет сомнения, что все они погибли. Таким образом, в данный момент перед нами стоят задачи предохранить народные массы от нового проникновения к ним революционных идей и уничтожить революционную организацию, для чего необходимо во что бы то ни стало обнаружить и разрушить ее цитадель, «город Звезды». Для разрешения этих задач, по моему мнению, необходимы следующие меры: 1) объявить город на военном положении; 2) назначить крупные денежные награды тем, кто

укажет преступников; 3) мобилизовать все общественные организации и, наконец, 4) предоставить для борьбы с революцией диктаторские полномочия одному лицу по назначению Комитета. Я кончил.

Клукс поклонился и сел.

В комнате царило молчание.

— Кто из джентльменов желает высказаться?

Снова молчание.

— Желающих высказаться нет, — констатирует Флаугольд. — Имеются ли возражения против предложений мистера Клуksа?.. Возражений нет. Остается указать лицо, которому мы вручим диктаторские полномочия.

Пауза.

Генерал Биллинг приосанился и строго посматривал по сторонам — выбор, несомненно, должен пасть на него.

— Предлагаю передать диктаторскую власть сэру Арчибальду, — добавил Флаугольд. — Имеются ли возражения?

На лице генерала Биллинга — разочарование и обида; он усиленно вытирал пот с лица и шеи и от волнения даже расстегнул воротник.

— Переходим к следующему вопросу, — продолжал Флаугольд. — Сообщение сделает сэр Арчибальд.

Клукс снова встает и кратко излагает весь материал, который накопился против Корнелиуса Крока: подозрительные обстоятельства бегства Кати, исчезновение заключенного из камеры № 725 и, наконец, последнее сообщение Грессера о порче аппаратов лучей К.

— Как только мною были получены сведения о порче аппаратов, — добавил Клукс, — я немедленно снесся с уважаемым профессором, и он лично произвел секретную проверку аппаратов. Показания Грессера подтвердились полностью: три самых мощных аппарата, через которые пропусклась главная масса стерилизуемых, испорчены и надолго.

Профессор Ван Рогге, не поднимая глаз, кивнул головой.

— Так как аппараты находились в ведении Корнелиуса Крока, то вполне очевидно, что без его участия их испор-

тить не могли. В наших руках имеется достаточно улик против Крока, но, полагая, что арест его без ведома Комитета может встретить возражения со стороны отдельных членов, я принял меры к тому, чтобы он не ускользнул, а вопрос о судьбе его ставлю на разрешение почтенного собрания.

— Кто из джентльменов желает высказаться? — задал стереотипный вопрос Флаугольд.

— Я слишком давно знаю Корнелиуса Крока, — заговорил глухим голосом профессор Ван Рогте, — чтобы поверить, что он может совершить такое преступление. И теперь, вопреки очевидности, я полагаю, что он не преступник, а жертва чьего-то преступления.

— Предлагаю, — жестким тоном сказал Флаугольд, — на основании диктаторских полномочий сэра Арчибальда предоставить ему принять против Корнелиуса Крока те меры, какие он сочтет нужным. Возражений нет?

Ответом было тяжелое молчание.

— Заседание закрыто.

Расходились молча. Один Биллинг вполголоса, со страхом оглядываясь по сторонам, жаловался Барлетту:

— Подумайте, сэр Барлетт, как это ужасно! Мы считали, что Карантин уничтожил всех большевиков, а теперь оказывается, что мы со всех сторон окружены большевиками, и даже под землей, на которой мы ходим, тоже большевики.

— А вы полегче ходите, генерал, — посоветовал Барлетт, — и на всякий случай приготовьте аэроплан: тут не Одесса, английской эскадры нет.

Флаугольд задержался дольше всех.

— Действуйте, Арчибальд, действуйте, — пожал он на прощанье руку Клуксу. — Я слишком много миллионов загнал в вашу проклятую республику и не желаю потерять ни одного доллара.

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛА БИЛЛИНГА

«1000 долларов. — Награда! — 1000 долларов.

Комитет человеческого спасения приказывает задержать или указать местопребывание большевика, агента преступной шайки — прибывшей из СССР, по имени Катя.

Выезд из пределов республики всем воспрещается».

Это объявление кричало со страниц всех газет, гигантскими буквами чернело на стенах небоскребов и падало с неба тысячами летучек.

Газеты снова с жаром начали кампанию против Союза, снова запестрели объявлениями организаций «черных рубашек» и разных отрядов Комитета.

И снова вся страна была охвачена паникой, предвкушая войну, одновременно и желая и боясь ее.

Только один человек был вне сферы событий. Это был недавний пациент камеры № 725, или, вернее — Корнелиус Крок.

Корнелиус. Крок постепенно приходил в себя после камеры № 725 и усердно знакомился с положением Карантина и с новыми делами. Он только что вошел в кабинет, вернувшись из лаборатории, весело насвистывая ариетку, снял с себя сюртук и аккуратно повесил его на вешалку.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть. Он никого не ждал.

— Кто там?

— Отворите. Пакет из Комитета человеческого спасения.

Корнелиус открыл дверь и отошел в сторону, уступая дорогу входившим нескольким служащим Комитета и Арчибальду Клукусу.

— И вы, мистер Арчибальд, — удивленно сказал он и протянул ему руку, но Арчибальд, как бы не замечая протянутой руки, остановился перед ним.

— Мистер Корнелиус Крок, по приказанию Комитета человеческого спасения вы арестованы.

— Меня арестовать? За что?

— Вы это знаете лучше, чем кто-нибудь. — И, обращаясь к людям, сказал: — А вы делайте свое дело.

— Ордер, дайте мне ордер! — закричал Корнелиус. — Я не допущу ничего без ордера.

— Не беспокойтесь, ордер есть. Мистер Корнелиус, для какой цели вы испортили аппараты лучей К?

Крок побледнел и схватился рукой за кресло.

— Аппараты... испорчены?..

— Не притворяйтесь. Это установлено самим профессором Ульсусом Ван Рогге.

Крок молча смотрел на Клуksа с ужасом в глазах. Потом вдруг схватился за голову.

— Я знаю, чьи это шутки. Это опять он... он...

— Кто он? — живо спросил Арчибальд.

Но Корнелиус внезапно замолчал, пугливо оглядываясь. Он более боялся неизвестного, только что недавно сбросившего его имя, чем Клуksа.

— Выемка произведена, — отпартовал один из агентов.

— Хорошо, — сказал Арчибальд. — Мистер Корнелиус, вы, надеюсь, пойдете, как джентльмен, и мне не придется надевать на вас наручники.

— Хорошо, я готов.

Генерал Биллинг, не отличавшийся большой храбростью и наученный горьким опытом, не доверял никаким приказам: ведь он их сам отдавал десятками.

Вспоминая свои былые дни, он рассматривал объявления о Кате и, сравнительно беззаботный, взвешивал награду, сожалея о том, что она объявлена поздно для него.

— Я ее задержал первый, не удержали сами, а теперь кричат о награде, о диктатуре, — и, засунув правую руку в карман, повернулся на каблуке.

— А, добрый вечер, Корнелиус! — закричал он и осекся, увидев рядом с ним в машине серьезное лицо Арчибальда Клуksа.

— Уже... — меланхолически произнес он.

Целую улицу преследовали его объявления о Кате, то в виде светящихся реклам, то в виде летучек, сыпавшихся сверху, то рычали совершенно неожиданно из громкоговорителей.

Расстроенный, он вернулся домой.

«Начинается, — думал он, расхаживая по своему кабинету. — Куда же теперь удирать? Некуда».

Со стоном опустил в кресло и принялся за просмотр бумаг, но не мог сосредоточиться, не мог работать.

Снова поднялся и прошелся по комнате, заложив руки а-ля Наполеон, за спину. Эта поза придавала ему значительность в собственных глазах и всегда его подбадривала. Она и на этот раз немного его успокоила.

«Надо развлечься», — подумал он, подошел к громкоговорителю, включил его и, усевшись в покойное кресло, стал слушать.

Комната наполнилась звуками ленсберри-скотта, которые привели генерала в игривое настроение. Танец сменился скабрезными анекдотами, потом прогремел биржевой отчет, и генерал с удовольствием отметил, что некоторые из принадлежащих ему акций поднялись. Потом новости из великосветской жизни, сообщения об изъятии английскому королю верноподданнических чувств Макдональдом и Хиксом. Потом картавящий женский голос прорекламиривал резиновые изделия и парфюмерию, а потом...

— Товарищи, недалеко тот час, когда мы свергнем ненавистную силу капитала...

Генерал Биллинг помертвел. Бросился к громкоговорителю и дрожащими руками выключил ток. Подбежал к окну и выглянул на улицу.

Улица кипела жизнью. Никакого впечатления не произвело на нее то, что выкрикивал несколько минут назад громкоговоритель.

«Мне это, вероятно, причудилось, нервы совсем истрепались», — подумал Биллинг и опять повернул выключатель. Громкоговоритель выкрикивал объявления о пудре, о полете на луну и снова рассказывал последние анекдоты.

Биллинг спокойно улыбнулся. «Ну, конечно, причудилось». И он подошел к своему креслу, но в этот момент опять раздались ужасные слова:

— Единение, товарищи, спайка...

Не помня себя, генерал сорвался с кресла и, весь дрожа, выключил громкоговоритель.

— Нет, это мне не кажется, — проговорил он, со страхом оглядываясь. — Но куда бежать? Куда ж бежать?

— Некуда, — услышал он голос.

С испугом повернулся. Перед ним стоял его бывший адъютант Энгер.

Пронзительные глаза Энгера смотрели на него.

— Вы? Не может быть!

— Да, генерал, это я. Не ожидали?

— Не может быть, не может быть, — твердил насмерть перепуганный Биллинг.

— Не только может быть, но в действительности есть. Я не призрак, можете убедиться.

И, говоря это, Энгер сделал несколько шагов к генералу.

— Не подходите, не подходите! — отступая, махал руками Биллинг.

— Сядьте в это кресло, генерал, сидите смирно и не шевелитесь, — грозно проговорил Энгер.

Биллинг послушно опустился в кресло и, выпучив глаза, смотрел на Энгера.

Тот подошел к бюро и стал рыться в ящиках, рассматривая папки с бумагами. Уголкем глаза он в то же время посматривал на Биллинга. Генерал зашевелился в кресле.

— Смирно! — тихо, но грозно скомандовал Энгер, в упор глядя на него.

Генерал Биллинг застыл.

Наконец Энгер выбрал одну из папок.

— До свиданья, генерал, до скорого, — и, улыбнувшись, скрылся за дверью.

Тут только генерал опомнился и, схватив со стола револьвер, произвел два выстрела в дверь.

В комнату вбежали испуганные ординарцы.

— Ловите, держите его! Он только что был здесь...

Ординарцы испуганно переглянулись.

— Ловите его, говорю я вам!

И генерал с револьвером в руке бросился в соседнюю комнату. Никого!

— На меня только что было произведено покушение, со стола похищены бумаги. Обыскать всю квартиру!

Ординарцы бросились выполнять приказание. Боясь остаться в одиночестве, генерал оставил при себе адъютанта.

— Скажите, поручик, вы ничего не слышали по радио?

— Только что, ваше превосходительство, сообщили, что один из исполнителей пытался читать большевистские прокламации, но был моментально арестован и отправлен в Комитет.

Генерал задумчиво потер себе лоб.

«Был или не был? Привиделось, или на самом деле?..»

Пришли ординарцы и доложили, что в квартире никого не обнаружено. Генерал отпустил их.

Подошел к бюро и стал проверять бумаги.

Папки с дислокацией и сведениями о численности армии не было. Вместо папки лежала записка: «Бегите, пока не поздно. 7 + 2».

— Нет, это не сон, — сказал Биллинг, со стоном опускаясь в кресло.

Эту ночь бодрствовал не один Биллинг. Генералу мешал страх; он лег в постель, но боязнь нового появления Энгера отгоняла всякое желание сна.

За своим рабочим столом проводил свою очередную ночь Арчибальд Клуks, сравнивая диаграммы роста организаций фашистского движения с количеством рабочих несколько зашевелившихся заводов, на которые никто не обращал внимания: слишком ничтожны, слишком слабы были проявления пассивного протеста. Но тот факт, что они уже появились, нагнал задумчивые морщины на лоб Арчибальда.

Подсчитывая численность и тех и других, Арчибальд подписал приказ о выдаче огнестрельных припасов и оружия в арсеналы местных организаций Комитета.

И совсем по третьей причине не мог спать Корнелиус

Крок.

С момента, когда за ним захлопнулась тяжелая дверь камеры, Корнелиус не переставая в бешенстве бегал по камере, кусая свои руки.

— Это он... он... проклятый, — иногда вскрикивал он, вызывая смущение часового, приставленного к камере.

Целую ночь бегал Корнелиус, пока, наконец, под утро не свалился в изнеможении у порога.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЬЯНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Глава I

ДРОЙД ЗАВОДИТ СВЯЗИ

Слухи, распространявшиеся с невероятной быстротой по городу, как-то замирали, доходя до суровой постройки с четырьмя неуклюжими башнями по углам, с маленькими окнами, забранными решетками, с воротами на запоре и мерно шагающими часовыми у каждой стены и башни. Сюда слухи не доходили. Это было царство другого мира, другой эпохи. Здесь все было так же, как сотни лет назад.

Чудовищной толщины стены разделяли камеры друг от друга, а в них заржавленные решетки, скрипучие двери и нары.

Как и всегда, около тюремного замка ютились жалкие лавчонки, и только одна харчевня с прибитым окороком вместо вывески держалась весело и гордо.

Виллиам Дройд, сидевший за кружкой пива, вызывал целый ряд предположений у завсегдатаев харчевни. Несмотря на то, что он одел самый скромный костюм, он выделялся блестящей золотой мухой среди маленьких черных мушек в застиранных костюмах. Его цилиндр, стоявший на столике, вызывал ненависть и любопытство.

Харчевня служила местом сбора всех окрестных жителей, искателей приключений, считавших за лучшее постоянно вертеться около мундиров тюремных солдат, торчавших в харчевне.

Даже мундиры гармонировали со всей обстановкой, и без них само существование харчевни казалось бы невымыслимым.

Дройд попал сюда, загнанный идеей добиться интервью с Корнелиусом Кроком. И в ожидании счастливого случая пил пиво и лениво набрасывал строчки своего интервью с Корнелиусом. В конце концов ведь не важно, добился ли он свидания или нет, говорил ли он с ним или нет, важен сам фельетон, важно хлесткое название, а важнее

всего звон долларов, которые он мысленно пересчитывал у себя в кармане.

— А сержанта Гранро все еще нет?

— Еще не приходил.

— Ну, так дайте мне стаканчик рома, веселей будет ждать, — громко и уверенно раздалось над головой Дройда.

Дройд поднял голову и увидел великолепный пробор, прекрасно выбритое лицо с выразительно-насмешливыми глазами. Этот человек показался Дройду верхом благородства и изящества. Но это было только на мгновение, пока Дройд не увидел чрезвычайно потертый пиджак, выдававший лучшие дни.

«Как можно ошибиться! — подумал Дройд. — Никогда нельзя верить первому впечатлению».

Незнакомец выпил, с удовольствием крякнул и опустился за соседний столик.

— Еще кружку, — попросил Дройд.

— Слушаюсь, ваше сиятельство, — стоял лакей и не уходил, перебирая конец грязной салфетки. Но, не дождавшись со стороны Дройда расспросов, он произнес в пространство:

— А он очень странный человек, очень.

— Вы о ком?

— Да о нем, об этом господине. Вы посмотрите, ваше сиятельство, на него: он анархист. Анархист самой чистой воды. А знаете, кем он был? Был князем, имел дворцы, а теперь едва имеет несколько шиллингов на ром и виски. Ей-богу, нельзя поверить этому, ваше сиятельство. А главное, он такой анархист, что никаких властей не признает.

Дройд прищурился на этого князя, самоуверенно позировавшего за столом.

— Он, значит, из русских князей?

— Ну, что вы! Совсем невозможная мысль. Русские все большевики, а он — наследник испанского престола.

— Как, разве это Альфонс XIV?

— Тише, ваше сиятельство, он не любит прошлого, которого стыдится, он здесь просто мистер Хозе.

У Дройда пронеслась великолепная мысль, что он сно-

ва натолкнулся на идею блестящей статьи, и мысленно он видел ее напечатанной на первой странице «Дэйли мэйл» под заголовком: «Князь из харчевни».

— А, вот и ты, дружище, — завопил мистер Хозе, ответственно подымая руку к вошедшему в харчевню дородному сержанту в заплатанных галифе, с лицом, багровым от дружеских попоек.

— А, здравствуй, Хозе. А я, брат, — и сержант лихо закрутил в колечки усы, — повстречался с одной красавицей. Боже мой, что за плечи, что за выправка, стройна, как дуло винчестера...

— Брось свои огнестрельные выражения.

И Хозе щелкнул кружкой по кружке сержанта.

Дройд знаком подозвал лакея, тот услужливо подбежал и, не дожидаясь вопроса, доложил:

— Сержант Гранро, начальник охраны замка.

— Какого замка?

— Как — какого? Вот этого, — и грязным пальцем указал через окно на серую суровую тушу тюрьмы.

Дройд оживился, сразу же решил войти в контакт с ним и приказал лакею подать им бутылку рома.

— Ну, теперь она моя. Понимаешь? Ну, кто может устоять против меня? Никто, право, никто. Я на нее посмотрел так, а потом — сударыня, мадонна, ангел, назначьте мне randevu.

Окружающие посетители весело захохотали.

— Браво, сержант.

— За ваше здоровье.

— Ну, и что же? — спросил Хозе, ожидая, когда сержант отопчет несколько глотков ответного тоста.

— Она придет сюда.

Хозе захохотал.

— Ну и врешь, Гранро. Чтобы она да зашла в эту дыру!..

Сержант молодцевато расправил грудь, вздернул голову вверх и, оглядев столики, с удовольствием не сказал, а возвестил:

— Да, надо сознаться, здесь дыра, да и очень грязная, очень грязная, говорю я, но все-таки она придет сюда.

Хозе и соседние столики залились хохотом. Они давились хохотом каждый раз, когда взглядывали на багровое лицо сержанта, сплошь покрытое прыщами самой разнообразной формы и величины. Но смех затих и грохот хохота замер, когда, хлопнув дверью, в харчевню вошла женщина.

Сделалось тихо, даже сержант был в оцепенении, видя, что его хвастливые слова исполнились. Все завсегдатаи удивленно уставились на сержанта, с ожиданием следя во все глаза за каждым его движением.

Женщина нерешительно сделала несколько шагов вглубь харчевни.

Дройд, вообще большой любитель женщин, быстро встал и, поклонившись ей, галантно произнес:

— Сударыня, прошу за мой столик.

— Благодарю вас.

И женщина, преследуемая гневными взглядами сержанта, села за столик Дройда.

— Ну? — улыбаясь, прошептал Хозе.

Но сержант оцепенел, он сидел, не сводя глаз с женщины, и только одни пальцы с заплывшими ногтями напряженно сгибались и разгибались.

— Ты проучи этого цилиндроида, — прошептал Хозе, — чтоб он забыл дорогу сюда, в единственно честное место во всем городе. Спроси его документы, и если...

— Я его сейчас распатр-р-роню, — наконец выговорил сержант, грузно поднимаясь с места.

Но как раз в этот момент лакей на столик перед ним поставил бутылку рома и два стакана.

— Это ты требовал? — вопросительно обернулся к Хозе сержант. — Ты смотри, без меня не пей.

— Я не требовал.

Перегнувшись через стол, лакей, обязательно показывая глазами на Дройда, доложил:

— Это они... Подай, говорит, этим симпатичным людям лучшего рома.

— Ах, так. А что ты, каналья, подал? Что? Это, по-твоему, лучший? — загорячился сержант.

— Виноват, это по ошибке, я сейчас.

И лакей, схватив бутылку, скрылся с нею в буфет.

Несколько глотков старого рома удивительно подействовали на сержанта, и в его взглядах, бросаемых на Дройда, не было и тени прежней злобы.

Через минуту они были за столиком Дройда. Дройд пил с ними, чокаясь с женщиной, говорил любезности сержанту и совсем подкупил его, обещав написать о его подвигах целую статью.

Он был весел, он предвкушал сенсацию от своего интервью с Корнелиусом Кроком.

Глава II

ПЬЯНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Сержант пил, как бочка, и перед ним Хозе, привыкший здорово пить, казался трезвенником. Дройд делал только вид, что пьет, но зато энергично заказывал напитки.

Как и всегда, вино привело Хозе в грустное настроение, и он вспомнил сцену ухода Аннабель. Сжалось сердце, и он почти почувствовал физическую боль от тоски по невозвратным дням.

«Пить, пить и пить, чтобы свалиться камнем, чтобы ничего не чувствовать, чтобы ничего не представлять, никаких картин, чтобы потушить ревность, чтобы не видать рук, быть может, обнимающих сейчас Аннабель», — скрипнул зубами Хозе и залпом выпил стаканчик рома.

— Гуляй, душа! — заревел сержант. — Пусть знают нас, Хозе, пусть. Сержант Гранро пьет. Ну и что же? Кто имеет против? — Сержант обвел всех пьяным взглядом. — Никто. Кто за?.. Все...

— И воздержавшихся нет, — добавила женщина.

— Пьем — и баста. Пей, Хозе, пей!

Стакан коктейля обжег горло, и по всему телу разлился

огонь, ударил в мозг, и Хозе, стукнув кулаком по столу, испугав Дройда, вскочил.

Скрипят брамсели, реи, шканцы,
А капитан поет и пьет,
Команда пляшет. Смерть ревет
Под звуки бешеного танца...
Вот-вот корабль ко дну пойдет,
Вот-вот корабль вода зальет...*

В голосе Хозе гремел вызов всему, не чувствовалось внутренней приниженности, с лица спала невозмутимая маска конченного человека, и каждая черточка его лица переживала песню.

Даже сержант Гранро перестал пить и в такт ритмически раскачивался, тяжело уставившись на батарею бутылок.

Все в харчевне притихло.

Только на Дройда не подействовала песня: его душа была наглухо заперта в сейфе.

Что ему слова песни-вызова, проникнутые соленым ветром, что ритм, в котором чувствовались вздымающиеся волны бури?

Рослые матросы, сидевшие группой, спаянные океанскими штормами, задумались; их пальцы сжимались в кулаки, и они видели за словами ничего не значащей песни море голов, море рук, по которому, раскачиваемый волнами человеческих жизней, плыл корабль. Не их корабль, нет, корабль, бросивший якорь, корабль, оскорбляющий море разгулом, предсмертной пляской, перед концом, которого не отвратить, но который, быть может, можно еще задержать...

Хозе кончил и устало опустил за стол.

— Хорошая песня, — проворчал матрос, отвечая своим мыслям.

* Из стихотворения Л. Александренко.

— Скоро будут другие, — тоже отвечая своим, проворчал другой.

А третий и четвертый ничего не сказали и только улыбнулись друг другу. Они не привыкли к песням, они знали дело.

— Ты душу вывернул, Хозе. Эх, жизнь... — начал сержант и не закончил затаенную мысль.

Даже под этим мундиром пропойцы когда-то билось молодое горячее сердце.

— Я хочу покататься. Можно?

Сержант Гранро далеким взглядом, еще не оторвавшимся от вызванных картин, взглянул на нее. Потом улыбнулся и, ущипнув ее за подбородок, уже весело проговорил:

— Конечно, можно, все можно. И тебе можно, Хозе, и вам, господин писака.

Хозе отрицательно покачал головой и занялся составлением коктейля, но Дройд, встрепенувшись, быстро-быстро заговорил, стараясь объяснить сержанту, что ему нужно в тюрьму, с преступником поговорить.

Сержант ничего не понял, но глубокомысленно кивал головой и, поймав знакомые слова, обрадовался:

— В тюрьму? Можно. Сделай одолжение. А тебе, Хозе, ничего не надо? Так поезжай с нами. Поедешь?

— Конечно. Что за вопрос?

Дройд торопливо расплачивался с лакеем. Мимолетное впечатление от песни рассеялось, и сержант Гранро снова был только сержантом, пьяным сержантом охраны тюремного замка. Обняв женщину, он, пошатнувшись, встал.

— Идем!

В харчевню влетел писарь в распахнутом мундире с пятами картами, которые так и остались в его руке раскрытым веером.

— Господин сержант, обход...

— Смирно, руки по швам!

— Так точно, господин сержант, — вытянулся во фронт писарь.

— Так бы давно, черт побери. Совсем забыл субордина-

цию, я вас распатр-р-роню. В чем дело?

— Господин сержант, послали спросить, будете на обходе?

— С-сам знаю... Черт побери! Стой! — закричал он писарю, повернувшемуся идти. — Вот, возьми его в тюрьму.

Дройд, боявшийся, что он забудет исполнить его просьбу, просиял.

— И понимаешь, чтобы все было в порядке. Все...

— Слушаюсь, господин сержант. Прикажете идти?

— Да прикажи подать автомобиль. Да живо, черт побери!

Писарь повернулся идти, но снова был осажен окриком сержанта:

— А это что? — и указал на Дройда. — Забыл? Возьми его с собой.

Писарь удивленно посмотрел на улыбавшегося Дройда, передернул плечами и вышел с ним из харчевни.

На улице, встретив солдата охраны, передал приказание сержанта, а сам торопливо пошел с Дройдом к тюрьме.

К вышедшему из харчевни пьяному трио подкатил тюремный автомобиль.

— Как, в этом автомобиле? тюремном, для арестованных?..

— А что? Не нравится — ну, и не надо, можешь не ехать. Хозе, поедem вместе.

— С тобой, сержант, на край света.

— Ну, то-то. А почему шоферу не дали вина? Это не порядок. Вина! — закричал он стоящему в дверях лакею.

— Но, господин сержант...

— Сам знаю, что сержант. Пей, а потом дашь полный ход.

Шофер с наслаждением влил в себя литр вина, смешанного с коньяком. Сержант распахнул забранную решеткой дверцу и, покачиваясь, пригласил Хозе войти.

— Нет, ты первый. Первое место тебе, господин сержант.

Сержант польщенно поклонился и влез внутрь тюремной кареты. За ним вошел Хозе.

— Куда прикажете?

— В город, — проревел сержант. — В город, на первую улицу имени профессоришки. Валяй всюю!

Не пересчитать перевернутых экипажей, не пересчитать количества звонков по телефону о задержании сумасшедшего автомобиля. Но как бы то ни было, тюремный автомобиль мчался по улице Ульсуса Ван Рогге, сирена рычала, икала, иногда пробовала прорычать фокстрот, и тогда автомобиль метался зигзагами, вызывая панику. Даже всегда невозмутимые черные фонари торопливо бежали прочь при появлении огненных пляшущих глаз пьяного автомобиля.

Глава III

НИТЬ К КЛУБКУ

По ярко освещенной улице к ресторану «Черная бабочка» медленно шли Арчибальд Клукс и Флаугольд, разговаривая вполголоса. Конечно, темой были последние события. Они уже обменялись мнениями о политических новостях, обсудили конфликт между СССР и Англией и, придя к заключению, что все-таки война не состоится, перешли к происшествиям в Капсостаре.

Ряд недавних событий сильно повлиял на Флаугольда; исчезновение жены, ее возможная связь с преступным миром, непонятная измена Корнелиуса, отрицающего свое преступление, начавшаяся волна какого-то движения среди рабочих — все это Флаугольда, вообще человека храброго, заставило даже переселиться в свою бронированную комнату, в которой он не только хранил важные документы и ценности, но иногда и работал над важными проектами.

Он туда переселился, с трудом втиснув диван и кое-какие необходимые вещи. И, конечно, слух о бронированной комнате не успокаивал жителей и даже многих лишил сна.

— Что будет, Арчибальд, что будет? Я, право, теряю го-

лову. Так было все ясно, определенно, и вдруг... Я ничего не понимаю. Ничего.

— Все в порядке, мистер Флаугольд, беспокоиться нечего. Обезглавить кучку большевиков — и только... Ведь вся же остальная масса населения, безусловно, с нами.

— Вы в этом уверены? А я нет. Оставим наши сказки, взглянем правде в глаза. Вы знаете, как за последнее время вырос Ротфронт в Германии. Я ужасаюсь, читая сводки...

— Но так же растет и «Стальной Шлем».

— А взгляните на Союз, на Осоавиахим. Триста тысяч ячеек, Арчибальд, триста тысяч, и шесть миллионов членов! Что вы на это скажете?

Арчибальд пожал плечами.

— Что сказать? У них мясо, пушечное мясо. Нам не страшен Союз, страшен наш тыл. А за тыл я спокоен, вполне спокоен.

Флаугольд внимательно посмотрел в глаза Арчибальду Клуксу.

Остановились и, замолчав, стали рассматривать улицу.

Все движение было устремлено к залитым электричеством дверям «Черной бабочки».

Крег, проехавший мимо, поклонился Арчибальду Клуксу.

Его уверенные корректные движения, открытое лицо заинтересовали Флаугольда, и он попросил Клукса познакомиться с ним.

— Алло, мистер Крег, на минутку.

Крег остановил машину и подошел к ним.

Завязался непринужденный разговор, ничего не говорящий, ни к чему не обязывающий, разговор джентльменов.

Человек в потертой куртке, высматривавший кого-то в толпе, радостно бросился к ним.

— Я нашел его, нашел...

— Кого? — удивленно спросил Арчибальд, так как совершенно забыл о данном ему поручении.

— Человека, который отнял девушку, ту, которую я продавал.

— Ого, он, кажется, нарушает нашу монополию, Арчи-

бальд, — произнес Флаугольд, поправляя свой цилиндр.

— Забудьте об этом, мистер Флаугольд. Вы извините меня, господа, я оставляю вас на минутку.

И Клуks отошел в сторону с человеком в потертой куртке.

— Какая улица?

— Улица Святого Сердца, № 39.

— Что?! Да ведь это... — и Арчибальд закусил губу и посмотрел на Крега, отошедшего с Флаугольдом к краю тротуара. Крег стоял, закинув руку на крыло автомобиля.

Арчибальд сразу почувствовал важность сообщения: ничтожный случай давал ему в руки нить к связи Крега с подозрительным анархистским миром. Не выказывая волнения, он подозвал Флаугольда.

От Крега не укрылись мгновенная вспышка волнения Арчибальда Клуksа и также произнесенный достаточно громко его адрес.

Насвистывая модный куплет и небрежно облокотившись на автомобиль, Крег пальцами отбил семь ударов.

Шофер чуть слышно дважды нажал сирену и вопросительно обернулся.

— В оба.

— Есть.

— К Джону.

— Крег, идите к нам, тут интересная история, — позвал Арчибальд.

— Разве могут быть интересные истории? — лениво произнес Крег, подходя к ним.

Авто медленно подъехал тоже.

— Вы не откажетесь провести вечер вместе с нами, я уйду только на пять минут.

— Охотно. В таком случае, мы будем ждать вас в розовом павильоне, сэp Арчибальд.

Арчибальд Клуks утвердительно кивнул головой.

— Мистер Флаугольд, нам *пора*, — последнее слово Крег ярко выделил из всей фразы.

Шофер, с которым переговаривался Крег, рванулся с места и, взяв предельную скорость, повернул за угол.

Арчибальд, подойдя к трансформаторному столбу, вынул карманный телефон, присоединил его к штепселю, но ни Крег, ни Флаугольд не стали ожидать его разговора и пошли к дверям ресторана.

Для Крега уже все было ясно, он просигнализировал опасность и мог спокойно идти с мистером Флаугольдом. И, быть может, он будет иметь возможность путать карты, сбивать, путать, сеять по дороге панику и все это делать с милой улыбкой лица, находящегося вне подозрений. Правда, он знал, что вся эта работа не имела никакого значения для развития заговора, который разросся и захватил в свои ряды всех рабочих республики.

Автомобиль Крега несся по улицам. Шофер спешил предупредить Джона об опасности. Казалось, все было в порядке, все, но кто знает те западни, которые готовит всем на каждом шагу режиссер Случайность?

И в эту ночь неограниченных возможностей, когда вещи начали проявлять энергию, авто Крега при выезде на улицу Ульсуса Ван Рогте попал в полосу жертв тюремного автомобиля.

Столкновение было ужасно.

Шофер Крега вылетел, оглушенный ударом, и лежал неподвижно недалеко от обломков своего авто.

Но, как ни странно, массивный тюремный автомобиль почти не пострадал, если не считать немного помятых крыльев.

— Почему остановка? — закричал сержант Гранро, отворяя дверь. — Я спрашиваю — почему?

Отстранив его в сторону, Хозе ловко выпрыгнул и нагнулся над шофером, отброшенным на несколько шагов.

— Ничего, только оглушен.

Мимо, не останавливаясь, промчались два автомобиля, в которых сидели вооруженные агенты Комитета.

Посмотрев им вслед, Хозе присвистнул и, не обращая внимания на ругавшегося сержанта, стал приводить в чувство шофера.

— Скорее, скорее, — прошептал шофер. — Надо предупредить особняк № 39. — И снова шофер потерял сознание.

— Улица, какая улица?

И Хозе стал старательно трясти шофера.

Около остановилась машина Арчибальда Клуksа.

— Ого, тюремный автомобиль! Эй, — закричал Арчибальд, увидев сержанта, — подойди сюда!

Весь хмель сошел сразу, и сержант Гранро, затаив дыхание, вытянулся перед Арчибальдом.

— Следовать за мной!

— Слушаюсь, сэр!

И, почти не покачиваясь, сержант вернулся к своему автомобилю. Пользуясь остановкой, пьяный шофер заснул. Сержант безнадежно оглянулся. Но, увидав Хозе, приводившего в чувство шофера, обрадованно повернувшись к Арчибальду Клуksу, отрапортовал:

— Никак не возможно, сэр, шофер убит.

Арчибальд Клуks сделал знак своему шоферу, а сам занял его место.

Автомобили умчались.

Хозе терял терпение, он отчаялся привести в чувство шофера, но тот вдруг очнулся и огляделся вокруг.

— Что со' мной?

— Какая улица, черт возьми, какая? — закричал Хозе.

— Ведь не меня арестуют, черт возьми... не меня...

Шофер вскрикнул и попробовал приподняться.

— Машину, скорее машину! Улица Святого Сердца, № 39.

— Наконец-то, — заорал Хозе, — наконец... — и, оставив шофера, бросился к стоянке автомобилей.

ГЛАВА IV

ПЕРЕД ДРОЙДОМ ДАЖЕ ТЮРЬМА РАСКРЫВАЕТ ДВЕРИ

Дройд весело шел к воротам тюрьмы, радуясь тому, что так легко удалось добиться интервью с важным преступ-

ником. Писарь удивленно посматривал на него и поражался его радости.

«В первый раз вижу такого арестованного, в первый».

Ворота тюрьмы беспрепятственно раскрылись перед ними.

Дройд был во дворе тюрьмы. Он с любопытством глядел по сторонам, и даже запираемая за ним калитка ворот не вызвала в нем страха. Осматривая двор, он жадно старался запечатлеть каждую деталь, каждое забранное решеткой оконце, каждого часового, мерно расхаживающего около стен.

— Вот этого... Так и сказал сержант: «В тюрьму»...

— Так и сказал. А документы дал?

— Нет, не давал. Только пригрозил: «Смотри, говорит, распатрону»...

— Ну, ты иди, а я и без тебя справлюсь.

И смотритель тюрьмы, заложив руки в карманы, подошел к Дроиду.

— Ну те-с, так. И только подумать — такой приличный с виду человек...

Дройд обернулся и, радостно приподняв цилиндр, представился:

— Виллиам Дройд. Очень рад познакомиться.

— Ну и радуйся. Стань как следует! Ну!..

— Это вы ко мне? — растерянно произнес Дройд.

— А то что, стенке, что ли? Стань, тебе говорят.

Дройд оглянулся, но писаря уже не было: он ушел доигрывать свой роббер.

— Вы ошибаетесь, господин... Я ведь не арестант.

— Все вы не арестанты. Ну, марш за мной!

— Куда?

— Да ты что, обалдел, что ли? В тюрьму, в одну из хороших, крепких камер. Ты, брат, не убежишь. И не пробуй.

— Меня в тюрьму?..

— А то меня, что ли? Марш!

Дройд понял, что совершилась чудовищная ошибка, и, не отдавая себе отчета, бросился бежать.

— Стой! Стрелять буду.

Но это только подогнало Дройда. Он не бежал, а летел.

Часовой, стоявший у ворот, лениво переложил ружье из левой руки в правую и стал наблюдать бег Дройда вокруг тюремного двора.

Его никто не преследовал, стояли и ждали, когда этот странный арестант выдохнется.

Иногда они подбадривали криком, топали ногами, когда Дройд пробежал мимо солдат.

Через десять минут Дройд выдохся, он почувствовал, что задыхается, и, разрывая руками воротничок, упал на асфальт тюремного замка...

Дройд, как кусок теста, упал на нары и хватал воздух широко открытым ртом. Он напоминал рыбу, выброшенную удачным рыболовом на берег. Он был возмущен. Его, англичанина, журналиста, взяли и бросили за решетку, как какого-нибудь рабочего.

Мысли у него прыгали без всякой системы до тех пор, пока не остановились на том, что он сам виноват, попав в этот район без провожатых из-за этого проклятого интервью, когда ему захотелось хоть один раз быть честным перед читателями.

Отдышался.

Убранство камеры ему не пришлось по вкусу. Он поморщился, прошел по диагонали четыре шага, посмотрел на толстые прутья решетки и, набравшись храбрости, подошел к двери и стал барабанить в нее кулаками.

— Чего стучишь?

— Коменданта, начальника, сержанта.

— А ты покричи еще, так и сам не обрадуешься.

— Черт побери, сейчас же сержанта, сию минуту!

Вместо ответа щелкнул ключ, захрипев, открылась дверь камеры, и увесистый приклад ударом в грудь сбил Дройда с ног.

— Убивают, каррауул! — закричал он.

«У-у-у» — несло глухо по коридорам, мягко тыкаясь в полукруглые своды тюрьмы. Из камер тоже раздался гул, слышались удары скамейками в двери, и скоро весь коридор гудел, стучал, испугав Дройда, не знавшего неписа-

ного закона солидарности, и он замолчал, со страхом смотря на дверь, не вставая с пола.

Зашаркали шаги, заскрипели отворяемые двери, и гул борьбы глухо донесся до Дройда. Он со страхом ждал. Вот остановились около его камеры, и перед ним появились два рослых солдата.

— Вот этот начал?

— Ага!

— В подвал, пусть прохладится.

И не успел Дройд осознать все происходящее, как был подхвачен с двух сторон солдатами и увлечен по коридору. Он не мог ничего понять, и глаза его бесцельно блуждали, наталкиваясь только то на небритые щеки солдат, то на глухие своды коридора. Он закрыл глаза.

Остановились,

К полу наклонился солдат и с трудом сдвинул плиту люка; из-под пола сейчас же раздался дикий крик.

Дройд отшатнулся и яростно стал отбиваться от толкавших его в люк солдат. Но что он мог поделать против силы? И он полетел вниз, слыша над собой:

— Тут себе и кричи на здоровье.

— Один уже есть.

— В компании веселее.

И со скрежетом туго шлепнулась плита на место, закрывая люк.

Глава V

Я БОЛЬШЕ НА ПЯТЬСОТ

Человек в потертой куртке, приятно ошеломленный сухим шелестом нескольких крупных банкнот, в нерешительности стоял против раскрытых дверей ресторана.

Войти он не решался, стыдясь своего потертого костюма, но и уйти тоже, и стоял, как водораздел, среди стремящейся в ресторан толпы.

Шум, смех, толчки, наконец, привели его к решению, и он, лавируя среди черных сюртуков, фраков и кружевных дам, отошел на несколько десятков шагов от ресторана. Остановился.

— Тысяча долларов!

— Кто купил, кто?

Он очнулся и взглянул на группу, застывшую около газетчика. Три толстяка, покуривая сигары, зажатые в коротких обрубках пальцев, молчаливо посапывая, смотрели на двух манекенш и одного клерка.

— По-моему, — произнес клерк, — это утка, газетный трюк, не больше.

— Нет-нет, они выплачивают. Моя подруга по подобному объявлению получила полностью.

Человек в потертой куртке оглянулся — о какой тысяче долларов шел разговор, о каком объявлении?

Перед ним огненными буквами строчка за строчкой вспыхивал громадный транспарант над улицей:

«Чудо, джентльмены, чудо!

В курильне Ван Рооза была куплена девственница.

1000 — долларов — 1000 тому, кто укажет адрес
купившего».

«Какое счастье, какое...» — и он вдруг похолодел, вспомнив, что за указание адреса Клуксу уже получил триста долларов. «Продешевил», — и он почувствовал себя ограбленным, ограбленным безжалостно и дерзко. «Но, может быть, не поздно. Может быть, он еще успеет» — и он пошел к группе.

— И все-таки трюк, идемте ужинать, — капризно сказала одна из манекенш.

— Подожди, я еще не заработала на завтра, — прошептала вторая.

— Леди, — вежливо приподняв шляпу, произнес человек в потертой куртке.

При его словах толстяки ближе пододвинулись к нему.

— Леди, простите, я должен вас спросить, куда обратиться с указанием адреса?

— Вы, вы знаете адрес?..

— Вот повезло человеку, — со вздохом вырвалось у другой.

— Неужели? — вскрикнули клерки.

— Разрешите представиться, — проговорили, оттесняя манекенш и клерков, толстяки, любезно снимая цилиндры.

— Мистер Гуардеробо.

— Мистер Грослард.

— Мистер Фыкс.

Три цилиндра мелькнули перед его глазами и снова водрузились на головах.

— По сто долларов с каждого.

— Авансом, — добавил другой.

А третий только утвердительно кивнул головой.

И не успел опомниться, как он очутился в машине с толстяками. Вихрем пролетели несколько улиц и остановились, не доехав несколько шагов до особняка.

На веранде, приветливо махая рукой, стояла Аннабель, смотря вслед идущим к выходу Джону и Крисси — так звали ту девушку, которую Джон так резко и бесцеремонно увел с торгов в курильне.

— Ничего, образуется. Все образуется, Крисси, а я тебя так запрячу, что никто не найдет, никто не будет тащить на продажу. Там совсем другие парни.

— А как вас зовут? — неожиданно прервала она Джона.

— Джон.

— Вас зовут Джон. Джон... Как это хорошо звучит!

В калитке они столкнулись с толстяками и с человеком, продавшим Крисси.

Крисси испуганно прижалась к Джону.

— Это он!

— Тише, — произнес Джон, по привычке опустив руку в карман. Холод стали револьвера приятно охладил пальцы.

— Вам что надо? — резко спросил он.

— Мистер Гуардеробо.

- Мистер Фыкс.
- Мистер Грослард.

И снова три цилиндра кругообразно взметнулись перед Дисоном и плавно опустились на головы.

- В чем дело? Ну, выкладывайте все. Я слушаю.
- Я много дам отступного за девушку.
- Я плачу. Сколько?
- Я больше на пятьсот.

Ответ они получили совершенно неожиданный. Джон дал им три пощечины. Цилиндры слетели с голов, а человек в потертой куртке, не ожидая ответа Джона, стремительно бросился бежать.

Презрительно посмотрев на толстяков, бросившихся поднимать цилиндры, Джон с перепуганной Крисси вышел на улицу и, громко смеясь, усадил ее в машину толстяков.

— Их машина пригодится, — засмеялся он. — Не робей... Чего там? — и дал адрес шоферу.

Машина тронулась и помчалась, оставив позади ошеломленных толстяков, и только человек в потертой куртке бросился бежать, стараясь рассмотреть номер автомобиля.

— 9721, — пробормотал он. — Запишем. Может быть, и за это мистер Клуks даст деньги.

Аннабель, видя всю сцену, беззвучно хохотала, и ее остановил Жан, доложивший, что кофе подан.

Как только она вошла внутрь дома, к особняку подкатили два автомобиля с агентами Комитета.

Глава VI

КЛУБОК РАСПУТЫВАЕТСЯ

Агенты быстро окружили особняк, заняв все входы и выходы. А их начальник, почти не производя шума, поднялся на веранду и, осторожно подойдя к освещенным окнам, стал разглядывать комнату.

Арчибальд, всю дорогу к особняку занятый управлением машины, не мог сосредоточиться, чтобы сделать тщательный анализ всему, но весь был полон гордой мысли, что он сразу напал на нить, которая, отчасти уже вскрыв какие-то замыслы Крега, неизбежно вела его к разгадке этого чересчур «вне подозрений» человека.

Мчавшийся за ним тюремный автомобиль производил сильное впечатление, но он произвел панику на улице Святого Сердца, когда здесь заметно уменьшил ход.

Жители торопливо спускали жалюзи на окнах, тушили свет и, приготовившись, ждали событий.

Они хорошо знали условия законности в демократической республике Капсостар.

— Ну что, есть? — выскакивая из автомобиля, спросил Арчибальд подошедшего к нему с рапортом старшего агента.

— Какая-то женщина пьет кофе. По всей вероятности, в доме, кроме нее и лакея, никого нет.

— Ступай за мной!

Арчибальд живо взбежал на веранду и, не постучавшись, вошел в комнату.

— С кем имею честь? — проговорил Арчибальд женщине, сидевшей спиной в кресле.

Аннабель величественно поднялась и сделала несколько шагов вперед. Увидав Арчибальда и застывшего в дверях агента, вздрогнула.

— Аннабель! Это вы, Аннабель?

— Не правда ли, «неожиданная» для вас встреча?

— Простите, я не за вами примчался сюда, и наша встреча — именно приятная неожиданность. Я пользуюсь слушаем... Вы арестованы.

— На каком основании?

— Мистер Флаутгольд сделал распоряжение о вашем аресте за организацию заговора. Правда ли это, миссис Аннабель?

— Об этом я буду говорить, когда захочу.

Арчибальд сделал агенту знак, и тот сейчас же свистнул.

Аннабель, набросив на плечи шелковый платок, пошла величественно к выходу. Двое появившихся агентов с поклоном расступились перед ней, пропуская ее к выходу.

— В автомобиль! — крикнул он и с удовольствием смотрел на ее прекрасную фигуру и гордо поднятую голову.

— Идем, — кивнул Арчибальд старшему агенту. — Лакей арестован?

— Да, сидит в своей комнате.

— Никого до окончания осмотра (Арчибальд почему-то избегал говорить «обыска») не впускать!

Оба вошли в кабинет и первым делом остановились у несгораемой кассы.

Старший агент торопливо вынул из кармана связку ключей и стал быстро работать над замком.

— Теперь необходим шифр. Я ничего не могу поделаться с этим чертовым замком. Или прикажете сломать?

— Ни в коем случае. Осмотр должен быть тайным.

И Арчибальд, усевшись в кресло, стал напряженно думать о шифре.

Сержант Гранро, совсем протрезвившийся, находился около автомобиля. Он был горд сознанием, что судьба неожиданно столкнула его с самим мистером Клуksom и что, быть может, это отразится на его карьере.

Подлетела машина, и из нее выскочил Хозе. Он опоздал из-за этого тупого шофера, не успевшего вовремя прийти в сознание. Но он умывал руки в аресте какого-то неизвестного лица. Он сделал все, что мог, но раз не удалось...

И он почти весело подошел к сержанту.

— Насилу догнал. Здорово бежит твоя машинка, Гранро.

Сержант оглянулся, не видит ли кто-нибудь его, и только тогда прошептал ответ:

— Проваливай-ка отсюда, Хозе. Видишь, я на службе.

Хозе, хотевший пустить ему пару крепких слов, замолчал, увидев подходящую к автомобилю под конвоем двух агентов женщину.

Кровь бросилась в голову, он сделал шаг вперед...

Женщина взошла на ступеньки сзади автомобиля и ос-

тановилась на мгновение в дверях. .

— Аннабель! — закричал Хозе, бросаясь вперед.

— Хозе! — крикнула она.

Но сержант Гранро был при исполнении служебных обязанностей: сильно толкнув Хозе в грудь, он решительно втиснул Аннабель внутрь кареты и захлопнул за нею дверь.

— Пусти, идиот! — закричал Хозе, бросившись снова к сержанту.

Двое агентов направились уже схватить Хозе, но сержант остановил их:

— Бросьте, я его знаю... — и вошел внутрь автомобиля.

Долго бежал Хозе по улице за давно скрывшейся из виду машиной.

Судьба, столько раз ставившая ему препятствия, и на этот раз была безжалостна к нему.

Арчибальд весь ушел в разгадку шифра. И сопоставлял выступление Аннабель на открытии Стеклянного дома с прокламациями, Крега, укрывавшего не только ее, но и какую-то девушку, которую не дал купить какой-то анархист. Но не все было ясно, и быть может, он ошибается... Не хватало нескольких звеньев, которые соединили бы в одно исчезновение Кати, преступление Корнелиуса Крока и исчезновение из Карантина пациента из камеры № 725, так называемого графа Строганова.

«Чем черт не шутит?» — подумал он и решительно подошел к кассе.

— Поставь шифр «Катя».

Бесшумно агент несколько раз повернул ручку шифра. Напряженное внимание. Дернул дверцу, но она не открывалась.

Арчибальд, злобно стукнув кулаком в дверцу, отскочил.

И сразу вспомнил генерала Биллинга, испуганно докладывавшего о визите Энгера и давшего ему записку.

«Где она?» И Арчибальд, лихорадочно вынув бумажник, стал быстро искать записку, но, как всегда, записка, лежавшая почти сверху, ускользала от его внимания.

— Вот она! — вскричал он к удивлению агента и медленно прочел: «Бегите, пока не поздно. 7 + 2».

— Семь плюс два — ставь! — закричал Арчибальд. — Ставь! Еще несколько мгновений, напряженно-мучительных, — и дверь кассы открылась.

У Арчибальда даже закружилась голова.

«Я прав, я связал все, все звенья на месте, все», — пронеслась мысль, и он бросился к ящикам кассы.

Первое, что он схватил, — это какой-то сверток. Развернул — и чуть не упал. В свертке лежали шляпа и очки Корнелиуса Крока.

Это было последнее звено, ключ. Но все-таки Арчибальд Клуks был ошеломлен, он не мог, не мог понять, почему у Крeга спрятаны очки и шляпа Корнелиуса.

И он почувствовал, как жуткий холодок пробежал по спине от мысли, что Корнелиуса Крока в тюрьме нет, что он выпущен. Если это так, то он не верит ни во что, ни в кого.

— Скорее! За мной! Запри и поставь шифр.

Только на бульваре Победы Хозе пришел в себя. По-прежнему неподвижно стояли черные фонари, по-прежнему лился матовый свет из стеклянных кубов, по-прежнему неслась музыка из ресторанов, по-прежнему обгоняли его пары, по-прежнему гудели громкоговорители и прыгали в его глазах светящиеся рекламы.

Все было по-прежнему, но не было уже прежнего Хозе.

Он не был пьян, но он весь был проникнут движением, энергией, словно пьяный автомобиль по дороге вытряс из него робость, забитость, все слабование.

Это был другой Хозе, другой, пылавший мщением, ненавистью ко всему, что стало в этот вечер на его пути к неожиданно увиденной Аннабель.

Он решил действовать, и, не обдумывая ничего, он снова бросился на улицу, желая одного только — встретиться с Арчибальдом Клуksом или мистером Флаугольдом.

Глава VII

ИНТЕРВЬЮ ДРОЙДА

Дройд, упав вниз, боялся пошевелинуться. Проклинаая себя, свою жадность, свое желание быть честным перед читателями, со вздохом стал ощупывать пол. Холодный цемент заставил его отдернуть руку, и у него пронеслась мысль, что он, чего доброго, может захватить ревматизм.

— Еще этого не доставало, — вслух подумал он, подняв голову и стараясь в темноте рассмотреть потолок.

Но это было невозможно. Здесь было темно, абсолютно темно.

— Как вас зовут? — услышал он откуда-то из глубины хриплый голос.

— Здесь кто-то есть... Кто? — испуганно отшатнувшись, закричал он и, стукнувшись головой о стенку, с проклятиями стал потирать голову.

— Не бойтесь, один из тех, которые страдают по глупости правительства из-за проклятых большевиков.

— Как вы меня испугали! — простонал Дройд. — Я совсем без сил.

— А вы обопритесь о стенку: она позади вас.

— Спасибо, уже успел почувствовать. Но кто вы? По голосу вы, безусловно, джентльмен.

— Вы угадали. Я Корнелиус Крок.

— Корнелиус Крок? Да не может быть! Вот счастье!

— Я этого совсем не нахожу.

— Вы — Корнелиус! Я рад встрече с вами, протяните руку, чтобы я ;мог пожать ее.

— Я не жму руки каждому, и почему знать, может быть, вы подсланы задушить меня, — раздался хриплый, недочерчивый голос.

— Да нет, нет. Я Дройд, журналист Дройд. Вы еще были у меня на вечере.

— Не помню, и на вечере не был. Ну, давайте руку, вот

так. Я почему-то вам верю.

Пожали друг другу руки.

— Я хочу взять у вас интервью. Жаль, что ни черта не видно, — вспомнив о своей цели, проговорил Дройд.

Профессиональная привычка даже и в таком положении брала верх над мыслями о неприятном событии.

— Не стоит, оно страшнее действительности.

— Я так и думал, — обрадовался Дройд.

— Я не могу говорить. В последнее время я слишком долго сидел всюду, сначала в камере Карантина, а потом здесь. Будь он проклят! — прошипел Корнелиус.

Дройд, слушая взволнованный шепот, стал разыскивать свой блокнот, но с сожалением вспомнил, что писать было абсолютно невозможно.

— У вас спичек нет, Корнелиус?

— Нет. А зачем вам спички? — снова подозрительно спросил тот.

— Я хотел бы кое-что записать. Такое интервью не часто поймашь.

— Не кричите, — прохрипел Корнелиус, хотя Дройд и так говорил вполголоса.

Пауза.

— Вы выпустили его? — снова начал Дройд.

— Нет.

— Но он сидел там?

— Да.

— Но где же он теперь? Не мог же он растаять в воздухе, Корнелиус.

— Тише, ни звука о нем. Ни звука! — испуганно хрипел Крок.

Хриплый голос таинственного, невидимого собеседника, мрак удручающе действовали на Дройда. «А вдруг он сумасшедший?» И Дройд испуганно прижался к стене.

— А я знаю, знаю, — почти радостно захрипел Крок. — Поймали тебя, поймали. Ну, вот и посиди, проклятый, посиди, изверг... Умеешь других сажать — посиди сам.

— Я, честное слово, никого не сажал.

— А кто меня в Карантине держал, кто?

— Вы ошибаетесь, я Дройд, честное слово, Дройд, — энергично зашептал он.

— Жаль, очень жаль. Я не верю никому. Не знаю, может быть, он сейчас. Арчибальд Клуks. Он все может... все...

«Что, “он” — Арчибальд Клуks? Какая сенсация, боже, какая будет статья! Большевик — начальник Комитета».

У Дройда все путалось в голове. Он стал прислушиваться к голосу Крока, и ему показалось, что он знает этот голос, что он слышал его в другой обстановке, и он почти закричал:

— Знаю, знаю. Это вы, вы, проклятый большевик! Я знаю ваш голос. Вы — Энгер, я помню вас очень хорошо. Вы сейчас притворяетесь. О, я знаю ваши хитрости, знаю; я вас выведу на чистую воду! Не приближайтесь, буду стрелять! — закричал Дройд, услышав шорох Корнелиуса.

— Господи, да он с ума сошел, — прохрипел в ответ Крок.

Его голос немного отрезвил Дройда, и он почти спокойно спросил своего собеседника, кто он.

— Я Корнелиус Крок, и клянусь вам, что если бы у меня был аппарат, я бы в один момент обратил вас в человека, годного для общежития.

— Не увильнешь! Сейчас же, как придут за нами, я скажу, кто ты.

— Тише, ради бога, они идиоты, они ничего не понимают, что им ни говори. Ведь они машины, сделанные мною. Они слушаются только приказа своих ближайших начальников, и в этом ужас, Дройд, ужас: вся эта армия машин находится в руках сотен начальников, которых они слушаются беспредельно. Им все равно. И это сделал я сам: себе на голову.

— Так вы, значит, Корнелиус Крок? — успокоившись, пробурчал Дройд.

— Да, да. Вы, Дройд, дайте слово, что вы никому ничего...

— Клянусь.

— Тогда слушайте.

И Корнелиус Крок, подползши к Дройду, стал рассказывать свою историю.

Глава VIII

ЭТО ОН

Страх гнал мысли Арчибальда, мешая соединить в одно целое все найденные им звенья одной цепи. Он уже не чувствовал торжества, не чувствовал упоения при мысли о своем ослепительном открытии, он был в страхе, что Корнелиуса в тюрьме нет, что он скрывается в городе.

Прямой, ни на кого не глядя, он четко вошел в контору тюрьмы и, не глядя на испуганное лицо капитана Хода, приказал:

— Провести меня к камере Корнелиуса Крока.

Капитан Ход заметно замялся, чем еще более усилил и без того сильные подозрения Арчибальда Клукса.

— Может быть, будет лучше, сэр Арчибальд, если я прикажу привести его сюда.

— Нет, я хочу видеть его сам, и сию же минуту.

— Слушаюсь.

Долго Арчибальд шел по разным коридорам. Глухие стены, мрачные закоулки навевали на него подозрение, что, быть может, он более не выйдет отсюда. И невольно его рука нащупывала тогда револьвер, и он успокаивался.

— Пришли, сэр Арчибальд, — произнес капитан Ход. — Откройте люк!

Арчибальд невольно отступил, когда перед его ногами разверзся мрак.

— Эй, Корнелиус Крок! — позвал капитан.

Из люка ответа не последовало. Арчибальд усмехнулся и как бы случайно вынул револьвер из кармана.

— Я уверен, Корнелиуса Крока там нет.

— Не может этого быть, — заволновался капитан. — Эй вы, вниз! Живо! Вытяните сюда Крока.

Солдаты спрыгнули вниз и словно растаяли внизу, исчезнув в поглотившем их мраке.

Арчибальд в упор смотрел на капитана Хода и щелкал предохранителем револьвера.

Прошло несколько томительных минут; внизу послышалась борьба, и через минуту из тьмы раздался голос:

— Посветите, капитан, да посмотрите. Одного взяли, а кто он — не разберешь.

Капитан Ход зажег электрический карманный прожектор и направил в люк.

Арчибальд, не упуская из вида капитана, заглянул вниз. На него снизу смотрело перепуганное лицо Дройда.

— Это не он, — закричал капитан Ход. — Давайте другого!

— Сэр Арчибальд, помогите, — только и успел закричать Дройд, снова скрываясь во тьме.

Арчибальд сурово взглянул на капитана.

— Вы уверены, что там есть другой?

— Еще бы, сам сажал. А отсюда не убежишь, — заметил капитан. — Вот только этот как туда попал, — не знаю... Смотрите!

Арчибальд взглянул и увидел вызванное светом из тьмы лицо Корнелиуса Крока.

Измученный, он со страхом смотрел на Арчибальда.

— Это он, — прошептал Арчибальд Клуks. — Он... Странно... Я ничего не могу понять.

— Прикажете закрыть? — спросил капитан, прерывая размышления Арчибальда.

Из тьмы с трудом вылезли солдаты.

— Сэр Арчибальд, освободите меня. Неужели вы меня не узнаете? Я Дройд, Виллиам Дройд.

— Почему вы сюда попали и за что?

— Спросите их. Я пришел сделать интервью...

— Сделали?

— Конечно, это будет сенсационная статья, — послышался восторженный ответ.

Это его и погубило. Интервью, сенсация... Арчибальд поморщился: совсем в его планы не входили журналисты в тюрьме. Он понимал, что Дройд попал сюда случайно, но не желал его освободить сейчас.

— Когда напишете статью, пришлите прочесть. А пока сидите, пишите. До свидания, Виллиам.

Но любезность Арчибальда совсем не дошла до Дройда, который вполголоса выругался.

Люк тщательно закрыли.

Арчибальд, успокоенный, вернулся к машине.

«Все в порядке, и, конечно, надо капитана Хода представить к производству», — подумал он, садясь в машину.

Флаугольд и Крег кончали ужин, когда к ним подошел веселый Арчибальд.

— Ну и задержались вы, — недовольно произнес Флаугольд.

— Я надеюсь, вам не было скучно с мистером Крегом.

— С ним не соскучишься. Откуда вы его выкопали? У него удивительно трезвый ум.

— Вы успели это заметить?

— Мистер Флаугольд мне льстит, — чуть улыбаясь и смотря на Арчибальда, проговорил Крег, а сам старался решить вопрос, что успел сделать Арчибальд. По веселому виду последнего можно было догадаться, что он, наверное, успел, но Крег не хотел верить этому. Он ведь послал с предупреждением своего шофера.

Арчибальд, рассматривая лицо Кrega, удовлетворенно думал о том, что он все-таки расшифровал его, и втайне поражался изумительной выдержке этого большевистского эмиссара.

— Как думаете, Арчибальд? Я с ним спорил целый вечер, стараясь доказать целесообразность желания Англии объявить войну Союзу, но он с этим не соглашался, доказывая, что это раньше времени, не только приведет к разгрому Англии, но может потрясти и все европейские державы.

— Я и сейчас стою на этой точке и докажу, что подобный шаг — безумие, — небрежно заговорил Крег. — Начинать войну, когда всем известно, что настроение рабочих масс за Союз и против войны, вообще против войны...

Слушая Кrega, Арчибальд поразился этой дерзости, но старался понять сокровенную, скрытую мысль. Прищурив-

шись, он силой воображения надел на голову Крега шляпу Корнелиуса и закрыл глаза очками — и вздрогнул. В таком виде лицо Крега сделалось похожим на лицо Корнелиуса Крока. И если это так, если это возможно, то, значит, Корнелиус Крок ни в чем не виноват, и его необъяснимое преступление сделалось вдруг ясным сэру Арчибальду.

«Он был Корнелиусом, и он испортил аппараты...» Все звенья сомкнулись, и все стало для Арчибальда ясным, как день.

Крег под пристальным взглядом Клуksа чувствовал себя неловко и уже стал путаться в разговоре.

Бросив политику, заговорили об анекдотах, о театральных новинках. Воспользовавшись моментом, Крег откланялся обоим и вышел из ресторана.

Флаугольд и Арчибальд Клуks, досидев немного, тоже отправились по домам.

На улице опять остановились, продолжая разговор.

Хозе, изнемогавший от усталости и отчаяния найти кого-нибудь из них, увидев, почувствовал радость.

«Вот они. Но что сделать, что?..» Проходя мимо, он едва удержался от желания броситься на них.

Попрощавшись, Флаугольд крикнул шоферу следовать за ним, а сам медленно пошел по улице. Он любил немного пройтись пешком и считал это лучшей гимнастикой.

От Хозе не ускользнули жест и слова Флаугольда. Пройдя несколько шагов, он решительно сошел на мостовую и, догнав закрытую машину Флаугольда, прикрываясь ею с улицы, пошел рядом.

Пройдя квартал, Флаугольд, остановив машину, влез внутрь кареты.

Крепкие пальцы впились в горло Флаугольда, рванув его книзу. Флаугольд не мог произнести ни звука и задышался, стараясь разжать сильные руки Хозе.

Ничего не подозревая о борьбе внутри машины, шофер мчался по улицам.

Улучив момент, Хозе, освободив одну руку, револьвером нанес сильный удар в затылок Флаугольду, чем сразу привел его в более чем апатичное состояние.

Через несколько кварталов машина остановилась. Высунувшись из окна кареты, Хозе в цилиндре Флаугольда немного охрипшим голосом отпустил шофера.

— Вы свободны, а я еще сам немного прокачусь.

Шофер бесстрастно, полуоборотясь, выслушал приказание, охотно сошел с машины. Его немного поразило это желание, но ведь американцы так эксцентричны. Он даже не посмотрел на вышедшего из кареты Флаугольда, молниеносно севшего за руль, а просто пошел домой отдохнуть.

Машина мчалась вихрем по улицам, все время уклоняясь от центра к окраинам. Там никогда не показывался не только Флаугольд, но даже клерк из государственного учреждения.

Около моста через небольшую, но бурную речку машина остановилась.

Хозе оглянулся, кругом было пусто: ни людей, ни движения, никого. Но он ошибся. Он не был один. На решетке моста, укрываясь железным переплетом, сидел подросток и с любопытством смотрел, как человек в цилиндре вытащил из автомобиля какое-то тело и, подойдя к мосту, бросил его в воду.

Всплеск воды, и Хозе, облегченно вскочив в машину, поехал обратно.

Подросток одинаково ненавидел всех Флаугольдов вместе, но, так как он не был миллионером, то ему могла пригодиться одежда джентльмена, сброшенного вниз. Беззаботно присвистнув, он побежал под мост поживиться так неожиданно посланным гардеробом.

Хозе еще ничего не решил. Он не знал, что делать, но он весь находился под властью сегодняшнего вечера, под очарованием пьяного автомобиля.

Крепко уцепившись за руль, он, как пьяный, возбужденный, мчался, подставляя лицо ветру.

Что ему решать, когда его мчала случайность вперед от одного к другому и, быть может, третьему приключению?

Глава IX

ПРАВИТЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ

Хозе не удержался от желания зайти в особняк Флаугольда. Это было рискованно, смело, дерзко. Его могли ведь в любую минуту расшифровать, узнать, но им сегодня владело безумие.

Он шел напролом, не зная, что будет через минуту.

Замерло сердце, когда он быстро вошел в вестибюль особняка Флаугольда.

Вытянулся усталый швейцар, к лифту бодро подскочил лифтмен и проворно отворил дверцу.

«Кажется, все в порядке», — пронеслась у него мысль, когда он вошел в лифт.

Лифт остановился, щелкнула дверца, и Хозе очутился на какой-то площадке.

— Разрешите, ключи, — засуетился лифтмен, — я открою дверь.

Хозе небрежным жестом бросил лифтмену ключи. Неожиданно в последнюю минуту, когда он не знал, куда идти, его выручила случайность. Случайность вела его гладким путем, и он даже не испытывал страха при мысли, что может поскользнуться.

Щелкнул замок, и перед Хозе раскрылась бронированная дверь сейфа.

Взяв ключи, он быстро вошел в сейф и захлопнул за собой дверь. Он был в комнате, в знаменитой комнате, о которой он столько слышал, и с любопытством стал осматривать ее.

Окно было сделано как иллюминатор, с плотно пригнанным стальным щитом. Стол, касса, небольшой мягкий диван, полочка над столом, шифоньерка — это было все. Закурив египетскую папиросу, взятую из коробки на столе, Хозе важно прошелся по комнате.

— Недурственно, — вслух подумал он, бросаясь на диван. Он не успел отдохнуть, не успел еще опомниться от этого

головокружительного рейда, как зазвонил настойчиво телефон.

— Приказали доложить: ваша жена арестована и находится в тюремном замке.

Хозе побледнел. «Его жена, значит, Аннабель...» И, не сознавая ничего, он коротко приказал в трубку:

— Доставить ее ко мне немедленно.

С этого момента он стал волноваться, он потерял спокойствие. Стрелки на часах как будто застыли, прилипнув к циферблату. Нетерпеливо прислушивался к каждому звуку. Шаги...

Открыл дверь.

— Войдите, — это сказал не Хозе, не он, настолько его голос показался ему чужим.

Аннабель вошла в комнату. Хозе, отпустив жестом агентов Комитета, с облегчением захлопнул дверь и повернулся к Аннабель.

Аннабель стояла спиной к нему, нервно пощелкивая пальцами по столу.

— К чему эта комедия? — не поворачиваясь, резко спросила она.

— Комедия?..

— Хозе! — вскрикнула Аннабель, быстро повернувшись на звук знакомого голоса.

Стояли минуту в оцепенении, смотря друг на друга.

— Милый, прости меня. Я так искала тебя, прости скорей, пока он не пришел. Он ведь меня вызвал.

— Он не придет сюда, — немного мрачно ответил Хозе.
— Мы снова вместе.

И он бросился к ней, схватив ее в объятия.

Потом разговор. Нет, не разговор, а взаимные вопросы.

Сели на диван и вдруг замолчали. Вопросы иссякли.

Пауза. Весело захохотали.

— Ну, говори, милый, как ты сюда попал и где он.

— Он... Не знаю, право... затрудняюсь сказать...

И Хозе быстро нарисовал картину своего головокружительного рейда с момента ареста Аннабель.

— Я готов был на все и сам не знаю, как все это вышло.

Это было безумие, но я не мог остановиться.

И он продолжал рассказ от покушения на Флаугольда до последнего момента.

— Надо бежать, Хозе, скорее бежать, скорее, — завоновалась Аннабель.

И в свою очередь Аннабель нарисовала свою жизнь, свою тоску о нем, о поисках, об отношении к Флаугольду, которое из хорошего обратилось в ненависть. О своем столкновении с людьми, «настоящими людьми, какими должны быть все, и он должен быть таким же», — закончила она свой рассказ.

— Ты, значит, с ними? — немного грустно, немного удивленно спросил Хозе.

— Да, я с ними.

Хозе опечаленно посмотрел на нее. Потом порывисто стал целовать, в перерывах успевая говорить:

— Брось их к черту, и тех и других. Я хочу жить, Аннабель, жить. Ты ведь любишь меня, ты ведь со мной...

— Ну, успокойся, не надо.

— Ты не уйдешь больше?

— Вот глупый! Куда? Я не продаюсь больше, и никаким Флаугольдам не купить меня.

Страницы прошлого мелькали в каждом слове, в каждом намеке, смягчая их души и увлажняя их глаза. Мелькали пыльные дороги, цветущие сады, эстрады, ссоры, объятия, клятвы в вечной верности, ревность, и снова движение вперед из города в город, из одного края в другой.

— Постой, — остановил поток воспоминаний Хозе. — Ты не забывай, Аннабель, что в настоящий момент я заменяю собой Флаугольда. Какой приказ прикажете отдать?

— А в самом деле, Хозе, это идея.

— А пока выпьем. Я вижу, вон, кажется, торчит бутылка.

И Хозе ловко поймал за горлышко бутылку, выглядывавшую из ящика шифоньерки, и взмахнул ею перед носом Аннабель.

— Хорошо, выпьем. Я думаю, Хозе, что неплохо было бы закрыть...

— К делам мы вернемся потом, а пока... — Хозе театрально-торжественно налил два бокала.

— За правителей республики!

Одновременно произнесли они, но каждый вкладывал в тост свое содержание.

ЭПИЛОГ

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕТВЕРГ

Глава I

К СЧАСТЬЮ

Выбраться утром при помощи Аннабель было необычайно легко. Прислуга летала на цыпочках при одном ее взгляде, боясь провиниться. Ведь она вернулась снова в дом, и все может быть.

Дженни, смеясь от радости, носилась по всему дому.

С чемоданом в руках, провожаемые одной Дженни (всей прислуге было приказано не появляться на глаза Флаугольду), они уселись в автомобиль.

Хозе не был похож на вчерашнего. Он трусил всего. И если бы не Аннабель, он бы провалил все дело. Он снова стал робким. С облегчением вздохнул, очутившись в карете автомобиля.

Аннабель немного медлила, она дожидалась газетчика, бежавшего по улице. Газета куплена.

Машина тронулась с места.

— Слава богу, — прошептал Хозе, — сошло.

И потянулся с поцелуем к Аннабель, но она отодвинулась от него и чуть презрительно улыбнулась.

— Не мешай, я читаю газету.

Хозе обиженно выглянул в окно, но, испугавшись, что его могут заметить, спрятался в глубь. Он мучился при мысли, что не проверил, убил он Флаугольда или нет.

— Послушай, — смеясь от возбуждения, сказала Аннабель. — Началось.

— Что там началось?

— Вот! — И она прочла: «Возможность объявления войны Союзу вызвала ряд забастовок в стране. В Англии остановился целый ряд заводов. По последним сведениям, транспортники присоединились к забастовке». А вот дальше, дальше, слушай! «В Германии. На улицу вышел ротфронт. Необычайная демонстрация. Главная колонна растянулась

на несколько километров. Сотни тысяч участников. Франция...»

— К черту Францию! Не хочу ничего слушать, — воскликнул Хозе.

— Ты не поумнел за это время.

— А ты совсем поглупела от газет. Подумаешь, — политик! Раньше ты только объявления читала.

— А ты и раньше ничего не читал.

И оба, надувшись, замолчали.

Путь к счастью грозил окончиться по меньшей мере ссорой.

Машина выехала из Капсостара и мчалась теперь по гладкой ленте шоссе к границе республики. Каждый зигзаг радовал Хозе, и у него постепенно проходил страх. Собственно говоря, он боялся, что в тот момент, когда он достиг всего, счастье может быть нарушено вмешательством полиции. С каждым километром этот страх проходил, и он, наслаждаясь пейзажем, искоса поглядывал на Аннабель, углубившуюся в газету.

В это утро не одну Аннабель интересовали телеграммы. На всех заводах столицы, на всех фабриках городов Капсостара рабочие рвали газеты из рук газетчиков и группами слушали чтение одного из товарищей. Но часто читальщик газеты читал небольшой листок информационного бюллетеня партии. Здесь все было полнее и понятнее.

Но, кроме рабочих, газету читал и Арчибальд.

Пробежав глазами несколько телеграмм, он подскочил к телефону и позвонил в некоторые редакции, приказав им прекратить печатание телеграмм и дать опровержение в экстренном выпуске.

Озабоченный, приехал он в Комитет. К нему бросился дежурный с расстроенным видом, размахивая листком бумаги.

— О, наконец-то вы пришли!

— Мне некогда.

— Но, сэр... этот приказ... — и дежурный протянул листок.

— Чей приказ?

— Мистера Флаугольда.

— Ну, так и исполняйте его.

И Арчибальд прошел в свой кабинет. Он сегодня не мог заниматься делами. Глупость редакторов граничила с изменой. И он решил заняться их проверкой, как только закончит дело об Энгере-Корнелиусе и Кате. Ему все было ясно, но отдать приказ об их аресте он все еще не мог решиться. Ему хотелось еще немного поиграть с ними.

— Я не хочу знать никаких приказов, — вскрикнул он, увидев просунувшуюся к нему голову дежурного.

— Но, сэр Арчибальд...

— Я сказал. Я не люблю повторяться.

Дежурный с отчаянием закрыл дверь и безнадежно развел руками, потом тихо подошел к радиодактило и стал медленно диктовать ей, ожидая, что, быть может, Арчибальд раздумает и потребует приказ на просмотр.

Но этого не последовало. И он закончил диктовку.

Руки дактило тряслись, передавая такие странные, необычайные строки приказа:

«Всем стеклянным домам.

Пришедших сегодня постоянных гостей собрать в демонстрационных комнатах дома, запереть! Сделать световую рекламу: “Наши постоянные почетные посетители. Радуйтесь, что вы на них не похожи”. Затем после этого администрация выплачивает всем сотрудникам стеклянных домов жалование из кассы и отпускает всех. С этого момента стеклянные дома считаются закрытыми.

Мистер Флаугольд».

— Что это такое? — дрожащим голосом спросила дактило.

— Ничего не понимаю, — ответил растерянно клерк.

— Как же это так?

— Так.

И дежурный в отчаянии отошел и упал за стол. Это была неслыханная вещь во всем мире. За все время сущест-

вования человеческой культуры это было в первый раз. Он бы крикнул, что это революция, что это подрыв устоев порядка, но ведь под бумагой была подпись самого Флаугольда.

— Это высшее соображение, — сказал он вслух, обращаясь к дактило.

— А я думаю...

Но что думала дактило, которая вообще ничего не должна думать, так и осталось неизвестным, так как из кабинета вышел Арчибальд.

— Я ухожу. Вечером буду на четверге у Дройда.

— Слушаюсь, сэр.

— Но прошу по пустякам меня не беспокоить.

И Арчибальд вышел, хлопнув дверью.

— И он это называет пустяками! — в отчаянии пробормотал дежурный. — Что же тогда серьезное?

— Я думаю... — начала дактило.

— Не смейте думать, черт побери. На это есть у вас начальство. Слышите?

— Я только это и хотела сказать, — робко прошептала дактило, устало повернувшись к машине.

— То-то.

Из машины выползали ленты с вопросами отовсюду.

— О, мистер Вуд, уже запросы насчет приказа.

— Подтвердите приказ. И чтобы немедленно исполнили! Это высшее соображение.

Дежурный, мистер Вуд, наконец-таки нашел формулу, которая санкционировала правильность всего, исходящего от начальства, и поэтому успокоился и даже пожалел, что так резко обрушился на дактило.

Это утро было испорчено не только им и Арчибальду Клукусу, но и мистеру Флаугольду, который весь продрог и от изрядной порции воды, и от утреннего холода.

Небольшой философ, вытащив его из воды, раздел и бросил под мостом. Ему было лень столкнуть бесчувственное

тело в речку. Только благодаря этой лености Флаугольд и остался жив.

Очнувшись, он долго не мог ничего сообразить. Он помнил только ужин, разговор с Арчибальдом, а как он сюда попал, для него было непонятно.

Боль в затылке напомнила ему о борьбе в автомобиле.

С трудом преодолевая слабость, он стал карабкаться к мосту, но вылезть не имел силы и, потеряв сознание, остался лежать на полдороге к берегу.

Такие, как он, топящие сотни тысяч людей, всегда выходят сухими из воды. Правда, он сейчас был мокрый, но все равно он скоро высохнет.

Пусть себе лежит, в первый раз в жизни по-настоящему бездельничая в такие часы утром, когда он так любил щелкать ножницами, аккуратно отрезая купюры ценных бумаг.

Глава II

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Целый день слухи в городе росли, ширились и, перебегая из района в район, принимали фантастические размеры. Страх закрадывался в сердца самых твердолобых.

К вечеру в город стали входить войска, вызванные Арчибальдом Клуksom.

Твердый шаг, ровные линии рядов, блеск оружия, великолепные оркестры — все это бодрило жителей, успокаивало, и слухи заменились новыми, полными радостной надежды и желания, чтобы все осталось по-старому.

— Армия в городе.

— Солдаты...

— Всем проклятым капут.

Четко проходили полки за полками, наполняя шумом и бодростью фешенебельные улицы, но не наводя страха на рабочие кварталы.

Рабочие ждали давно схватки и знали, что будет пролито много крови. У них еще не было забастовки, но вступление армии было сигналом, данным неожиданно для них самим правительством.

Их боялись. Для них были вызваны войска.

Наступил вечер.

Все так же спокойно и каменно стояли живые фонари, доказывая незыблемость государственных основ.

Улицы заливались толпами бездельников, а окраины, населенные рабочими, погружались в сон, не вызывая никаких подозрений ни в агентах Комитета, ни в закованных в мундиры полисменах.

Только Арчибальд Клуks думал иначе.

Никто не знал о секретном приказе, повергшем в ужас и смятение все стеклянные дома. Никто не знал, что приказ отдан никому не ведомым человеком. Никто не знал того, что сам властитель республики в настоящий момент, одетый окраинным мещанином, устало шел к центру.

Дройд уже занимал не квартиру в гостинице, а целый особняк. Ему это позволял щедрый гонорар «Дэйли мэйл». Последние четверги Дройда были полны великолепия и посещались колоссальным количеством людей. Правда, ядро четвергов оставалось неизменным, и для них была представлена одна из уединенных гостиных, куда не доносился шум из других зал, отведенных для танцев.

В танцевальной зале плыли пары элегантных манекенов и манекенш. В углу, на возвышении, надрывался джаз-банд, исполняя старинный «Таити-трот».

Около эфиромая-танцора сгруппировалась толпа любопытных, смотря на мертвую маску лица с полуоткрытым неподвижным ртом, с остановившимися глазами, носившуюся в круге.

В его исполнении всякий жест был зловещим.

Чувство ужаса понемногу овладевало всеми. Тревога передавалась от одного к другому, и из толпы отовсюду стал раздаваться шепот:

- Остановите его.
- Остановите.
- Я никогда не видел такого трота.
- Какой ужас!
- Остановите джаз.
- Остановите джаз.

Джаз сразу прекратился. Звуки так резко оборвались, как будто упали в бездну, и танцор сразу застыл на месте. Вздохнул и в первый раз взглянул на окружающих и улыбнулся.

И все очарование танца исчезло. И снова перед всеми был просто клерк из конфексионера.

— Простой клерк.

Он заторопился, согнувшись, скользнул в толпу и исчез в ней.

Однако ни джаз, ни танцы, ни шум смеющейся толпы не достигали уединенной гостиной, где утонули в креслах спокойный Барлетт, профессор Ульсус Ван Рогге, Арчибальд и Крег с мадам Странд, приглашенные на этот четверг Арчибальдом.

Они спокойно прихлебывали мелкими глотками кофе, обмениваясь медленными фразами.

— А где мистер Флаугольд?

— Вы не знаете, почему его нет, сэр Арчибальд? — спросил наконец Барлетт.

— Затрудняюсь ответить, — машинально сказал Арчибальд.

Он был занят своими мыслями. Его агенты ждали только сигнала, чтобы схватить Кrega и мадам Странд. Они были всюду: и среди танцующих, и среди прислуживающих лакеев.

Крег и мадам Странд, вернее, Энгер и Катя, шли до конца, зная, что их каждую минуту может ожидать арест. Они не догадывались, что Арчибальду известно все, но чувствовали, что, оставаясь до конца, они могут быть первыми жертвами. Но что их жизнь?! Быть может, их присутствие, отвлекая внимание Арчибальда, хоть на час задержит его наступление на рабочих.

Один час в такое время — час выигрыша. Этот час может отразиться на борьбе и может дать небольшой перевес их товарищам.

Они были спокойны, они ждали всего.

Тянулся скучный разговор.

— А кстати, где же Дройд? — проговорил Бардетт, ни к кому, в сущности, не обращаясь.

— Удивительно, сам хозяин — и опаздывает.

Арчибальд усмехнулся. Он знал, где находится Дройд, но он дал приказ доставить его и Корнелиуса Крока к двенадцати часам. Он не мог отказать себе в удовольствии насладиться эффектом открытая. Романтик в душе, даже в серьезном деле, он решил театрально подвести итог своему следствию о деле Корнелиуса.

Профессор Ульсус Ван Рогге нервно потирал ладони. Он все еще не мог переварить ареста своего Корнелиуса Крока.

— Сэр Арчибальд, следствие по делу Корнелиуса закончено?

— Да, — произнес Арчибальд, смотря в упор на Крега, — закончено.

Крег переглянулся с Катей. Они поняли друг друга и улыбнулись.

Достигнув центра, усталый Флаугольд нанял автомобиль и с непривычным для себя удовольствием сидел, отдыхая на мягких подушках паккарда.

Около Центрального Стеклянного дома автомобиль был вынужден замедлить ход из-за громадного стечения толпы. Остановился против главного фасада.

Флаугольд с любопытством взглянул на толпу, жадно смотревшую на одно из окон здания.

Прямо на черной стене Стеклянного дома, в узкой комнате для моделей, стояло несколько человек. Ярko выделялся черный сюртук магистра богословия Яна Спара, синий мундир генерала Биллинга и два фрака двух толстяков, то и дело вытиравших пот. Над ними горели электрические буквы:

«Постоянные посетители стеклянных домов. Радуйтесь, что на них вы не похожи».

Флаугольд в бешенстве приподнялся.

— Ого-го, слишком смело, но...

— Но, право, очень остроумно, — раздался голос из толпы.

— Это наглость!

— Это черт знает что такое!

— Что смотрит Арчибальд? — чуть не вскрикнул Флаугольд.

Свет потух. На мгновение ничего не было видно, и снова из мрака появилась эта незабываемая реклама.

Толпа оглушительно засмеялась, смотря на комичные фигуры, которые так прекрасно оттеняли блестящий белый фон комнаты, увешанный рекламным кружевным бельем.

— В Комитет! — заорал Флаугольд.

Он ничего не понимал, ничего... А хохот толпы, смеявшейся над представителями религии, капитала и армии, выводил его совершенно из равновесия.

В таком же бешенстве был Арчибальд, когда получил первое донесение о необычайном скандале.

— По чьему приказу? — вполголоса, чтобы не обратить внимания окружающих, прохрипел Арчибальд.

Агент без слов протянул аккуратно сложенный листок.

— Черт побери, он сошел с ума, — и, пряча листок в карман, приказал: — Приказ отменяю. Понял?

И с любезной улыбкой, будто ничего не произошло, вернулся на свое место.

Глава III

ЭТО НЕ ВАШ ПРИКАЗ?!

Когда снова захлопнулся люк, Дройд почувствовал себя плохо. Он потерял способность аналитически подойти к событиям и упрекал всех и больше всего Арчибальда.

Корнелиус смеялся в своем углу. И его немного странный смех совершенно расстраивал Дройда. Дройду казалось, что он сидит вечность.

Над головой загудели шаги, звякнула плита, отброшенная с люка, и к ним в тьму ворвался яркий квадрат света. Дройд к решит зажмурил глаза и еще ближе притиснулся к стене.

— Эй, вы там! Заснули, что ли? Выходи!

Дройд совсем похолодел. Корнелиус Крок молчал и только со злобой посмотрел вверх.

— Ну, выходите! Приказано выпустить.

— Да что они, заснули? — закричал другой. — А ну, стрельни-ка разок в тот угол.

Солдат щелкнул затвором, и этот звук сразу прервал оцепенение Дройда. Он вскочил и стал в квадрате света и отчаянно закричал:

— Не стреляйте!

— Вылезай! Приказано выпустить.

— Меня?

— Обоих. Ну, некогда ждать.

И солдат протянул руку в люк.

Первым с трудом вылез Дройд, потом Корнелиус. И оба стояли, не зная, что делать, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Почему, Корнелиус, освободили вас? Разве вы кому-нибудь говорили хоть слово?

— Оставьте, Дройд, я никому не говорил.

— Идите за мной! — приказал разводящий. — Там вас ждут.

С каждым шагом вперед, с каждым пройденным коридором самоуверенность возвращалась к Дройду. Он чувствовал себя героем.

После соблюдения формальностей их усадили в автомобиль. Рядом с ними очутился агент Комитета, который всю дорогу молчал, не отвечая даже на самые безобидные вопросы.

Несмотря на веселые толпы гуляющих, на музыку, на веселье, город как будто притаился, как будто чего-то вы-

жидал. Кое-где на улицах стояли отряды солдат вперемешку с отрядами Комитета и чернорубашечников.

Заводы и фабрики, часовые города, дававшие пульс жизни, молчали, и поэтому казалось, что город, теряя кровь, ослабевал каждое мгновение.

Фабрики остановились.

Грохот машин, содрогавших фундамент, перестал слышаться в оркестре города.

Была объявлена забастовка.

На воротах всех заводов и фабрик висели приказы стачечного комитета.

Поодиночке и группами рабочие тихо проскальзывали на свои заводы и расходились по своим мастерским.

Флаугольд, когда мчался из Комитета по следам Арчибальда, почувствовал отсутствие привычного ритма города, но, занятый покушением на себя и скандалом в Стеклянном доме, не придавал этому большого значения.

Возбужденный, он ворвался в особняк Дройда и, вызвав Арчибальда Клуksа, обрушился на него.

— Что за приказы! Что за порядки! Для этого, черт возьми, я дал вам диктаторские полномочия?

— Я не виноват в исполнении ваших глупых приказов. Кстати, я отменил ваш приказ о стеклянных домах.

— Мой приказ?!

Арчибальд небрежно протянул Флаугольду смятый листок.

— Прочтите!

Флаугольд быстро пробежал содержание и растерянно взглянул на Клуksа.

— Это ложь. Это не мой приказ.

— Это не ваш приказ?!

— Нет.

И мистер Флаугольд, увлекши Арчибальда Клуksа в сторону, рассказал о произведенном на него покушении.

— Это невероятно, мистер Флаугольд.

— К сожалению, вероятно. Для рабочих нужно одно: никаких аппаратов, кроме электрических стульев.

— И хорошего залпа, — добавил Арчибальд.

К ним подошли самоуверенный Дройд, мрачный Корнелиус и молчаливый агент. Флаугольд прошел в гостиную.

— Я освободил вас, Корнелиус. Я знаю почти все, но нужно... — и Арчибальд быстро прошептал несколько слов.
— Хорошо?

— Я согласен. Но вы уверены, сэр Арчибальд, что вы сильнее его?

— Он в моих руках, идемте.

Вбежал, задыхаясь, агент.

— Забастовка!

— Где?

— На всех заводах и фабриках.

Арчибальд холодно выпрямился. Он снова овладел собой, и его внутреннее волнение выдавало только незаметное подергивание губ.

— Утроить пикеты, вызвать в ружье полки!

Увидев искаженное лицо Дройда, он, подойдя к нему, любезно взяв под руку, пропуская вперед Корнелиуса, спокойно отчеканил:

— Пустяки. Я это предусмотрел.

Глава IV

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕТВЕРТ

Энгер, увидев входивших, многозначительно посмотрел на Катю. Она, играя веером, наклонилась к нему.

— Мы провалились. Держись, Катя.

И Энгер, делая жеманную улыбку, поцеловал ее пальчики.

— Хорошо, что Джон и Тзень-Фу-Синь с того вечера застряли в своих районах. Шутник, пустите!

И Катя, игриво смеясь, отдернула свою руку.

Появление изможденного Корнелиуса вызвало сенсацию. И только благодаря усилиям Арчибальда Клуksа и Дройда удалось прекратить всякие расспросы.

— К чему? Он сейчас нам все расскажет, — произнес Арчибальд.

— Корнелиус, начинайте, — покровительственно подтолкнул его Дройд.

Корнелиус обвел глазами всех присутствующих и вздрогнул, увидев два глаза, немного иронические и чуть искривленные в гримасу губы Кrega. Вся кровь бросилась ему в лицо, и он с ужасом почувствовал, что он не сможет сказать ни слова, пока не узнает, кто этот незнакомец.

— Благодарю вас, сэр Арчибальд, за интересный вечер. Считайте меня обязанным вам...

— Все в порядке, Крег. Мы будем квиты.

Звук голоса Кrega с таким незнакомым оттенком заставил Корнелиуса прийти в себя, и он, встав с кресла, медленно поклонился собравшимся.

— Господа! Я, Корнелиус Крок, в короткое время перенес такие ужасные потрясения, что заранее извиняюсь перед вами в том, что мой рассказ, вернее, мой доклад, будет не очень связным. Господа, несколько лет назад я приехал сюда, вызванный моим учителем, профессором Ульсусом Ван Рогге, и приступил к работе в великом Карантине Забвения.

Он на мгновение запнулся.

— Да, работа была изнурительно-тяжкая. Я только один через свою лабораторию пропускал по полторы тысячи человек в день. Вы знаете результаты: они были волшебны. Вы все знаете и видите, что этот человеческий материал, прошедший через мои руки, и до настоящего времени является образцовым.

Арчибальд усмехнулся.

— Но шли дни, и вот однажды в лабораторию вошла пара, причем один из них был... — тут Корнелиус запнулся.

Крег, улыбаясь, посмотрел на Катю.

— Энгер, большевик.

Все ближе сдвинулись к рассказчику. Только Барлетт, оставшись на месте, почему-то вспомнил давно прошедшие дни, как он бежал по улицам южного города. «Теперь не побегу», — мысленно решил он, выпуская густой клуб дыма.

— Он четко сказал свое имя, и я склонился над карточкой, чтобы заполнить ее необходимыми сведениями, но тут я получил сильный удар в голову, как раз в тот момент, когда заканчивал первую строчку. Я упал. Очнулся в одной из отдаленных камер, приспособленных только для самых буйных, на которых не действовали лучи. Я бросился на стену, я бился об нее, но, увы, я сам сделал стены мягкими и поэтому не мог произвести шума. Изнемогая от ненависти, ужаса и злобы, я бросился к первому вошедшему ассистенту, но тот с испугом выронил ужин и выскочил из камеры, захлопнув дверь. Стук двери, господи, показался мне тем стуком, с каким крышка гроба захлопывает покойника. Меня не узнали. Вы понимаете меня? Я стал покойником. Я ничего не знал. Я не знал ни времени, ни дней, ни часов, а от сознания того, что там, в лаборатории, быть может, происходят преступления, я в бешенстве метался по камере. Однажды, когда я, утомленный, лежал на диване, я перед собой увидел себя. Вы не смеетесь. Передо мной стоял Корнелиус Крок. Я в ужасе вскочил, но мой двойник скрестил на груди руки. Ну, вот точно так, как сейчас скрестил их вот этот джентльмен. Так, именно так.

Все обернулись на Крега, который, опустив глаза, обратился к Корнелиусу:

— Простите, мистер Корнелиус, я не хотел вас напугать.

— Как вы были похожи, как были похожи! — в забытьи прошептал Корнелиус. Потом он оправился и продолжал рассказ: — И мой двойник мне сказал: «Корнелиус, ты выйдешь отсюда, когда захочу я, но только одно слово о случившемся — и ты погиб. Помни, ты в моей власти». Я бросился к нему, но он увернулся. И я снова был один в камере, один. Сколько прошло дней, я не знаю, но однажды он снова явился ко мне. Бросив мне свой костюм, он выпустил меня из камеры, а сам заперся на моем месте. Я выскочил, как безумный. Я кричал, я вызвал по телефону караул, но, когда открыли камеру, в ней никого не было. А потом я стал бояться всех. Я в каждом видел его!

Последнее восклицание заставило вздрогнуть всех присутствующих. Все невольно, с волнением взглянули на улыбавшегося Крега.

— Это он! Он! Смотрите. Почему он молчит? Почему он смеется?

Арчибальд спокойно встал и методически, взяв бокал, сделал себе rainbow. Ликеры, налитые один на другой тонкими слоями, не смешивались, а делали причудливым бокал, заставляя его переливаться всеми цветами радуги.

Его спокойные, уверенные движения невольно успокаивающе подействовали на всех, и он, видя это, медленно поднял бокал.

— Ваше здоровье, джентльмены! — И залпом выпил этот аккорд ликеров. — Рекомендую: чудесный напиток. И особенно полезен вам, мистер Корнелиус. Вам повезло, мистер Дройд. Этот четверг будет сенсационным. Разрешите мне несколько слов.

— О, пожалуйста, Арчибальд.

— Я позволю себе удовольствие представить почтенному обществу человека, поистине замечательного, какого я когда-либо видел в свете. Мистер Энгер, прошу, — и Арчибальд с улыбкой указал на Крега.

Все взоры устремились на спокойно продолжавшего сидеть Крега, с невозмутимой улыбкой выслушавшего обвинение Арчибальда.

— Вы Энгер? — дрожащим голосом вскричал Дройд.

— К вашим услугам. Я удивляюсь вашей памяти, Дройд. Вы никак не хотите узнать меня, хотя, кажется, когда-то мы были с вами довольно хорошо знакомы.

— Это он! Он!

Корнелиус силился удержать щелкающую челюсть и дрожащими пальцами потянулся к бутылке ликера.

— Позвольте мне.

И ловко, отчетливо Энгер приготовил Корнелиусу rainbow.

— Это здорово, — прошептал Флаугольд. — Но как вы?..

— Да, именно, как узнали меня? — спросил Энгер,

— Пароль-шифр семь плюс два.

И Арчибальд молча бросил на стол шляпу и очки Корнелиуса, взятые из кассы Крега.

Измученное молчание охватило присутствующих, и даже Барлетт крикнул, приподымаясь с своего места.

— Джентльмены, вы видите перед собой Корнелиуса Крока-Энгера.

— Это ужасно, — проговорил дрожащим голосом Флаугольд. — Значит, он вел всю работу Карантина.

— Не без успеха, — добавил Энгер, не выказывая волнения.

И, услышав отдаленный рокот пулеметов, заглушаемый шумом улицы, усмехнулся.

— Последнее знакомство. Жаль, что нет генерала. Он с удовольствием встретился бы с вами, Катя.

— Вы умнее, чем я думала, Генрих Штубе.

Арчибальд галантно поклонился.

— Вы видите, джентльмены, они не сделали ни малейшей попытки к бегству. Я благодарю вас за то, что вы цените меня и мой ум.

— Откуда вы взяли, что они ценят ваш ум, Арчибальд? — недовольно попыхивая сигарой, произнес Барлетт.

— Да потому, что они знают, что если я выяснил их, то бегство невозможно. Не правда ли, господа?

— Конечно, к чему бежать? — небрежно сказал Энгер.

Арчибальд обвел всех гордым взглядом.

Дройд дрожащей рукой вынул револьвер. Его примеру последовали все остальные. Энгер встал и резко сказал:

— Спрячьте игрушки. Не вам меня остановить. Я остался потому, что мне незачем бежать.

— Почему?

— Потому что это всегда происходит тогда, когда рабочие выходят на улицу.

— Черт возьми!

— Что он сказал?

— Пусть повторит.

Но повторять было незачем. С улицы ясно донесся грохот пулеметной и ружейной стрельбы.

Все в страхе оглянулись.

Флаугольд, шатаясь, подошел к столу.

— Вы слышите, Арчибальд? Вот до чего вы довели страну.

— Теперь не до упреков.

И Арчибальд хлопнул в ладоши. Около Энгера и Кати выросли лакеи — агенты Комитета.

— Взять!

Но в этот момент все погрузилось в тьму. Электрическая станция присоединилась к забастовке.

С бешенством Арчибальд бросился к Энгеру.

— Света!

— Свечей!

Среди шума, грохота опрокидываемых стульев и кресел и случайных выстрелов раздался насмешливый голос Энгера:

— До встречи на баррикадах.

Глава V

Я С НИМИ, А ТЫ?

Вся республика сразу ощетичилась. Всюду шли бои, упорные, кровопролитные, бои не на жизнь, а на смерть. Каждый шаг той или другой стороны стоил массы жертв.

Обе стороны упорствовали.

Наемные войска, присланные из других стран, дрались профессионально, без увлечения, методически прочищая себе дорогу среди рабочих дружин. Бои не давали никому перевеса. Страна превратилась в клокочущий взрывами пороховой погреб.

Хозе был счастлив, когда слышал позади себя выстрелы. Аннабель, побледнев, с крепко сжатым ртом молча проезжала, с сожалением смотря на отдаленные бои.

Они были почти у границы.

Перед ними расстиралось гладкое шоссе, ведущее к счастью, к спокойствию.

— Едем сейчас, родная. Мы скоро будем в безопасности.

Аннабель странно посмотрела на него и ничего не ответила.

Шофер возился у колонки с бензином.

— Едем. Ведь мы имеем право на отдых. Мы ведь столько пережили. Едем, пока еще путь свободен.

Шофер подошел, поставил запасной баллон бензина в автомобиль и, махнув рукой, сказал:

— Ну, валяйте сами, без меня.

И быстро пошел обратно.

Аннабель смотрела вслед на удаляющуюся фигуру шофера, идущего к окруженному дымом взрывов месту боя.

Хозе торопливо возился с автомобилем.

— Готово! — радостно закричал он. — Едем!

Но Аннабель отошла от машины.

— Я с ними, а ты?..

И, не ожидая ответа, пошла к тем людям, которые вписывали в историю новую страницу борьбы за свое право на жизнь.

Хозе, ошеломленный, смотрел на уходящую Аннабель.

— И я тоже, — радостно закричал он и вприпрыжку догнал Аннабель.

Текст романа публикуется по первоизданию (М.-Л.: «Земля и фабрика», 1929). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. В оформлении использована обложка издания 1929 г. работы Л. Воронова.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.